

ЕЛЕНА СЧАСТНАЯ

Жена
В НАСЛЕДСТВО

Жена в наследство

Елена Счастливая
Жена в наследство

«Автор»

2019

Счастливая Е. С.

Жена в наследство / Е. С. Счастливая — «Автор», 2019 — (Жена в наследство)

Готовилась к собственной свадьбе, а оказалась в теле обнищавшей аристократки в неизвестном мире. О, нет, свадьба не отменилась! Но я должна выйти замуж за главу ордена Стражей, который купил мое тело и способности по сходной цене. И вернуть исчезающую родовую магию. А как только он получит нужное, я тут же стану постельной игрушкой для того, кто заплатит побольше. Всё потому что будущий муж почему-то меня ненавидит. Как и его надменный сынок. Похоже, мне срочно надо вернуться домой. Но прежде желательно выжить.

© Счастливая Е. С., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	33
Глава 5	48
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Елена Счастливая

Жена в наследство

Часть 1

Глава 1

– Будь же ты жив-здоров! – Я едва удержалась от того, чтобы не выругаться покрепче. Гораздо крепче. – Подожди, Аня.

Опустила трубку сотового и склонилась, едва не пролив кофе из полупустого стаканчика «Старбакс». Провела пальцем по свежей широкой царапине на бампере моей новой жемчужной «Мазды». Чёрт побери, ведь только неделю назад забрала из салона! Сквозь ободранную краску проступала грунтовка. Вот и начался день. Мало мне было ссоры с Антоном утром, так ещё и это.

Я снова приложила телефон к уху. Аня вздохнула сочувствующе.

– Что случилось? – её голос встревожился.

– Да какая-то скотина поцарапала мне бампер и смылась! Теперь доказывай в страховой, что я не верблюд.

Я махнула рукой.

– Расслабься. Выдохни... – Аня снова заговорила умиротворённо, будто собиралась меня усыпить.

Ох уж мне эти её книжки по психологии и аутотренинги. Сейчас мне они точно не помогут.

– Я знаю, что мне нужно. Чёртов шопинг. Сейчас же еду к тебе!

– Ты же завтра собиралась.

– Приеду через полчаса. Жди.

– Жду, – проникновенно согласилась подруга.

Гневно глядя в ту сторону, где пропал тот, кто испоганил мне машину и утро, я допила свой кофе со льдом. Обмахнулась папкой в другой руке. Проклятая жара. Казалось, сейчас на мне даже туфли расплавятся. В такую погоду сидеть бы дома с ведёрком фисташкового мороженого в обнимку, а не мотаться по раскалённому городу.

Я метко бросила пустой стаканчик в ближайшую урну и едва не вздрогнула, как в тот же миг снова затрещал телефон – посмотрела на экран и закатила глаза. Эта клиентка с меня живой не слезет. А сегодня, в весьма скверном расположении духа, мне вообще ни с кем говорить не хотелось – да куда денешься. Эта заказчица платила за организацию своей свадьбы приличные деньги: такие контракты попадают далеко не всегда. И потому приходилось терпеть её прихоти, а иногда мягко настаивать на своём, если она принималась нести откровенную чушь.

Медленно вздохнув, я нажала кнопку только что надетой гарнитуры.

– Доброе утро, Марина! – всеми интонациями попыталась передать наивежливую улыбку. – Я как раз собираюсь ехать смотреть ткани для вашего оформления... Нашла именно тот цвет, о котором мы говорили... Конечно... Да...

Я села в машину, слушая взволнованный клёкот заказчицы, и завела мотор. Автомобиль резво заурчал, а после лихо взвыл, как я нажала на педаль газа, слишком порывисто выезжая со своего места. Антон порой ругал меня за это. Мол, так я и сама могу вляпаться кому-то в бампер. Будто и представить не мог, что в этом случае у меня всё под контролем. Конечно, как

такое можно вообразить, если за рулём женщина. И ничего, что у этой женщины водительский стаж будет побольше его.

Быстрым нажатием кнопки я выключила «хандсфри» и раздражённо сбросила его с уха на сидение рядом. Всё! До обеда никаких звонков, пусть хоть поджарятся от нетерпения. Всегда можно позвонить моей ассистентке Лидочке, милой девочке, которая каждой клиентке готова пятки массировать. Или Ольге – наоборот, строгой и сдержанной, умеющей остудить любой пыл и привести комиссарскую аргументацию по поводу того, что на столе должны стоять не красные розы, а именно дымчато-розовые пионы. Но нет, нужно всегда донимать в первую очередь меня! Как будто каждый раз, как кому-то приходит в голову новая идея, тут же начинают рушиться все небоскрёбы Москва-Сити.

А пока Лидочка или Ольга разбираются с остервенелыми в предсвадебной горячке невестами, мне и самой не помешает уделить время своему грядущему торжеству. Да-да, организаторы свадеб тоже порой выходят замуж. И, к сожалению, им катастрофически не хватает времени на свой праздник, потому как на части их дерут клиентки и иногда собственный ассистентки. А вовсе изредка – будущий муж, которому тоже, оказывается, нужно внимание в этот суматошный период.

Но, к счастью, Антон ещё не звонил, разозлённый нашей сегодняшней стычкой по поводу необходимости приезда его безалаберного, хамоватого братца на свадьбу. Видно, дулся ещё. А может, застрял на важном совещании. Оно и к лучшему. Успею остыть оба, прежде чем вернуться к конструктивному разговору. А я успею заняться приятным делом и заодно залечить душевную рану от порчи нового авто.

Давно знакомой дорогой я добралась до салона известного свадебного модельера – Анны Романковой. На сей раз даже не по поводу платья для очередной заказчицы. Сегодня я приехала на примерку своего собственного, выстраданного в долгих обсуждениях, выборе тканей и фасона. Парковочное место для меня ожидаемо было свободно. Я вышла из машины и прищурилась, глядя на сияющую в свете солнца вывеску ателье. Аня сменила её недавно, отметив пятилетие своего детища, которое приобрело немалую популярность во многом благодаря мне. Ну, и безупречному вкусу хозяйки, естественно.

Асфальт прямо плавился под ногами, проминался – и я слегка застревала в нём каблучками. Жакет пришлось скинуть и остаться в одной блузке без рукавов – так хоть немного легче, хотя жара всё равно раскаляла голову.

Каким же счастьем было вновь зайти в прохладное от дыхания кондиционера помещение. Эти несколько метров от машины до двери показались адским адом.

– Доброе утро!

Я улыбнулась администратору Алине, которая встретила меня за невысокой полукруглой стойкой ресепшена.

– Доброе утро, Полина Сергеевна! – девушка даже встала, заставляя ощутить себя жутко важной персоной.

Она быстро набрала номер и доложила хозяйке, что приехала Полина Жукова, чтобы та вышла ко мне лично, а потом вновь устояла на меня, храня на губах почти что подобострастную улыбку.

С модельером Анечкой мы дружили со школы. После жизнь немного развела нас в разные стороны, мы даже не виделись несколько лет, зная друг о друге то небольшое, что мимоходом рассказывали общие знакомые. Созванивались порой, но редко. Казалось, теперь у нас разные судьбы. Она училась на дизайнера, а я вообще на инженера.

Но витиеватые повороты судьбы вывели меня к стезе организатора свадеб. А там мы столкнулись с Аней очень неожиданно, и теперь всегда поддерживали тесное общение.

– Полиночка, наконец-то! – звонкий голос Ани раздался откуда-то из офисных недр салона ещё тогда, как я её не видела. – Я думала, ты так и не приедешь на примерку. Всё откладывала, откладывала. Надо было поцарапать тебе машину раньше.

Я улыбнулась, как передо мной возникла наконец чуть полноватая брюнетка ростом мне чуть выше плеча. Как всегда, одетая безупречно – так, что лёгкая дородность вовсе не бросалась в глаза. Да что говорить, ухажёров у неё всегда было хоть отбавляй. Наверное, поэтому она до сих пор ещё не могла определиться. Хотя и получала уже несколько предложений о замужестве.

– Я, конечно, рискую забыть дату собственной свадьбы. Но о примерке платья – никогда. Тем более после такого...

Мы обнялись коротко. Я стёрла с щеки лёгкий след от её помады.

– Пойдём, оно тебя ждёт, – с придыханием возвестила Аня.

Мы вошли в вип-примерочную, огороженную занавесями цвета поздней сирени – и я так и встала, едва не выронив клатч из-под мышки. Оно было настолько великолепно, что хотелось зажмуриться.

– Надевай скорей, – шепнула подруга, привстав на цыпочки, чтобы дотянуться до моего уха. – Ей богу, я слышала сегодня, как оно тебя тихо звало. Я не чокнулась. Не думай.

Она многозначительно покивала, когда я посмотрела на неё с долей скепсиса на лице. Нет, с платьями, которые выходили из-под руки, а точнее, карандаша Ани, у неё были особые отношения. Но чтобы разговаривать с ними... Такого я ещё о ней не знала.

Я быстро скинула костюм и позволила подросшим на помощь ассистенткам Анны надеть на меня моё самое желанное на свете платье. Оно пронеслось по телу волной тяжёлого прохладного шёлка, облепило грудь мягким кружевом, село по фигуре так идеально, что от кожи не отличишь. Но чудным образом вовсе не стесняло движений. Откровенное декольте, обрамлённое волнами кружева, смягчалось строгим воротником, который, переходя с плеч, обхватывал шею подобием бархатки. Струящийся шёлковый подол с недлинным шлейфом ложился позади мягкой волной. Талию обнимал тонкий золотистый ремешок.

Я приподняла волосы, открывая шею и скулы, повертела головой, прикидывая, как буду смотреться с причёской, которая подходила бы этому платью лучше всего. Перфекто. Лучше и быть не может. Скрупулёзно снятые мерки, крой, дорогие ткани – и хоть сейчас под венец. Потому что расстаться с ним ни на миг не хочется.

Аня стояла за моей спиной, сложив руки у груди – и казалось, что сейчас расплечется.

– Ты такая красивая, Поля. Даже самой замуж захотелось.

– Так иди, – я усмехнулась, глядя на неё через зеркало. – Кто там тебя сейчас зовёт? Роман?

– Андрей, – обиженно поправила меня подруга. – С Ромой мы расстались ещё два месяца назад.

Я и хотела бы присвистнуть, да не умела. Не успела я ещё привыкнуть к Ромочке, который обхаживал подругу... Семь месяцев? Девять? Как теперь на меня свалилась новость, что у неё какой-то Андрей. Который уже – дамы и господа! – зовёт её замуж.

– Ты страшный человек, Аня, – я покачала головой, проводя ладонью по приятно неровному кружеву под грудью. – Как ты до сих пор не увела у меня Антона?

Та махнула рукой.

– Ну, во-первых, уводить мужчин у подруг – это низко и вообще табу. А во-вторых, он же влюблён в тебя без оглядки. Правда, не знаю, почему.

Она показала мне язык в ответ на возмущённый взгляд. Я снова посмотрела на своё отражение. Повела плечами, маясь от первого раздражающего ощущения. Как будто что-то кололо под лопаткой.

– Ты точно вынула все булавки?

Попыталась пошарить по ткани, но не удалось дотянуться.

– Шутишь? – фыркнула Аня, подходя ближе. – Это же моя репутация...

Она провела ладонью по кружеву, ощупывая. А я пристально уставилась в своё отражение: уж больно странным оно показалось. Как будто смотрела на меня с той стороны зеркала совсем другая девушка, а сама его поверхность плыла, покрывалась рябью, открывая картину вовсе не Аниного салона, а какой-то полутёмной комнаты с каменными стенами и узким окном. Это видение длилось всего миг, а после меня словно скрутило стальным кольцом там, где был пояс. Сдавило все внутренности – и показалось, что сейчас раздробит позвоночник. Не помню, кричала я или нет. Скорее всего, просто вздохнуть не могла. Аня захлопотала вокруг меня испуганно, мелькая светлым пятном блузки перед глазами – вперемешку с другими пятнами, которые застилали всё впереди. Я не могла дышать и говорить. Только чувствовала, как кренюсь вбок. Меня пытаются подхватить чьи-то руки, но сил их хватает только на то, чтобы хоть как-нибудь мягко уложить на гладкий мраморный пол.

– Снимите, – прохрипела я то ли тихо, то ли и вовсе беззвучно. – Платье.

Последним увидела лицо подруги, склонившееся близко-близко. Она говорила что-то. Я не расслышала. А после просто провалилась в обморок.

Я никогда не падала в обмороки раньше, а потому не знала, как должна чувствовать себя в этот миг. Но даже так могла понять, что вовсе не типичные ощущения обуревали меня.

Казалось, что я бегу. Дышу часто и рвано, захлёбываюсь густым, влажным, будто перед грозой, воздухом. В ногах плещется подол длинного платья. Тяжёлый: то ли бархатный, то ли атласный – некогда смотреть. Потому что за мной гонятся. Я слышу его хрип – сочный, жадный – и нет сомнения в том, что это не человек. А значит, меня хотят сожрать. Или просто разорвать на куски ради удовольствия и в угоду кровожадности. И я боюсь оглянуться, потому что знаю: если увижу преследователя, просто остолбенею от ужаса. Потому надо бежать.

Трепещут под ногами ветки. Иногда хлопает грязь – и обувь уже промокла давно, но это всё равно – лишь бы скрыться. С головой накрывает ощущение жуткой ошибки и беспомощности, будто я сама загнала себя в эту западню. Только либо не знала, либо не помнила, как такое случилось.

Что-то явно пошло не так в этот день.

До меня волной докатывается страшный смрад, который даже не с чем сравнить. Гниющего мяса вперемешку с конским потом и стоялой, давно протухшей водой. Что-то острое цапнуло подол. Задержало. Я споткнулась, но сумела устоять и ринулась дальше, почувствовав ещё один взмах огромной лапицы за спиной. Вскрикнула, не удержав вспышки невыносимого ужаса. Вытянула перед собой руки, чтобы отвести от лица ветки густого подлеска. Они ударили мокрыми плетями по ладоням, осыпали каплями недавно прошедшего дождя. На миг брызгами охладилась голова, гудящая от напряжения и бестолковых, разорванных на клочки ужасом мыслей. Прокатилась ознобом по влажной спине прохлады сырой низины.

Чьи-то голоса слышались вдали.

– Паулине!

Я повернула к ним – за спасением. Или нет? А преследователь не отставал, гнал меня будто в капкан, который расставили на меня где-то там, впереди. Того и гляди сомкнётся на щиколотке – тогда уж не сбежать. Голоса стали громче, разнеслись метящимся между деревьев эхом, путая: куда дальше? Где они?

Что-то просвистело, как будто бесшумная пуля. Тот, кто бежал за мной, рыкнул тихо, с подвыванием, но не остановился. Только шаги его стали тяжелее и медленнее. Ещё одна тёмная полоса мелькнула сбоку, заставив дёрнуться в сторону: не зацепило бы. Судорожный низкий всхлип за спиной. Треск валежника под тяжёлым телом. Я снова повернула, укрылась за широким тёмным стволом. Выглянула из-за него: тихо и пусто. Будто все, кто мгновение назад были вокруг, провалились сквозь землю.

Я прислонилась спиной к шершавому, дерущему спину через ткань дереву и закрыла глаза. Самое время. Другого шанса не будет, иначе меня всё же поймают не одни охотники, так другие. Чёткое осознание этого наполнило голову ясностью и решимостью. Я достала из потайного кармана платья кинжал, взвесила в мокрой от испарины и росы ладони. Обхватила её крепко и, задержав дыхание, ударила себя в бок.

* * *

Виски ломило так, будто сейчас их сжимали огромными тисками. К тому же невыносимо резало в боку, под самыми рёбрами. А уж после гвоздями вбилась в уши совсем не тот шум, который можно было ожидать в салоне платьев. Топот, словно мимо меня проносился табун лошадей, выкрики. Показалось сначала, на незнакомом языке, но с каждым мигом они становились понятнее. Будто из памяти появлялись новые слова.

Как же тяжело дышать... И во рту пересохло страшно. Тело ещё не желало слушаться, лишь позволо принимать хоть какие-то сигналы отовсюду. Пахло сырой землёй и смятой травой. И чем-то солёным... Как будто кровью? Уж точно не морем.

Я слабо помотала головой, пытаюсь стряхнуть это липкое наваждение, но оно не отступало. Крики стихали, уступая место какому-то неестественному безмолвию.

Я открыла глаза, пытаюсь пошевелить хоть чем-то. Хоть мизинцем – и с удивлением поняла, что в ладони лежит холодная рукоять то ли ножа, то ли ещё какого оружия. Плавно изогнутая, с непонятными узорами, которые обвивали её по всей длине. Я так и лежала, ощупывая совершенно непривычный для меня предмет и глядя в небо над головой. Странное осознание наваливалось постепенно: это не то небо, к которому я привыкла. Нет, оно было обычным: хмурым, словно осенью, затянутым тяжёлыми перетекающими тучами. И неуловимо другим.

Я вновь закрыла глаза, надеясь, что это просто дурацкий сон. Или последствия обморока, в который свалилась в примерочной. Топот резко приблизился. Я вскинулась, внезапно обретая силы – и едва не прямо перед глазами оказалась мускулистая грудь вороного коня. Чуть выше – морда, трепещущие вокруг удил губы и круглые ноздри, жадно втягивающие воздух.

– Вы в порядке, мейси? – холодный, будто камень, голос свалился на голову.

А потом над шеей коня показалось лицо мужчины. Молодого, но уже далеко не юного, с точёными, выпуклыми чертами. Широкий, чуть тяжеловесный подбородок, резкие скулы, длинный аристократичный нос. И глаза – такого же цвета, как небо над ними. Сумрачные, стылые. Его влажные то ли от пота, то ли от мороси волосы падали небрежными волнами вокруг головы, только что взъерошенные рукой.

Я снова упала на землю. Грянулась спиной о какой-то камень, на котором до этого лежала, совершенно не чувствуя. Что за бред? Что за кони и мужчины, словно со страниц женских романов? Кто-нибудь дайте мне нашатырь, чтобы я скорее пришла в себя!

– Она ранена, – серьёзно констатировал другой голос. – Кровь теряет.

Тот незнакомец с облачными глазами спешил и быстрым шагом приблизился. Я бездумно провела взглядом по его высоким выпачканным в грязи сапогам. Он присел, опустив одно колено прямо в мешанину травы и земли. Вынул нож – или что там было – из моей ладони. Горячей кожи коснулись прохладные пальцы.

Сначала мужчина оглядел кинжал, тихо хмыкнул – отчего его красивые губы неприятно исказились – а затем меня.

– Она ранила себя сама, – почти фыркнул, словно совсем этому не удивился. – Неужто замужество хуже смерти? Отнесите её в карету и перевяжите. Слангера грузите в телегу. Будет хорошая шкура на куртку.

– Что с телами? – спросил кто-то из сопровождающих.

– Отправьте обратно в Шадоурик. Там займутся их погребением.

Он встал и вновь запрыгнул в седло – так ловко, что любоваться бы, но... Какие тела? Какая карета?! Я приподняла голову, вглядываясь сквозь переплетение тонких ветвей. Там и правда стоял экипаж подобный тому, какие я видела однажды в Эрмитаже на выставке. Откуда бы ему тут взяться? Да и откуда вообще взяться мне посреди леса, на дороге, которая больше напоминала сельскую тропу, в окружении мужчин в странных, подходящих разве что для съёмок исторического фильма нарядах?

– Что произошло? – всё же решилась выяснить я, хоть от меня вопросов и распоряжений явно никто не ждал.

Обвела незнакомцев взглядом. Они все смотрели на меня со смесью усталости и любопытства – человек пять. Все высокие и атлетичные – хоть на эротик-календарь снимай. Только сейчас это меня вовсе не будоражило.

– Мы выехали вам навстречу, а застали бойню, – ответил один, самый молодой и, видно, жалостливый. – Слангеры напали. Вы одна выжили, мейси.

Осознания неправильности, но в то же время невероятной реальности происходящего сыпались на меня одно за другим. А ещё одним стало, что говорят все эти незнакомцы на совершенно чужом языке. Но, странное дело, я их прекрасно понимаю. Будто эти знания кто-то вложил мне в голову извне.

Нет, я точно ударилась черепом о дорожный пол в Анином салоне. Может быть, у меня даже сотрясение головного мозга! Может, я вообще теперь буду лежать всю оставшуюся жалкую жизнь в коме и видеть перед собой вот это всё. Ведь такого просто не может быть!

– Хватит болтать! Унесите её! – напомнил предводитель.

Один из его сопровождающих шагнул ближе, присел. Я и хотела бы вскочить, оттолкнуть огромные мужские руки, что потянулись ко мне, но только слабо дёрнулась. От боли даже дыхание застряло в груди.

– Тише, мейси. Осторожнее... – успокаивающе заговорил склонившийся ко мне темно-волосый мужчина. Улыбнулся слегка растерянно и мягко схватил меня за плечи. – Вы ранены, вам нужна помощь. Тише...

– Мне не нужна помощь, – просипела я и сама же удивилась. – Мне нужно домой!

Оказывается, и говорила я на другом языке так, будто он был мне родным. Да только слушать и хвалить меня за невероятные знания никто не стал. Мужик сгрёб меня на руки, отчего в боку словно раскалённый гвоздь шевельнулся, и понёс прочь. Я вывернула голову, ища взглядом того незнакомца на вороном коне. Увидела только его спину, что возвышалась над крупом лошади, отдаваясь от меня. Почему-то казалось, что ответы надо узнавать у него.

Кто он такой? Кто вы все такие?!

И засыпать бы их вопросами, но какой-то неведомый инстинкт подсказал, что сейчас нужно помолчать. Начни я утверждать, что меня вовсе не должно здесь быть, требовать вернуть домой – и в лучшем случае меня сочтут сумасшедшей. В худшем... а вот наихудшие перспективы я себе и представить боялась. В душе ещё теплилась надежда, что всё это только нечто вроде сна, хоть ощущения весьма натуральные. Стреляющая боль в боку, запах сырой шерсти, что исходил от плаща мужчины, который нёс меня в тёмно-коричневую карету со сложными вензелями на дверцах. Видно, это какие-то родовые знаки.

В экипаже оказалось промозгло. Погода, похоже, не радовала уже давно – и всё здесь отсырело. Даже обивка дивана, куда меня аккуратно уложили. А вот сама карета выглядела довольно богато, если я вообще что-то понимала в убранстве таких повозок.

– Дайте посмотреть, – всё тот же незнакомец присел на корточках рядом и осторожно приподнял мою руку, открывая горящий огнём бок. – Позвольте.

Я попыталась вырваться, ещё не веря в происходящее. Карета дёрнулась, трогаясь с места – и мужчина покачнулся, навалился слегка. Меня даже передёрнуло. Ох, не люблю, когда

всякие не слишком хорошо вымытые джентльмены нарушают моё личное пространство. Пусть и не нарочно.

Он тихо извинился и всё же осмотрел рану. Для этого ему пришлось сильнее разодрать порез на длинном бордовом платье весьма странного для меня кроя. Мужчина досадливо цокнул языком, и внутри всё закрутилось в узел – я умираю? Вдруг резко захотелось жить. Хотя бы в этом пока непонятном мне мире.

– Что там? – спросила, остро желая узнать подробности.

И тут же поняла, что сглупила. Ведь тот надменный аристократ – а он явно был непростых кровей, это даже я, жительница мегаполиса, где аристократов не каждый день встретишь в булочной, понимала – сказал, что ранила я себя сама. И результат моего неосторожного вопроса проявился тут же: мужчина глянул подозрительно и удивлённо.

– Там глубокая рана, мейси. Вы что же, не помните, как сами себя ударили ножом? Или прикидываетесь дурочкой?

Так. Похоже, ко мне здесь если не все, то многие относились с непонятной неприязнью. И что самое паршивое – я ведь и правда ничего не знала из того, что случилось перед тем, как меня нашли. На минуточку, с ножевым ранением.

– Я... Я не знаю. Я помню всё очень плохо...

Иногда прикинуться дурочкой – не самый плохой вариант. Тогда мужчины начинают относиться снисходительней: мол, что с неё, блондинки, взять. Порой выгодно. Похоже, эта хитрость сыграла и здесь. Незнакомец со вздохом закатил глаза, а потом вновь уставился в мой бок, осторожно его ощупывая.

– Кровь надо остановить и перевязать вас, иначе может обернуться плохо, – без особых эмоций сообщил он. – Кинжал вошёл неглубоко и, кажется, ничего важного не задел. В Стражи вас не взяли бы – с такой-то меткостью.

Кто такие эти загадочные Стражи, я, понятное дело, знать не знала. Просто благоразумно промолчала на его слова, которые, видно, должна была воспринять, как колкость. Мужчина снял со своего пояса кожаную фляжку, открутил крышку и щедро плеснул мне на рану. Наверное, я взвыла, как буйвол в любовной горячке. По крайней мере, никогда раньше таких звуков в моём горле не рождалось. Даже в ту пору, как мама неосторожно отдала меня в хоровое отделение музыкальной школы, непонятно с чего решив, что у меня есть слух. Из глаз тут же вышибло слёзы, а дыхание заколотилось в груди, словно сотни маленьких раскалённых камешков. Как больно-то!

– С ума сошли? – прохрипела я, выгибаясь на жёстком, трясущемся вместе с каретой диване.

И тут все мои и без того скудные силы разом схлынули. Я распласталась, не способная пошевелить ничем больше. Жгучая боль охватила не только бок, а всё тело, въелась даже во внутренности.

– Что у вас там творится? – раздался возмущённый оклик снаружи. – Стоять!

Карета резко остановилась, и я едва не скатилась с дивана. Распахнулась дверца, и внутрь заглянул тот самый мрачный аристократ. Он перевёл гневный взгляд с меня на моего невольного мучителя, а тот только развёл руками.

– Делаю, что могу, мениэр ван Берг. Вы же приказали. Её бы лекаря показать. Да и женщина тут справилась бы лучше – жаль, погибла. А так... Как бы не загноилось.

Божечки! Похоже, об антисептиках здесь слыхом не слыхивали, кроме того, что выплеснули мне на бок только что.

– Покажем. Геролфу покажем, как доберёмся до поместья, – уже спокойнее проговорил тот. – Но вы всё ж поосторожнее. Отец не будет рад подпорченной невесте. Хотя... Целость её кожи не имеет особого значения. Но всё ж неприятно – столько расходов.

«Ах ты ж какой гад!» – подумалось с вялой злостью. Просто мозг был сейчас настолько ослеплён болью, что даже ругательств никаких толковых в нём не могло возникнуть. Но то, с каким пренебрежением он отозвался о, между прочим, моей шкуре, всё ж укололо где-то в подвздошье. А уж потом до меня дошёл смысл остальных его слов.

Невеста отца... Какого, простите, чёрта?! Мало того, что очнулась не пойми где, так ещё и в статусе невесты какого-то очередного незнакомого мужика. И как ни мало мне нравилась вся эта мутная ситуация с самого начала, а чем дальше, тем нравилась всё меньше.

Но тот, кого называли мениэром ван Бергом, только равнодушно скользнул по мне взглядом, словно по дождевому червю, который переползал дорогу перед ним. Так и представилось, как он заносит ногу и давит меня без единого проблеска сожаления. И было так дико видеть на чьём-либо лице столько омерзения, что я потрясённо затихла, перестав судорожно всхлипывать. Да в чём же успела перед ним провиниться?

Не в силах более выносить его ненастный взгляд, я отвернулась, а он захлопнул дверцу кареты. Повозка качнулась и поехала дальше, сопровождаемая всадниками по обе стороны. Но и это перестало иметь хоть какое-то значение. Потому что меня настигло ещё одно понимание. Я была не я.

Вернее, я, но в какой-то другой оболочке. Мои разметавшиеся по сидению волосы оказались чёрными, совсем как шкура вороного коня ван Берга. Куда подевался мой пепельный блонд?! Мало того, что я вдруг стала брюнеткой, так ещё и моё вылизанное – волосок к волоску – каре до плеч превратилось в копну густых выющихся локонов. Они теперь стелились под моей головой и спиной, местами слипшиеся от грязи, но всё равно невероятно красивые. Даже завораживающие. У меня никогда в жизни не было таких длинных волос.

Преодолевая боль, я подняла руки и оглядела их – точно не мои. Длинные пальцы, даже чуть костлявые, но в целом красивой формы. Естественно, никакого маникюра. И попросить бы у кого зеркало, но это будет выглядеть очень уж подозрительно. Да и вряд ли у того коновала, что неуклюже взялся за моё лечение, окажется вдруг зеркальце за пазухой.

Пока он возился в перекинутой через плечо увесистой сумке, я ощупала своё лицо, конечно, ничего толком не понимая, но смутно догадываясь, что и оно принадлежит не мне. Нет, это точно пахло черепно-мозговой травмой. Примерила платье, называется.

Одно хорошо: тот мужчина, на чьё попечение меня оставили, нашёл, чем перевязать рану. После прижигания тем лютым пойлом, вонью с которым не мог потягаться даже дешёвый виски, боль немного успокоилась, но чувство назойливого жжения никак не уходило. К тому же от крепкой перевязи было тяжело дышать. Но не мне в моём положении жаловаться. Ещё недавно я и предположить не могла, что могу умереть от удара в бок ножом, а сегодня эта возможность замаячила передо мной пугающе отчётливо.

К тому же, чем дольше я ехала в сыром экипаже по соседству с незнакомцем, которого успела уже неплохо разглядеть, тем больше убеждалась, что это не сон и не наваждение. И даже не бред. Я и правда каким-то неведомым образом попала то ли в прошлое, то ли и вовсе в какой-то другой мир. Не зря померещилась мне та девица в зеркале. Ох, не зря!

– Как вас зовут, мениэр? – после затянувшегося молчания всё же решила спросить моего спутника, который сел в противоположном углу кареты и вперился в маленькое оконце.

После наблюдения за всем, что он делал, за тем, как смотрел на меня и как разговаривал, я сделала вывод, что раньше мы не были знакомы. Он повернул ко мне слегка взлохмаченную голову, хмуря чёрные, будто углем нарисованные брови. Но, кажется, ничуть не удивился вопросу: а значит, я не ошиблась.

– Алдрик.

– А как меня зовут, вы знаете? – Мужчина нахмурился ещё сильнее, потому пришлось пояснить: – Просто не знаю, представляться вам или нет.

Он слегка успокоился и повёл плечом.

– Знаю. Паулине дер Энтин. Можете не представляться. Вас сейчас в окружении йонкера Хилберта ван Берга мало кто не знает. А уж его отца – тем более.

Он хмыкнул то ли презрительно, то ли насмешливо. А мне немного полегчало. Хотя бы удалось вывести имя предводителя всей этой шайки. Уже в этом не попаду впросак, если придётся к нему обращаться. Осталось только выяснить имя того мужчины, которому я неведомо каким сомнительным счастьем приходилась теперь невестой.

Вот же подстава! Собиралась замуж за Антона, которого знала уже вдоль и поперёк, а тут просватана за того, кого не знаю, как и зовут. Лютое средневековье, что тут скажешь.

Паника накрывала меня рваными волнами. Но я старалась успокоиться: что-то да выведу о неожиданном женишке. А там мало-помалу, может, удастся разузнать, кто я вообще теперь такая – тоже вопрос не из последних. Может, пойму даже то, как вернуться назад – в свой мир и своё тело. Вот своего тела было особенно жаль. В остальном же я вообще мало представляла себе, как буду выкручиваться, когда дело коснётся того, что я должна знать, а не знаю. Ведь этот мир совершенно мне не знаком: какие тут порядки, какие устои? Может, мужчины здесь жрут жён после свадьбы – кто их знает?

Но пока что меня везли не на казнь, а, похоже, на собственную свадьбу. И, судя по всему, торжество предполагалось нерадостное.

Глава 2

Погода снаружи, похоже, совсем испортилась. Застучал по крыше дождь, не сильный, но изматывающий: от такого обычно становится пустой голова. Вот и моя опустела, переполнившись, словно оперативная память компьютера. Я уже не способна стала ни о чём-то переживать, ни бояться будущего. Только лежала на сидении кареты, монотонно покачиваясь, и морщилась, когда колесо налетало на камень или попадало в ямку на дороге – тогда в бок ударилось острой болью.

Всадникам, похоже, тоже не особо нравилось ехать под дождём, а потому они то и дело поругивались и ворчали. Я слышала множество голосов, что отрывистыми фразами вспыхивали то в одной стороне, то в другой. И ни разу – голос Хилберта ван Берга. Похоже, ему одному было всё равно. Лишь из обрывочных разговоров мужчин мне удалось понять, что едем мы в некий городок или деревню под названием Моссхил. Там собирались заночевать: потому в словах каждого то и дело проскальзывало предвкушение тепла и отдыха.

Они обсуждали тех, кто напал на меня. Напал и перебил всё моё сопровождение – вернее, сопровождение Паулине. Хорошо, что трупов я не видела – это оказалось бы выше моих сил. Мужчины безуспешно пытались разговорить своего предводителя, но тот либо молчал, либо отвечал так коротко и тихо, что невозможно было разобрать слов. Будто нарочно так делал, чтобы я ничего не поняла. А ведь любая информация сейчас была для меня полезной.

Начало темнеть. Алдрик задремал, привалившись виском к стенке и тихо захрапел: похоже, за моё самочувствие вовсе не беспокоился. Я и правда чуть оправилась, даже попыталась сесть: от долгого лежания затекло всё тело. Но в боку так выстрелило, что я снова опустилась на сидение. Ну его. Лучше побережусь, а то кто его знает, что будет дальше и не понадобится ли мне всё моё здоровье.

Скоро размытая дорога сменилась более укатанной. Карету перестало так нещадно трясти, она перестала то и дело застревать в грязи – и покатила резвее. Я приподнялась и выглянула в окно: мимо проплывали невысокие аккуратные домики – все сплошь каменные, приземистые, с небольшими оконцами, в которых обязательно горели огоньки свечей. Не удивительно: ведь в них, наверное, почти не попадает свет.

Стояли вдоль дороги и более высокие дома – двухэтажные: видно, они принадлежали самым зажиточным людям. То и дело попадались вывески над дверями, мокрые от дождя, с потемневшими от влаги деревянными фигурками и коваными завитками вокруг них. То ли ремесленные мастерские, то ли какие-то лавки: разглядеть, что на них изображено, или тем более прочесть надписи я не успевала.

Скоро карета совсем замедлилась и постепенно остановилась возле окованной узкими металлическими пластинками двери.

Тут я успела разглядеть и вывеску над ней: месяц со звёздами на плоском круге. И надпись «Утиное перо». Видно, она должна была убедить путников в том, что подушки и перины здесь исключительно мягкие. Меня радовало уже то, что весь этот отряд не остановился ночевать под открытым небом. Если уж нет возможности переломить ситуацию сейчас – да что там переломить, хотя бы в ней разобраться – то пока стоит просто отдохнуть и набраться сил. Путешествие в карете, у которой, наверное, и рессор-то нет, только измотало меня вконец.

Алдрик проснулся, как только экипаж остановился – заморгал вяло и огляделся. Начали спешиваться всадники, а с заднего двора ночлежки прибежали двое парнишек в порядке поношенной, но чистой одежде – помогать гостям.

Я с любопытством наблюдала за тем, что происходит, через окошко, за которое цеплялась пальцами. И, увлекшись, даже вздрогнула, когда прямо перед моим носом возникло лицо Хилберта. Он распахнул дверцу и резким жестом подал мне руку.

– Надеюсь, вы способны выйти сами, мейси, или вас придётся нести?

Нести... Ещё чего не хватало! Меня и так уже вдоволь полапал Алдрик. Я смирила хмурого йонкера взглядом и молча вложила ладонь в его пальцы. Вставать с сидения оказалось тяжело и совсем не приятно: по телу побежало покалывание, как в одной огромной отсиженной конечности, а в боку словно шипастый вал заворочался. Но я постаралась не подать вида. Только бы не упасть прямо на каменную мостовую: колени нехорошо подрагивали. Пришлось вцепиться в руку Хилберта сильнее.

Он подозрительно глянул на меня, помогая спуститься, а другой рукой махнул светловолосой девице приятной внешности в уныло коричневом платье с полосатым передником – и та спешно подошла.

– Отведите аарди дер Энтин в приличную комнату. Самую приличную, что у вас есть. И позовите лекаря. В Моссхиле ведь есть лекарь?

Девица рьяно закивала, украдкой рассматривая знатного господина всего – от носков его сапог до кончиков небрежно разметавшихся на ветру, прибитых дождём волос. Тот и не взглянул на неё, словно это было ниже его достоинства. Какой, однако, высокомерный! Но, стоило признать, этим он и привлекал к себе: холодностью недвижимой скалы, о которую хоть бейся – а всё равно останется невозмутимым и безразличным к тем, кого не считает достойным своего внимания. За это его даже мне хотелось хорошенько треснуть.

Горничная – так я решила назвать девицу довольно сомнительной, на мой вкус, профессии – проводила меня через душный зал первого этажа постоянного двора.

Здесь располагалось нечто вроде полутёмной харчевни. Пованивало, надо признать, скверно, как на задворках какого-нибудь дешёвого дискаунтера «у дома». Да и верно: для кого здесь готовить свежую еду? В этом-то захолустье. За одним из столов сидели только двое мужчин в плотных штанах и сапогах до колен, в распахнутых куртках из необычной кожи, похожей на нерпу. Они заинтересованно мазнули по мне взглядами, едва подняв головы от своих кружек, наполненных чем-то горячим.

Следом за мной вошёл Хилберт – и мужчины тут же вскочили с мест, вытянулись, как будто окаменели. Однако...

– Мениэр ван Берг, – приветствовали его резкими кивками.

Служанка повела было меня дальше, но я нарочно приостановила шаг. Очень любопытно.

– Какого лысого гарга вы тут сидите? – Хилберт подошёл к незнакомцам в несколько широких шагов, и те переглянулись, ещё сильнее выпрямляя спины. – Почему не несёте дозор?

– Так дождь, мениэр ван Берг, – попытался оправдаться один. – Заехали вот согреться малость.

В харчевню со стороны кухни настороженно заглянул ещё один мужик: низенький и худощавый. Видно, хозяин сего заведения: это было понятно по его встревоженному взгляду и щеголеватому виду яркого жёлто-зелёного наряда. Как на маскарад собрался.

– Согреться, – хмыкнул Хилберт.

Он взял одну из кружек, что стояли на столе, и понюхал. Удовлетворённо качнул головой: видно, там не оказалось ничего запрещённого.

– Мы сейчас же вернёмся к службе, – уверил его второй мужчина.

– Конечно, вернётесь, – йонкер с грохотом поставил кружку обратно. – И приведите себя в порядок. Выглядите будто не Стражи, а разбойники. Скоро наведу к вам в гарнизон. Совсем распоясались.

Он повернулся и пошёл к хозяину постоянного двора. Тот с готовностью и нижайшей улыбкой вышел ему навстречу. Дальше я ничего не увидела: горничная настойчиво потянула меня вверх по лестнице.

Комнат здесь оказалось немного – с десяток по обе стороны тёмного, как подземный переход на окраине, коридора. Обшарпанный вид дверей заставлял сомневаться, что в матрасах постелей в номерах было и правда утиное перо. Скорее уж солома.

Девушка отперла один и прошла внутрь первой, неся свечу в подсвечнике. На удивление, комнатка оказалась не так уж и плоха, если забыть о том, какие отели я видела в своей жизни раньше. Если тут нет хотя бы клопов – то и ладно.

– Аарди желает поужинать? – любезно поинтересовалась горничная.

Я даже на миг растерялась. Есть совсем не хотелось, а вот выпить чего-нибудь горячего было бы замечательно. Только какие тут напитки? Чай? Кофе? Вряд ли...

– Принесите, пожалуйста, чего-нибудь согреться. Только не горячительное, – туманно выразилась я.

Но девушка понимающе кивнула и быстро вышла из комнаты, напоследок глянув на моё заметно испачканное в земле платье. Ладно хоть дыра от ножа на нём скрылась под плащом. Пока служанка бегала в харчевню, я села на постель, а затем прилегла, озираясь. Темновато. Стены обшиты досками. На дальней висит какая-то картина, настолько засиженная мухами, что в полумраке и не разобрать, что на ней изображено: то ли какая-то пастораль, то ли голая девушка. Я помяла пятой точкой матрас – вот ведь жулики, и правда солома.

Скоро горничная вернулась с небольшим подносом, на котором стояла солидная глиняная кружка. Над ней поднимался пар, а по комнате разливался приятный аромат каких-то неизвестных мне специй.

– Что это? – всё же спросила я, не сумев совладать с любопытством.

– Волрейн, – слегка удивлённо ответила девушка.

Видно, такие простые вещи мне было положено знать. Но я состроила невозмутимый вид и кивнула ей.

– Ещё можете принести умыться?

– Конечно, мейси.

Горничная снова убежала. Удивительно услужливая для такого захолустного места. У нас где-нибудь в затрапезном городке в полупустой гостинице уже обхаяли бы с ног до головы. А тут выполняют всё что попросишь совершенно спокойно.

В коридоре зашумели мужские голоса: видно, все мои спутники тоже начали расходиться по комнатам.

– Вам, мениэр, самая лучшая, что у меня есть. Только для особых гостей, – заискивающе проговорил, судя по всему, сам хозяин.

Прозвучали шаги – и стихли, когда хлопнули одна за другой сразу несколько дверей. Прислушиваясь к приглушённому гомону, я отпила из кружки – и всхлипнула, вытирая выступившие на глаза слёзы. Не знаю, из чего варили этот волрейн, но напоминал он наш глинтвейн, только с хорошей порцией перца. Очень хорошей – даже в носу закрутило. Но согревал он отменно – с этим не поспоришь.

Неожиданно в дверь постучали, и после разрешения входить, двое мужчин внесли тяжёлый сундук. Похоже, с моими вещами. Точнее, той девушки, в теле которой я оказалась.

А за ними в сопровождении служанки ввалился – по-другому и не охарактеризуешь – полноватый мужичок ростом мне чуть выше плеча. Это и ладно бы, но больше всего встревожило, что он был едва не вусмерть пьян.

– Это что, лекарь?! – Я медленно отставила полупустую кружку на столик.

Девушка виновато развела руками.

– Другого у нас нет. Он не всегда такой, – попыталась она оправдать вид врача, который, признаться, ни в какие ворота не лез.

– Да мне какая разница? Я не спрашиваю про дни, когда он «не такой»! Я его к себе не подпущу!

Лекарь пробормотал что-то совсем неразборчивое. Добавил, что он и в таком состоянии вылечит кого угодно. Сделал ещё шаг ко мне, заставив отшатнуться, и едва не рухнул лицом вниз: служанка успела его подхватить под локоть.

– Может, я могу помочь вам, мейси? – пропыхтела она, выталкивая горе-лекаря из комнаты.

– У меня там всё очень плохо. – Я поморщилась, осторожно притрагиваясь к боку.

Служанка помогла мне открыть сундук и выбрать сорочку на ночь. Я умылась, вытерпев её вездливый взгляд. Её буквально разрывало от любопытства от вида небрежной перевязи поперёк моего туловища. И спросить хотелось, и смелости не хватало.

– Да уж, это никуда не годится, – вздохнула девушка наконец.

А затем снова умчалась – уж сколько случилось со мной хлопот – но скоро вернулась с каким-то горшочком и узким мотком чистой ткани. Делала она всё гораздо осторожнее и более умело, чем Алдрик. Мне сразу полегчало настолько, что о ране и вовсе можно было позабыть. Если воздержаться от резких движений.

Выяснить бы ещё хоть что-то у этой милой девушки, о которой я, похоже, несправедливо подумала в не самом лестном ключе.

– Как вас зовут, мейси? – спросила, вспомнив, что так и не узнала её имени.

Страшно было, конечно, напутать что-то в обращении, но похоже, ошибки не случилось.

– Лаура. А вы ведь Паулине дер Энтин... – Она глянула исподлобья. Не спросила, но уточнила. – Простите, но о вас сейчас так много говорят.

Так-так – я, прямо как ищейка, почуяла возможность узнать о себе побольше.

– Что же обо мне говорят? – фыркнула с нарочито небрежным видом и снова отпила из кружки.

Кажется, к этому напитку я уже начинала привыкать – по крайней мере, передёргивать меня перестало.

Лаура вздохнула и почему-то покосилась на дверь.

– Что вы – невеста главы Стражей йонкера Маттейса ван Берга. Что он выкупил все долги вашей фамилии... И вас, – она совсем замялась. – Мне негоже обсуждать господ. Простите.

– Если вы обсуждаете меня со мной же, в этом нет ничего предосудительного, – я мягко улыбнулась. – Просто... столько всего случилось. Столько бед. Если ещё обо мне ходят недобрые сплетни...

Лаура неопределённо передёрнула плечами. Видно, сплетни и правда поганые. Этого ещё не хватало.

– Всё же лучше мне помалкивать, а то ещё мениэр Зангер выгонит меня с работы. А мне нужны деньги.

– Деньги всем нужны, – заметила я.

Но, что ни говори, а нарочно вытягивать из девушки те сведения, что она рассказывать не хотела, я не имела права. Раз это могло навредить ей. И не успело прийти решение, как бы узнать ещё хоть что-то, как отрывистый стук в дверь заставил нас с Лаурой одновременно вздрогнуть.

Дверь распахнулась – и я едва удержалась от страдальческого вздоха. В комнату вошёл Хилберт ван Берг.

– Можете идти, – он не глядя махнул рукой служанке.

И та исчезла, словно сквозняком её вынесло. Только напоследок сочувственно взглянула на меня. Даже не знаю, почему! Дайте подумать!

Озираясь, йонкер прошёл в комнату, хмыкнул каким-то своим мыслям, а потом установился на меня, заложив руки за спину. Сырой после дождя плащ он уже скинул, как и куртку – и теперь остался в перехваченной широким ремнём свободной рубашке, заправленной вoble-

гающие его крепкие ноги штаны. В ножнах на поясе висело оружие: увесистый меч с красивой рукоятью – с одной стороны. С другой – то ли нож, то ли какой-то кинжал, чуть короче.

Неслабо вооружился, идя к женщине! Так и представилось, как он рубит этими тесакими врагов. Я даже поёжилась. Слегка небрежный и усталый вид мужчины вовсе меня не успокаивал.

– Вижу, вы не удосуживаетесь спрашивать разрешения войти, – проворчала я, закончив гневно его разглядывать. – Я могла быть не одета.

– Но вы же одеты, – с обезоруживающей беспечностью парировал он. – И выглядите гораздо лучше, мейси.

Говорил Хилберт вполне мирно и спокойно. Но отчего-то меня не покидало ощущение, что он просто хочет усыпить мою бдительность.

– Да, в тёплой комнате мне гораздо лучше, чем в сырой карете. Как и оттого, что меня, наконец, хорошо перевязали, – я и не хотела, а всё равно пустила в голос изрядную долю ехидства.

– Но вам было бы ещё лучше, если бы вы вовсе не пытались себя убить, – добавил Хилберт и сделал ещё несколько шагов ко мне.

Отчего-то захотелось подобрать ноги и отползти от него подальше, прижаться спиной к стене, у которой стояла постель. По пальцам одной руки можно было пересчитать те моменты в жизни, когда я робела перед мужчинами. Да и то это случалось давно, ещё в студенческую пору. А тут ничего не могла с собой поделать. Вид вооружённого йонкера едва ступор на меня не наводил. Потому что я попросту не знала, чего от него ждать. Я вообще не знала, что может выкинуть любой человек в этом мире, куда пришлось попасть неведомо каким наказанием свыше.

– Почему вы решили, мениэр, что я хотела себя убить?

Вопрос этот мог повернуться против меня, но нужно было узнать хоть что-то.

Состроив невозмутимый и, возможно, даже нагловатый вид, я допила волрейн, что ещё оставался у меня в кружке – и постыдно поперхнулась: потому как все эти жгучие специи, которыми он был приправлен, похоже, осели на дне. Мужчина смерил меня насмешливым взглядом, подхватил со стола кувшин и плеснул в другую кружку обычной воды.

Он терпеливо молчал всё то время, что я промывала охваченное жжением горло, а после затем ещё и слёзы с глаз утирала.

– На самом деле я очень сомневаюсь, что вы хотели себя убить. Иначе не промахнулись бы так сильно, – продолжил он, когда я вновь подняла на него взгляд. – Да и кинжал, который был у вас в руке... Не самое обычное оружие. Я немного понимаю в письменах оудов, а на его рукояти знаки, которые очень мне их напомнили. Возможно, это ритуальный клинок. Я прав?

Знала бы я ещё, прав он или нет. И знала бы, какой ответ будет для меня самым безопасным. Пока казалось, что любой уронит прямо в пропасть. Но в памяти один за другим проносились обрывки той гонки с чудовищем, что я видела перед тем, как очнуться. Как бежала через лес, как гналась за мной огромная тварь. И холодом по спине пронеслось воспоминание о той решимости, с которой я всадила кинжал в своё собственное тело. Без страха, без сомнений. Будто обдумала этот шаг уже давным-давно. Или то была ещё не я?

– Я не помню ничего, мениэр ван Берг, – уверенно вскинула голову, глядя на него.

Пусть считает меня лгуньей, но мне больше нечего было ответить ему – сказать. Пусть считает стервой, которая ни за что не признает своих проступков – желание притворяться идиоткой таяло с каждой минутой, что я находилась рядом с ним. В таком случае проще сказать правду и смотреть на его реакцию.

Она же оказалась на удивление спокойной. Как будто чего-то подобного он и ожидал. И даже не по себе стало от понимания: да он же насквозь меня видит. Или думает, что видит –

отсюда и вся самоуверенность, презрение, которое казалось несправедливым. Да кто ж на самом деле мог сказать мне сейчас, не заслужила ли его та, чьё тело я занимала теперь?

Хилберт покачал головой.

– Как вы были подлой вралю, так, похоже, и остались. А я ведь в какой-то миг начал думать, что время могло вас изменить, – в его голосе вдруг почудилась странная горечь. – Что отец не зря потратил столько сил и денег, чтобы выкупить ваши долги. Вынуть вас из той бездны нищеты, в которую вы погружались всё сильнее. Если бы вы не были Ключом. Ценным Ключом, который поможет Ордену, то и догнывать бы вам сейчас в своём имении с протекающей крышей.

Как ни мало прояснилось что-то в голове, а всё равно на душе мерзко стало. Уж не знаю, от чего больше: от того, что владелица тела, возможно, и правда была той ещё дрянью, то ли от того, что из-за неё теперь я в огромном долгу перед Хилбертом и его отцом не только из-за спасения от смерти в лесу, но и более вероятной смерти от голода раньше.

Невыносимо захотелось схватиться за голову. Казалось, я сейчас просто с ума сойду прямо на этом месте. И угораздило же оказаться в теле не какой-нибудь пастушки, у которой только и забот, что гулять с белыми козочками по зелёным лугам и строить глазки деревенским красавчикам. Нет, меня занесло в тело обнищавшей аристократки, у которой скелетов в шкафу немерено.

– Разве я о чём-то вас просила? О какой-то помощи? – решила я пойти ва-банк.

Думала, сейчас в глазах Хилберта вспыхнет недоумение или гнев за неуклюжие попытки откеститься от всего, что было раньше.

– Нет. Конечно, нет, – он улыбнулся так, что у меня вся спина покрылась мурашками. – Вы предпочли бы сдохнуть в своём каменном гробу, дожёвывая последнюю туфлю. Я это прекрасно знаю. И возможно, помня о том, какими проклятиями вы сыпали на голову отца, я бы поверил в ваше желание покончить с собой. Если бы не этот кинжал...

– Может, это единственное оружие, которое оказалось у меня под рукой.

Я пожала плечами и встала. Прошла мимо Хилберта и поставила пустую кружку на стол.

При каждом шаге боль вспыхивала в боку. Но гораздо больше колол пытливый взгляд йонкера. Он громко усмехнулся и подошёл со спины – близко, едва не придавливая меня к столу. Теперь другой мужчина решил нарушить моё личное пространство – нарочно, с угрозой – но почему-то отшатнуться от него не хотелось. Я даже чувствовала тепло его тела – и что-то мне подсказывало, что подобная близость вовсе не может быть приличной.

– Можете строить из себя вдруг проснувшуюся невинность сколько угодно. Но ритуальный кинжал в вашей руке – это не случайность. И я выясню, для чего он предназначался, – голос Хилберта стал ниже, пробрал меня до самой глубины нутра. – Вы всех доводите до беды. Не пожалели ни матери своей, ни сестры. Вы заслужили всё, что с вами случилось. И ваша деланая гордость не стоит и клока шерсти блохастой собаки.

Он отошёл, и я тут же повернулась к нему. Но увидела только, как он выходит прочь. Мелькнула его спина, широкая, сокрытая светлой тканью рубашки – и пропала. Я чуть присела на столик, едва переводя дух. Слышала о людях с сильной энергетикой, даже встречала несколько раз. Так вот у Хилберта она буквально с ног сшибала. Его бы экстрасенсу показать. Но и невероятным образом она завораживала. Если это наследственное, то встречи с его отцом приходилось опасаться больше всего.

Можно догадаться, что спать я легла в весьма разодранных чувствах. И спала, признаться, паршиво, чего со мной давно уже не случалось, потому как обычно я так уставала за день со всей этой вечной беготнёй, телефонными звонками клиентов, Антона и мамы, что едва успевала прочесть пару страниц книги, как у меня начинали закрываться глаза.

От воспоминания о маме внутри аж сжалось что-то. Было не так жаль, возможно, сорванной свадьбы, чувств будущего мужа и устроенной вполне себе неплохо жизни, как того, что я,

может быть, маму больше никогда не увижу. Не то чтобы еказать, что я была заботливой дочерью последние месяцы, что часто звонила или приезжала, зная, что после смерти отца, пусть и ушедшего от нас много лет назад, ей приходится непросто. Да только я не слишком много задумывалась о том, поглощённая собственными заботами. А сейчас от мысли об упущенном времени, которое я могла бы провести с ней, стало как-то совсем горько.

И я всё лежала на неудобном комковатом матрасе этого странного постоянного двора, глядя в тёмный потолок и всё-ещё надеясь, что вот-вот очнусь, и всё это закончится, но оно никак не заканчивалось. По боку то и дело пробегалась резь, но и она скоро не смогла отогнать навалившейся усталости – и я всё же уснула.

А утром вновь пришла Лаура, постучала, конечно, прежде чем войти, но я всё равно вздрогнула, как увидела её перед собой, распахнув глаза.

– Как вы себя чувствуете, мейси? – с мягким участием поинтересовалась девица.

Я села на постели, потирая глаза и по привычке нашаривая ногами тапочки на полу. Только взяться им тут было, конечно, неоткуда, а потому я разочарованно поджала озябшие ступни.

– Гораздо лучше, чем вчера, – пробормотала, сглотнув сухость в горле. Почистить бы зубы. Интересно, у них вообще здесь чистят зубы? – Если бы не ваша забота...

И тут в голове мелькнула, как мне показалось, здравая мысль. Находиться одной среди мужчин мне было мало того, что неприятно, так ещё и, наверное, не слишком прилично. Уж после гибели той неизвестной мне женщины, которая меня сопровождала из дома, йонкер не мог не задуматься о компаньонке для меня.

Лаура мне нравилась, на этой не слишком чистой работе её, скорей всего, держала необходимость – а потому я решила уже выйти из тени и начать устанавливать свои правила. Хотя бы понемногу нмалу. Без поддержки – да что уж там – без сообщницы в этом мрачном и порой враждебном мире мне придётся совсем туго. А эта девушка хотя-бы почти не была со мной знакома и знала обо мне лишь то небольшое, о чём болтали сплетники. А главное – не испытывала, кажется, никакой неприязни к Паулине дер Энтин.

– Мениэр ван Берг просил вас скорее спуститься к завтраку, если вы в силе это сделать. Если нет, то я принесу вам поесть прямо сюда, – спокойный и даже ласковый голос Лауры снимал и мои тревоги. Хотя бы отчасти.

Это же находка!

– Нет, со мной всё в порядке, – поспешно ответила я. – Только помогите мне собраться. Думаю, с вами мне это удастся гораздо скорее.

– Рада стараться. – Лаура улыбнулась. – Вы первая женщина за долгое время, что здесь появилась. А мужчины... Мужчины порой бывают совсем не вежливы. Особенно в этих краях.

– Это почему же?

– Близость Пустоши всех заставляет тревожиться.

Еще один кусочек пазла, который и не знаешь, куда прилепить на этой испещрённой дырами картине.

Лаура достала из моего сундука сорочку и коричневое шерстяное платье – в дорогу в самый раз – и помогла мне одеться.

– Простите, мейси, но я очень плохо ориентируюсь на местности, – туманно проговорила я, обтирая лицо и шею после умывания. – А после ранения так и вовсе потерялась. Где именно находится ваш городок? Кажется, я здесь ни разу не бывала.

Девушка усмехнулась.

– Конечно, не бывали. Вы же едете в Волнпик, а он лежит на самой окраине нашего антрекена – на границе с Пустошью. А мы – как раз недалеко, в сутках пути от него вдоль Гряды. Здесь живут почти одни только Стражи с семьями, если те у них есть. Недалеко один из гарнизонов Ордена.

– Да уж, гостить там мне ещё не приходилось, – пробормотала я рассеянно, почему-то уверенная, что Паулине и правда раньше не бывала в этом загадочном Волнпике. Непохоже было, чтобы с ван Бергами, да и вообще Стражами она дружила. Хотя могло случиться всякое.

– Здесь порой очень тоскливо. Особенно по осени. И опасно. Твари, бывает, прорываются через брешь.

– А вы не хотели бы поехать со мной? – вдруг смело предложила я, даже не предполагая реакцию девушки на свои слова.

Может, это вообще покажется ей неподобающим. Но теперь мне приходилось порой действовать и говорить на свой страх и риск. Не отмалчиваться же постоянно. Но, вопреки моим опасениям, Лаура вдруг перестала протирать полотенцем стол и посмотрела на меня недоверчиво.

– А вы можете взять меня с собой?

– Могу, – уверенно заявила я, хоть понятия не имела, получится возможно ли это на самом деле.

Что ж, придётся теперь донимать Хилберта, пока не сдастся. Возможно, удастся помереть раньше, чем это случится.

Только дожидаться, пока я спущусь к завтраку, йонкер не стал. Пришлось наведаться в его комнату, которая оказалась и правда гораздо чище и просторнее моей, да ещё и убрана побогаче. Вот же жук здешний хозяин. Как его? Мэниэр Зангер. Ведь ван Берг попросил лучшую комнату для меня. Впрочем, ладно. Ночь прошла не так и плохо, если отбросить бессонницу.

Хилберт, уже собранный в дорогу, внимательно выслушал моё предложение взять Лауру в качестве компаньонки, поразмыслил над ним немного – и совершенно неожиданно согласился.

– Вам и правда не мешает женское сопровождение, – проговорил безразлично, отворачиваясь, словно видеть меня слишком долго было для него тем ещё мучением. – Я договорюсь с мениэром Зангером. Думаю, он отпустит девушку без возражений. Пусть собирает вещи, если ей есть, что собирать.

Окрылённая маленькой победой, я вернулась к себе. И совсем скоро мы снова тронулись в путь. Кроме Лауры, в карету ко мне снова сел Алдрик – и тут же оглядел девушку так хмуро, что та едва в комок не сжалась.

Свежие лошади несли карету быстро, всадники всё так же окружали её, как будто опасались, что на нас кто-то ещё нападёт, либо что я могу выбраться из экипажа на полном ходу. Думается, в глазах ван Берга обе эти возможности казались одинаково вероятными. Но бежать мне не было никакого резона. Как ни крути, а до имения своего, прости господи, будущего мужа надо было добраться. Там разузнать что-то будет гораздо больше поводов, если меня сразу не запрут где-нибудь.

Я смотрела в окно на ровную полосу бескрайнего осеннего поля, которым сменился мрачноватый лес после Моссхила, и всё пыталась поверить и осознать то, что случилось. Эти размышления и тревожили, кажется, но и сменялись постепенно пустотой безысходности. Я ничего не знаю. И как ни мало я раньше поддавалась течению жизни, позволяя ему нести меня абы куда, а сейчас просто не было другого выхода.

Я вздрогнула от истошного ржания лошади. Мужчины, которые всё это время спокойно переговаривались, вдруг заговорили громче.

– Мениэр ван Берг! – воскликнул кто-то из них.

Беспорядочный топот копыт сменился глухим стуком упавшего тела. Карета остановилась. Алдрик вскочил с места и вывалился наружу, едва не сорвав дверцу кареты резким ударом по ней.

– Что с ним? – рявкнул так, что Лаура вздрогнула.

Я быстро перебралась по дивану к распахнутой дверце и выглянула наружу. Хилберт лежал у ног тревожно переступающего на месте коня, показалось, совсем бездыханный. Но я моргнула несколько раз и всё же увидела, что грудь его вздымается мелко и часто, как будто он запыхался. Распахнутые глаза его смотрели перед собой, опрокинутые будто бы в какую-то темноту.

– Он просто упал, – растерянно пробормотал один из мужчин.

Они все один за другим спешили и подходили ближе. Только кучер оставался на своём месте. Алдрик опустился на колени перед йонкером, склонился, всматриваясь в его лицо. И вдруг Приложил ладонь к его лбу, чуть надавил, задержал соприкосновение – и разомкнул резко.

– Дерьмо, – выругался сквозь зубы.

А тело Хилберта вдруг скрутило одной большой судорогой. Он выгнулся, а потом нелепо скорчился, и по коже его пополз нехороший иссиня-серый оттенок.

Алдрик обернулся и вперился в меня почти безумным взглядом. Встал резко, и я только успела заметить, как протянул руку. Крепкие, будто стальные, пальцы вцепились в запястье. Рывок – и я едва кубарем не слетела со ступенек экипажа. В боку снова пыхнуло острой болью.

– Что вы делаете?! – возмутилась, пытаясь мыслями поспеть за движениями мужчины.

– Вы Ключ Воли. Успокойте его.

Алдрик схватил меня за шею ниже затылка и толкнул вниз.

Больно натянулись распущенные по спине волосы. Я неловко качнулась вперёд, взмахнув руками. Мужчина надавил сильнее – и рухнула на землю рядом с ван Бергом, едва успев упереться в неё ладонью.

– Я не понимаю!

Стражи зашумели, кажется, осуждая меня. Но я и правда совсем не понимала, что от меня хотят. Как я должна успокоить Хилберта, который сейчас походил на эпилептика в буйной стадии? Алдрик присел рядом, вцепился в меня яростным, недоумевающим взглядом.

– Вы издеваетесь?

Я не издевалась ни капли – и от этого мне становилось до икоты жутко. Алдрик смотрел на меня с ожиданием и злостью. Они все смотрели так, будто я должна была на их глазах обратить воду вином. Они были уверены, что я умею это делать.

– Я не та, за кого вы меня держите, – сорвалось с губ раньше, чем я успела осознать. – Не Паулине дер Энтин.

Это могло обернуться катастрофой. Или концом света – не знаю. Но Алдрик приподнял бровь и оглянулся на кого-то из мужчин.

– Не пытайтесь выкрутиться, – он схватил меня за плечи, встряхнул так, что под рёбрами будто серпом резанули. – Это не потребует от вас больших усилий. Лёгкое воздействие. А намеренно навредите йонкеру, и Маттейс с вас шкуру спустит. Сначала заберёт то, что купил, а после спустит. Кусками.

Громкий стон извивающегося на земле Хилберта заставил на него взглянуть. Его черты как будто расплывались, искажались, принимая другие формы. Сердце толкалось в груди рвано и так быстро, что казалось, будто и я сейчас рухну в конвульсиях рядом с йонкером.

По-прежнему не приходило понимание, что я вообще должна сделать. А мои слова о том, что я не Паулине, Алдрик и вовсе как будто не услышал – и, наверное, сейчас я была этому уже рада. Повинуясь какому-то смутному наитию, я опустила руки на судорожно вздымающуюся грудь Хилберта, ощущая сквозь одежду, насколько тверды его напряжённые мышцы. Провела вверх, удивляясь тому, что и правда будто почувствовала что-то. Словно натянутую внутри него струну, которая лезвием резала его на части, рушила преграды. Пальцы пробежались по раскалённой коже его широкой шеи вверх – по щекам, по изгибу резких скул. И только сей-

час, в этот миг, я поняла, насколько он красив. Несмотря на то, что лицо его было изломано страданием.

Чтобы не отвлекаться, прикрыла веки. Йонкер вздохнул рвано и задышал как будто спокойнее. Я остановила ладони на его висках, чуть надавила пальцами – и огненная струна ослабилась. Хилберт замер, неподвижно распластавшись на земле.

А затем нелегко вдруг дернул головой, сбрасывая мои руки. Я открыла глаза и опустила на него взгляд. Жутковатый цвет кожи сошёл – теперь он был просто бледным. Мы смотрели друг на друга несколько мгновений. Пережитая им боль колола меня, ранила изнутри грубой наждачной бумагой. Всё шоркала и шоркала до крови. До ссадин. А Хилберт молчал. И всё ведь понимал: что я ему помогла – но, похоже, даже одно слово благодарности было для него сродни насилию над собой.

– Этого вы от меня хотели? – Я повернулась к Алдрику, вставая.

Кто-то из собравшихся кругом мужчин поддержал меня под локоть.

– Этого, – согласился тот. – И ни к чему было истерить и отпираться.

– Кто из нас двоих тут истерил, так это вы.

Я выдернула локоть из мягкой хватки чужих пальцев и вернулась в карету.

Пусть дальше разбираются со своим припадочным йонкером сами! Но прежде чем совсем скрыться в недрах экипажа, я всё-же обернулась – и встретила взглядом с Хилбертом, который уже сел. Тот дернул желваками и отвернулся, отмахиваясь от поданной ему одним из соратников руки.

Лаура уставилась на меня испуганно и недоверчиво, но благоразумно не стала отпускать никаких комментариев. Думается, её это всё касалось в последнюю очередь. Зазвучал тихим рокотом хриплый голос ван Берга – и от него по спине понеслась прохладная дрожь. Я устроилась на сидении удобнее, ожидая возвращения Алдрика, и только после этого осознала, наконец, что случилось. Ведь и правда смогла остановить странный и пугающий приступ Хилберта. Что самое интересное – толком не поняла, как такое произошло. Словно не владела собственным телом – хотя надо признать, что оно ведь и правда не моё. Но как будто из подсознания вырвалось что-то, что помогло мне справиться с задачей. Вот уж верно говорят: глаза боятся, а руки делают.

Скоро мужчины снова расселись по лошадям. Резкий приказ уже совсем пришедшего в себя Хилберта тут же заставил всех тронуться с места. Алдрик заскочил в карету уже почти на ходу. Плюхнулся на свое место и, обдав меня кипящим взглядом, отвернулся.

Глава 3

Я уставилась в окно бездумно, не желая обсуждать сделанное ни с Алдриком, ни с самой собой. Вид за окном кареты, однообразно бесцветный и ровный, как проведенная бурой краской по листу полоса, успокаивал, даже убаюкивал. Похоже, здесь почти всегда скверная погода на грани ненастья. Так же, как и вчера, тянулись туго сбитые тучи по небу. Дождь то ли накрапывал, то ли нет: не разобрать в прозрачной мути. Но скоро что-то начало неуловимо меняться. Будто изогнулся горизонт. То лежала по обе стороны от дороги ничем не примечательная равнина с редкими островками деревьев вдалеке, а тут вдруг выросли срезанные будто бы огромным садовником верхушки горной гряды. Она всё увеличивалась, приближалась, наползая на сумрачное небо. Мелкие жёлтые цветы, что росли на лугу у подножия гранитных громад, выглядели совсем беспомощно на их фоне. Да и я почему-то почувствовала себя такой же маленькой и слабой.

Нет, Поля, надо собраться! К тому же ты, похоже, обладаешь здесь немалыми силами, а потому можно подумать, как они могут пригодиться. Знать бы ещё их суть...

Но в груди и вовсе что-то дрогнуло и затряслось, словно листок на ветру, когда я разглядела, что на вершине неровного холма, который окружали по обе стороны горные стены, стоит замок – издавдала его можно было принять за каменный пик. Высокая башня его тонула в низких тучах, которые как будто закручивались вокруг её вершины водоворотом, в стороны уходили массивные стены с рядами небольших окон. Они тянулись застывшим водопадом и сливались с опорой холма, который и держал его на себе. А потому казалось, что эта махина выросла прямо из него.

– Это Волнпик, – раздался у меня над головой мужской голос.

Я перевела взгляд на Алдрика. Тот разглядывал меня спокойно и внимательно. И что можно было сказать на это? Что я таким его себе и представляла? Или никогда не видела ничего подобного? Может, здесь каждый второй замок такой – и нечему удивляться. Но в глазах Алдрика стояло настолько странное выражение, что вмиг стало понятно: Волнпик такой один. И думается, возможность попасть сюда нельзя расценивать как самую большую удачу в жизни.

Лаура тоже застыла, приоткрыв рот, почти высунув голову в окно. Похоже, и она бывала здесь впервые, даже мимо никогда не проезжала, хоть и жила не так далеко.

Дорога понеслась прямо к подножию холма. Лихо изогнувшись, взбираясь на него совершенно немыслимым образом: никакого пути к замку издавдала разглядеть не удалось. А он, оказывается, был, только скрытый каменными выступами и чахлыми, поросшими по краю обрыва кустами, которые едва цеплялись корнями за ненадежную опору. От того, как качалась и вертелась по витиеватой тропе карета, меня начало мутить. Помнится, на серпантине по дороге в Сочи когда-то было то же.

Я откинулась на спинку, стараясь дышать глубоко и ровно, но так и чувствовала, как ползёт по лицу зелень. Скучный полдник, который случился уже довольно давно, опасно закачался в желудке. Того и гляди попросится назад.

– Вам нехорошо, мейси? – обеспокоенно спросила Лаура.

Кажется, она чувствовала себя нормально, как и Алдрик. Я улыбнулась и махнула рукой: мол, не стоит беспокоиться. Сказала бы хоть слово – и меня точно вырвало бы. Слава богу, скоро эта попытка закончилась, и карета в сопровождении всадников въехала через огромные, как для слона, ворота на широкий, огороженный со всех сторон высокими стенами двор. Интересно, зачем такая защита замку, который стоит один, как перст, посреди безлюдных просторов, зажатый со всех сторон горами?

Пустой, казалось бы, двор тут же ожил. Высыпали, словно горошины из прорвавшегося мешка, слуги. Захлопотали вокруг вещей, что были закреплены на запятках кареты. Будто сами по себе открылись дверцы. Первым вышел Алдрик, помог спуститься Лауре с той стороны, что была скрыта от крыльца. А передо мной возникла уже знакомая ладонь Хилберта. Наверное, он сам решил проконтролировать, не затерялась ли я где-то в недрах экипажа. Какой тягостный надзор.

От мысли, что придётся дотронуться его руки, внутри что-то дёрнулось. Слишком свежими были воспоминания о соприкосновении с его кожей недавно. И, наверное, я боялась вновь ощутить нечто подобное. Да куда денешься. Пришлось принять помощь, но как только я спустилась, тут же высвободилась из его хватки. Придержала подол тяжёлого шерстяного платья и подняла голову к пику башни замка, который было видно и отсюда. И в то же время не видно – за тяжёлым маревом туч.

– Впечатляет? – Хилберт не поторопился уйти и проследил за моим взглядом. – Все в нашем антрекене и далеко за его пределами хоть раз в жизни да слышали о Волнпике. Но никто не хотел бы увидеть его воочию. А уж тем более поселиться здесь. Наверное, и вы молили Хельдера Светлого, чтобы никогда здесь не оказаться. Верно?

Я медленно повернулась к нему и наткнулась на холодную улыбку не только на его губах, но и в глазах, вокруг которых вдруг обозначились мелкие морщинки. Он издевался и упивался тем, что мне нечего было на это ответить. Только не знал причину, по которой на самом деле я хранила молчание.

– Я никому не молилась, – словно кто другой сказал за меня. Но взгляд Хилберта, такой возмутительно снисходительный и ехидный, просто не дал мне возможности оставить его слова и вовсе без внимания. – Просто не думала даже, что когда-то здесь окажусь. Знаете, а вы с ним похожи, мениэр ван Берг.

– И чем же? – Он, кажется, даже слегка удивился.

– Выглядите солидно и гордо. А на самом деле всего лишь одинокая куча камней на краю мира. И пока доберёшься до вашей сути – стошнит десять раз.

Он рассмеялся, чем поверг меня в состояние близкое к шоку. Я, признаться, уже успела подумать, что этот мужчина смеяться вообще не умеет. И даже простая улыбка вызывает у него физическую боль. Его лицо невероятным образом преобразилось – и даже дыхание перехватило от того, как он был хорош в этот миг. Бывают люди, которые лучше бы вообще не смеялись никогда, а бывают такие, которыми можно любоваться. Так вот, Хилберт ван Берг неожиданно для меня оказался из последних. Я стояла, наверное, как идиотка, не сводя взгляда с него и не понимая: да что такого случилось, что меня так пришибло? Но йонкер смолк – и всё волшебство осыпалось. Снова его взглядом можно было замораживать рыбу. Причём замораживать очень быстро.

– Любопытное сравнение, мейси, – снова заговорил он серьёзно. – Может, вы и правы. Я стал похож на этот замок отчасти. Потому как жил в нём довольно долго, и в черты моего характера и во внешний вид легли следы этого места. Волнпик способен менять людей. Этого у него не отнимешь. Но оказался я здесь вместе с отцом по вашей прихоти, если время ещё не стёрло милостиво сей эпизод из вашей памяти. Оказался несправедливо. За что и вам досталось возмездия.

Да что я вам сделала? – так и бился в голове вопрос. И как ни хотелось его задать, а приходилось молчать снова и снова.

– Хилберт! – сочный басовитый возглас оборвал напряжённую нить нашего с йонкером зрительного контакта, когда мы, кажется, уже сожрать друг друга готовы были. – Вижу, ты не слишком-то торопишься оказать аарди дер Энтин подобающее гостеприимство. Все уже внутри, а вы всё ещё стоите здесь. Начинается дождь. Промокнете.

Я повернулась к мужчине, который подобрался к нам так незаметно. Но, наверное, просто мы с Хилбертом не способны были ничего замечать, оглохнув и ослепнув на эти несколько мгновений.

Да тут пришлось опешить ещё больше – от силы тяжёлой харизмы, что ударила меня в грудь, как только я увидела очередного незнакомца. Не зря опасалась его. Вот не зря! Мне даже не надо было представлять того, кто стоял сейчас передо мной. Высокий и широкоплечий, породистый: каждая твёрдая черта его лица выдавала древность рода и силу крови. Я ничего в этом не смыслила, но чувствовала всеми трепещущим фибрами души. Несмотря на то, что мужчина уже шагнул за черту среднего возраста, ему удалось сохранить и отличную фигуру, и аристократичную статью. Волосы с лёгкой проседью касались плеч, подчёркивая ненастное чёрное серебро глаз – таких же, как и у сына. Пожалуй, он мог бы сойти за тайную мечту порядочного количества девиц-любительниц-постарше-и-поопытней. В общем, даже близорукий сразу распознал бы в этом человеке отца Хилберта – Маттейса ван Берга.

– Мениэр ван Берг, – неведомо как сориентировалась я и даже поклонилась немного, стараясь всё же выказать ему уважение, хоть и не представляла, как он сам относился к Паулине, а значит, и ко мне.

К моему облегчению, похоже, старший ван Берг не испытывал к своей невесте такой страшной неприязни. А может, просто старался быть вежливым – и это порядочно злило его сына.

– Мейси дер Энтин, – он тоже наклонил голову. – Мы, кажется, уже договорились: в виду того, что вы моя невеста, я могу называть вас просто Паулине.

– Запомняла, простите, – я улыбнулась натянуто и шагнула вперёд.

Маттейс сразу подхватил меня под локоть, сжал слегка – и направил коротким толчком дальше, весьма отчётливо давая понять, кто здесь хозяин. Не семья, а львиный прайд какой-то. Я и хотела вырваться, но пока не стала. Чтобы понять, как вести себя дальше и какие возможности у меня есть для освобождения, нужно узнать отца и сына ван Бергов получше. А присматриваться удобнее всего из засады. И не глупить, чтобы не усложнить своё положение ещё больше.

Хилберт, кажется, постоял ещё немного позади, а потом пошёл следом, сохраняя дистанцию. Маттейс проводил меня до огромной двустворчатой входной двери, украшенной красивой, выпуклой резьбой. Я успела разглядеть её совсем немного: на ней были изображены какие-то сцены охоты или сражений – а затем оказалась в сумрачном и чуть промозглом нутре замка.

В каменном чудовище под названием Волнпик оказалось совсем не уютно. Не сказать, что я слыла особой впечатлительной и склонной к фантазированию, но будто почувствовала недобрую волю замка, только ступив через его порог. Словно он не был рад вообще никакому живому существу, что в нём обитало. Хотелось заскулить, как напрудившему лужу щенку, и спрятаться под креслом. Только воля так же держащего меня под локоть Маттейса ещё удерживала от столь постыдного и эксцентричного побега.

– Можете чувствовать себя здесь, как дома, – с лёгкой улыбкой в интонации проговорил старший ван Берг, слегка ко мне склонившись.

Казалось, он хотел, чтобы это услышала только я, да идущий следом Хилберт громко хмыкнул, и даже представилось ясно, как страдальчески закатил глаза. Я взглянула на Маттейса с громадной долей недоверия: шутит или правда считает, что здесь вообще можно ощущать себя на своём месте? Каменные серые стены Волнпика как будто раздавить хотели – какой уж тут дом... Но в глазах йонкера почудилась злая насмешка: зря я даже на миг поверила в то, что он относится к Паулине с большей благосклонностью, чем сынок. Он такой же. Ровно такой же, как и тот – только научился прятать истинные чувства за маской приветливости. Научился быть мудрее и терпимее, но если приглядеться – те же мысли и тот же пренебрежительный взгляд.

– Вряд ли я когда-то смогу себя здесь почувствовать своей, – я усмехнулась, поняв вдруг, какие отношения связывали владелицу тела с обоими мужчинами дома ван Бергов.

– Это будут исключительно ваши проблемы, – раздался за спиной голос Хилберта.

Вот уж лучше бы помолчал. Я хотела ответить что-нибудь уничтожающее, но младший ван Берг наконец свернул в каком-то переходе замка и избавил меня от своего присутствия. Правда, легче стало не слишком.

– Думается, выбора у меня уже нет... – вздохнула я, выждав трагическую паузу.

– Почему же? – издёвка в тоне Маттейса стала отчётливей. – Только, думаю, аукцион для вас – перспектива не лучшая, чем стать моей женой добровольно и хотя бы попытаться прижиться в этом доме, – уже мягче добавил он. – Повторюсь, вы очень ценный для всех, и в том числе для Короны, Ключ. Разве хочется вам стоять, как на рынке, и продавать себя какому-то Стражу наряду с девицами, что несут в себе только жалкие крупички Знака?

Я почти застонала от тяжести новых знаний. Из его слов не удалось понять почти ничего. Только то, что, откажись от свадьбы с ним, и меня продадут, как какую-то вещь – и ещё неизвестно, куда я попаду.

Мы прошли по обширному залу из одной части замка в другую – их отделяли друг от друга массивные двустворчатые двери. Навстречу нам не раз, кроме слуг, попались и мужчины, судя по виду – Стражи. Если я научилась распознавать за время пути в Волнпик. Любопытно, откуда им взяться здесь в таком количестве? Неужто охраняют семейство ван Бергов?

– Почему здесь так много Стражей? – не удержалась я от вопроса.

Маттейс проводил взглядом очередного мужчину, который почтительно ему поклонился, и пожал плечами, будто в этом не должно быть ничего удивительного.

– Последнее время брешь пропускает всё больше тварей. Потому сюда стянуты многие силы. Конечно, не многим хочется служить в Волнпике, – он усмехнулся одним уголком рта. – Но деваться сейчас некуда. Не беспокойтесь, вашей сохранности среди них ничего не угрожает.

– Вы говорите так, будто это сброд, а не воины, – пренебрежение в голосе Маттейса меня только насторожило.

Ещё не хватало всегда находиться среди толпы сомнительных личностей. Никто из Стражей в пути не причинял мне вреда. Даже Алдрик с его эпизодической грубостью. Но сейчас я чувствовала себя единственной женщиной в казарме. Нервирует, знаете ли.

– Не все из них – сброд. Но Хельд Милостивый, когда наделяет кого-то способностями Стража, не всегда даёт в довесок благородство.

– Вы считаете, что другие Стражи хуже вас, мениэр? – Надо было двигаться по намеченной дорожке, чтобы лучше понять своё положение в этом неприветливом мире. – Что никто из них не достоин получить такие силы, что заключены во мне?

Толком я не знала, о чем говорю, но пыталась нащупать верное направление.

– Нет Стражей хуже или лучше, – йонкер пожал плечами. – Иначе они не были бы Стражами. Но тратить свой дар на того, кому он не принесёт большой пользы... Согласитесь, это расточительство.

Мы прошли по узкому ходу до винтовой лестницы, тесной и крутой, и едва уместились с широкоплечим Маттейсом на ней рядом. Он наконец выпустил мою руку и двинулся вперёд то и дело на меня оглядываясь.

– Вы считаете, что сможете применить мой дар лучше? – слегка поразмыслив над тем, как сформулировать вопрос наиболее нейтрально, вновь заговорила я.

– Вы же знаете обстоятельства семьи ван Бергов не хуже меня самого, – в его голосе скользнула первая тень подозрительности. В затылке у меня похолодело. – Видит Хельд Благословенный, я позабыл бы о вас и о том, как сильно вы оскорбили меня в своё время. Как унизили и оболгали. Но сейчас вы не можете не признать, что мы нужны друг другу.

– Вы поставили меня в вынужденное положение! – совершенно искренне воскликнула я и, кажется, попала пальцем в небо.

Маттейс скривился, чуть повернув голову ко мне.

– Я выкупил ваши долги, да. Не дал зачахнуть. Чем наложил на вас определённые обязательства. Не совсем приятные для нас обоих. Но вы вовсе не рабыня. Вы станете моей женой. И, как бы то ни было, это лучшая доля из тех, что вас ждали дальше.

– Я с этим поспорила бы, – всё же буркнула напоследок.

Да только пререкания на сей раз пора было заканчивать – иначе неровен час, мои не слишком деликатные заявления наведут старшего ван Берга на нехорошие мысли.

Мы наконец поднялись на второй этаж замка и вывернули в другой ход. Скоро оказались на полукруглой площадке, куда выходили двери нескольких комнат. Наши шаги гулко разнеслись по ней, прокатились под высоким угловатым сводом, неожиданно расписанным потускневшими и чуть растресканными от времени фресками. Хотя лучше было бы их не рассматривать – можно нажать кошмары. Хтонические чудовища вперемешку с закованными в латы воинами – не самое лучшее убранство для женской части замка. Если она вообще здесь существовала как таковая.

Одна из дверей тут же отворилась, и в проёме показалась молодая девушка, которая отчего-то сразу напомнила мне ромашку. Сияющая и изящная, словно полупрозрачный цветок на солнце: такие же пепельные, как у Хилберта, волосы – только чуть светлее, ясные голубые глаза и лёгкие веснушки на бледноватой коже, которые я разглядела даже на расстоянии. Она была простоватой, но привлекающей к себе внимание тут же.

За ней высунулась строгая и чопорная женщина с высоким пучком седоватых волос и забавными завитыми локонами у висков. Она глянула на йонкера, после – на меня и снова скрылась в комнате. Похоже, кто-то вроде компаньонки. А может, какая-то бабушка?

– Отец! – воскликнула девушка. Похоже, детям разрешалось обращаться к родителям без титулов и прочих условностей. – А я пропустила возвращение Хилберта. Надо же...

Она вышла к нам быстрым шагом, разглаживая подол свободного платья горчичного цвета, и тут же уставилась на меня – со спокойным любопытством человека, которому плевать на все мои возможные провинности перед их семьёй.

– Ничего удивительного, – усмехнулся Маттейс, обнимая её за плечо и чуть встряхивая. – Если бы ты почаще отрывалась от своих холстов, то замечала бы гораздо больше. Например, то, что не вышла сегодня к завтраку.

Девушка смущённо посмотрела на свои руки – и тут только я заметила, что они выпачканы красками, хоть она и пыталась их оттереть перед тем, как выйти из комнаты. Так и распирало спросить, как зовут дочь Маттейса, но меня останавливало то, что я, возможно – и даже скорей всего – должна это знать.

– Позвольте представить вам, Паулине, мою дочь Дине. – Йонкер широко улыбнулся, сбросив притворную строгость. – Вы ведь раньше не встречались. По крайней мере, я очень на это надеюсь.

Опять шпилька в мою сторону – захотелось схватить Маттейса за грудки и, хорошенько встряхнув, прямо спросить, что я ему сделала. За что он так меня ненавидит, а заодно и его сын тоже. Но я лишь одарила его красноречивым взглядом, который должен был, по моей скромной задумке, отправить его в далёкие дали Прованских лугов. Жаль только, он не знал, что это такое. И, похоже, мне это удалось – мужчина ответил мне тем же.

– Я очень рада с вами познакомиться, мейси, – тут же сгладила мгновенное напряжение Дине. – Папа, позволь мне сопроводить Паулине дальше в её комнату. Она, верно, устала с дороги. Принесут её вещи, и я помогу ей разобрать их. Мы познакомимся поближе.

Судя по всему, йонкери просто хотела меня от него спасти. Маттейс не поддался, взглянул на дочь со снисходительной теплотой: видно, мало в чём он мог ей отказать. Но всё же покачал головой.

– Пойди пока хорошенько отмой руки, а то, боюсь, аарди дер Энтин просто не допустит тебя до своих вещей. А мы ещё перемолвимся с ней парой слов.

Девушка кивнула неохотно и скрылась в своей комнате, а йонкер распахнул передо мной другую дверь. Как раз послышались голоса на лестнице: видно, за нами уже поспедали слуги. Где-то там должна быть и Лаура.

Но как только дверь закрылась за нами, не успела я ещё оглядеться в своих освещенных десятком свечей покоях, как стальная твёрдость широкой мужской ладони припечатала меня к мощному телу Маттейса. Вспыхнуло в незажившем ещё боку болью. Неизвестно, что йонкер позволял себе с Паулине раньше, но тут меня едва не подкосило от того, как решительно и похозяйски его губы накрыли мои. Я совершенно ничего не успела сообразить. Но это был не тот поцелуй, который срывает пылкий влюблённый украдкой – это был знак власти и подчинения. Указание на то, где моё место. Меня захлестнуло той самой особой силой, которую я уже почувствовала в Хилберте – она и правда способна была смять кого угодно. Но неведомо как внутри разросся будто бы некий щит, упругий, отгораживающий от перемалывающей всё в фарш воли Маттейса.

Я упёрлась ладонями в его грудь и толкнула что было силы. Он, наверное, мог меня удержать, но отступил. И тут же вытер губы тыльной стороной ладони.

– Не смейте, – выдохнула я делая ещё шаг назад. – Не смейте больше так трогать меня!

– Хорошо... – неожиданно довольно выдал Маттейс с загадочным видом знатока, испробовавшего редкое вино. И кажется, это слово означало вовсе не согласие с моим требованием. – Я в вас не ошибся. Большой потенциал. Не зря заплатил приличную сумму. Правда, не знаю, что вы напридумывали себе в дороге, мейси, – он жёстко усмехнулся. – Но вы ведёте себя несколько странно нынче. Трогать вас я буду так, как мне заблагорассудится. Уж будем откровенны: я купил вас и всё, что у вас под юбкой – тоже. Всё это не слишком мне нравится. Но давайте хотя бы попробуем привыкнуть. Всё ж впереди брачная ночь.

Вот это прекрасно! О ней-то я и забыла. Свадьба – не самая большая беда, учитывая, что тело «казённое», и Маттейс, будем честны, не самый плохой вариант мужа – хотя бы внешне. Иные, может, и позавидовали бы. Но вот ложиться в постель с незнакомым мужчиной – это верх того безрассудства, на которое я даже в пору беззаботной и порой разгульной юности не могла пойти.

– Спасибо, что напомнили, – едва не прошипела.

Умела бы плевать ядом, как кобра – ей богу, плюнула бы ему прямо в его бесстрастные, как куски гранита, глаза. Маттейс внезапно улыбнулся и отступил на пару шагов – даже вздохнуть захотелось облегчённо.

– Не беспокойтесь, всё будет быстро, – показалось, он сейчас подмигнет мне. – У меня нет никакого желания задерживаться с вами в постели. Но пока оставим это. Теперь вы можете готовиться к свадьбе. Уж это женщины любят делать?

Рассказала б я ему тонкости подготовки к свадьбам, да он, наверное, не оценил бы моих познаний в этой сфере. Пришлось только зубы стиснуть, чтобы не выдать ещё какую необдуманную дерзость. На счастье, дверь в комнату распахнулась, и двое слуг внесли внутрь мой, признаться, небогатый багаж. За ними вошла и Лаура с важным видом той, кто отвечает за все вещи госпожи и за все её удобства.

– Это кто такая? – с лёгким недоумением осведомился Маттейс.

– Моя компаньонка, если хотите, – мстительно бросила я. – Будет мне помогать.

Не всё здесь будет зависеть только от его желаний и велений. Пусть привыкает. Йонкер хмыкнул, оглядывая служанку. И вся горделивость тут же слетела с неё. Лаура быстро покло-

нилась ему, присев в реверансе – и йонкер вышел, не удостоив её ни малым приветствием. Кто бы сомневался: он воспитал своего сына подобным себе.

Вот же высокомерные мерзавцы. И с ними мне придётся жить в одном доме неизвестно сколько!

Впрочем, служанка, кажется, ничуть не обиделась на пренебрежение хозяина дома: как ни в чём не бывало начала разбирать мои вещи. Для начала я осмотрелась в комнате, которая теперь, видимо, принадлежала мне. Она оказалась вполне просторной, но неуютной: стиль лофт, особенно по-средневековому, мне определённо не ложился к душе. Частично стены были отделаны деревом, но кое-где проступала и каменная кладка. Небольшие вытянутые окна с мутными стёклами, массивная, благо что резная мебель – хоть это немного скрашивало её аскетичность. Огромное, как для великанши, трюмо, дров от которого, если решить сжечь его в камине, хватит на месяц. Круглая кованая люстра под высоким сводом на десяток-другой свечей, сейчас мрачно тёмная и холодная. Правильно, кому охота лезть на такую верхотуру, чтобы её разжечь. Одно радовало: широченная кровать. Вот люблю большие кровати, по которым нужно составлять карту, чтобы не заблудиться.

Вдоволь нагнавевшись на свои – страшно сказать – покои, я перевела взгляд на Лауру, которая молча и деловито опустошала мой сундук и раскладывала платья на постели, критично их оглядывая. Казалось, ничто не может вывести её из равновесия: ни приезд в Волнпик, ни пренебрежение хозяев замка. Один вопрос так и завертелся на языке, как шипучка, раздражая. Надо же дальше прощупывать это болото, куда я угодила.

– Вас не смущает то, что оба ван Берга презирают вас? – всё же решила спросить.

Лаура, кажется, не сразу поняла, что я обращаюсь к ней, увлекшись вдумчивым делом. Она покачала головой, расправляя на постели очередное платье – надо сказать, весьма унылого вида – и только после этого спохватилась.

– Они не презирают меня, – пожала плечами. – Просто у Стражей, особенно высших рангов, другой взгляд на женщин.

– И какой же?

Я присела на край кровати, поморщилась от того, как резануло в раненом боку. Надо бы посмотреть, что там. Кажется, мне становилось хуже. Особенно после небрежной хватки Маттейса.

– Они видят Ключи, – Лаура покосилась на меня удивлённо, будто это было очевидным. – А те, кто не несёт в себе Знака, для них совсем не так интересны. Просто женщины. Просто ходят рядом.

– Да неужто? Разве Ключей хватает на всех? Как же они женятся?

– Нет, – согласилась девушка. – На всех не хватает. Но раньше все Стражи брали в жёны только отмеченных Хельдом. Сейчас и других тоже. Вот как мениэр Хилберт ван Берг. Невеста у него обычная девушка. Хоть и знатная.

Да ладно! У этого камня ещё и невеста есть. Я уж думала, такие, как он, прозябают едва не всю жизнь в одиночестве. А если и женятся, то лишь для того, чтобы продолжить род. А тут ты посмотри... Хотелось бы на неё взглянуть. Из чистого любопытства: может, это садовая статуя?

– Да, я что-то о ней слышала... – покивала рассеянно.

И больше ни о чём расспрашивать Лауру пока не стала. Всё со временем выяснится. А слишком много вопросов за раз могут показаться подозрительными. Другое дело, что надолго задерживаться тут мне вовсе не хотелось. От этих размышлений хотелось выть или бить посуду. Они явственно давили, метались иногда беспорядочно вперемешку с паникой. Я не могу выйти здесь замуж! Это бред сивой кобылы!

В боку снова пробежалась острая резь. Я не удержала стоны и согнулась, прижимая ладонь к раненому месту. Лаура всполошилась.

– Я попрошу, чтобы к вам прислали лекаря.

И не успела я ничего на это ответить, как она умчалась, бросив мои наряды и порядочно хлопнув дверью.

Вообще плохо соображая, что делаю, я стянула с себя платье и задрала до груди сорочку под ним. Опустила голову, ощупывая перевязь, которую Лаура меняла мне утром, перед отъездом с постоянного двора. И даже такое касание заставило все внутри сжаться от вспышки боли.

– Не трогайте, вы что?! – возмущённый возглас настиг меня от двери.

И тут же вспыхнула в голове мысль: да что сделала такого? Повернулась, даже не пытаясь прикрыться, и только успела проследить, как ко мне подошёл невысокий лысоватый мужчина и быстрым взмахом руки откинул мою ладонь от перевязи. А я неожиданно хмыкнула: уж за эти дни настолько насмотрелась на здешних плейбоев, что этот дядька – по-другому и не скажешь – показался до жути настоящим. Как будто даже из моего мира выскочил. Только одежда не давала забыть, что он всё же местный: свободная синяя хламида до колен, безрукавка с витиеватой вышивкой по канту и уже знакомым гербом, который я видела на дверце кареты – слева на груди. Ну прямо почти Гарри Поттер пост-среднего возраста. Только очков не хватает.

– Добрый вечер, мейси, – уже принявшись распускать мотки длинных обрезков ткани, поприветствовал меня мужчина. – Я мениэр Геролф Видбри, лекарь семьи ван Бергов.

Неизвестно почему, но я спокойно позволила ему трогать полуголую себя ещё до того, как он представился. Закралось подозрение, что он как-то воздействовал на меня, успокаивал – и противиться совсем не хотелось.

– Очень приятно, мениэр Видбри, – вяло ответила я.

И правда, как будто морфием меня накачали. Вот это лекарь так лекарь. В районных поликлиниках бы таких. Может, они успокаивали бы самых остервенелых бабуль. Освободив меня от перевязи, Геролф склонился, осматривая рану, хмыкнул тихо – и в очередной раз стало страшно. Может, у меня там уже гангрена?

– Зачем же вы себя так, – лекарь покачал головой. – Глубокие раны в брюшную полость очень опасны. Недалеко до внутреннего кровоизлияния и заражения.

Как ни мало я понимала в медицинских терминах, все его слова были почти музыкой для ушей. Этот человек, наверное, и названия внутренних органов знает. Если так, то он – мой новый бог. По крайней мере, надежды на выздоровление значительно окрепли.

– Наверное, мне это казалось выходом, – так же заторможенно пробормотала я, всё пьянея и пьянея от тёплых потоков силы этого чудо-доктора.

Геролф поднял на меня взгляд, убрав пальцы от раны.

– Для меня всегда было загадкой, почему вы так невзлюбили Маттейса, чтобы оклеветать его. Но, в общем-то, это не моё дело. Вы сделали тем хуже только себе.

И всё же меня не покидало ощущение, что лекарь попал сюда из другого времени. Как будто выделялся среди всех. А может, это было всего лишь обманчивое ощущение, потому как я ещё мало кого видела.

– Скажите, мениэр, – каждое слово приходилось вынимать из непроглядных глубин разума, – вы верите в переселение душ?

Наверное, мой вопрос показался ему как минимум странным. Но он вида не подал. Только передёрнул плечами и по локоть зарылся в увесистый саквояж, который принёс с собой.

– Почему же не верю? Верю. И слышал, что раньше оруны владели этим умением. Может, и сейчас владеют. Да кто ж их спросит... Стражи тоже в некотором роде могут менять души. Но для этого, как вы знаете, им нужен соответствующий Ключ. Кроме них, сейчас никому не разрешено даже пытаться проводить подобные ритуалы. Это уже приводило к дурным последствиям. И за это следует жестокое наказание.

– Будто и без них жизнь – сплошной сироп, – мрачно хмыкнула я.

Неожиданно Геролф улыбнулся и покивал. Он наконец достал из сундука какой-то флакон и вынул из него пробку.

– А к чему вы спрашиваете? – поинтересовался как будто невзначай, задумчиво приняв хиваясь к горлышку пузырька.

– Да сон нехороший видела, – туманно ответила я. – И случай с мениэром ван Бергом младшим в дороге... Наверное, почувствовала что-то.

Лекарь смочил тряпочку жидкостью из флакона и осторожно промокнул рану. Боль выдернула мой разум из спасительной неги дурмана, но тот снова потонул в нём после нескольких отрывистых слов, что шёпотом произнёс мениэр.

– Это не удивительно. – Он выпрямился и отложил тряпочку в сторону – на тумбу возле моей постели. – Вы Ключ, который способен открыть многие способности в любом Страже. А уж в таком сильном, как мениэр Маттейс ван Берг...

– Если выживу.

Я легла, повинаясь лёгкому толчку в плечо.

– Выживете, – Геролф потёр ладони друг о друга. – Я залечил многие раны старшего и младшего ван Бергов. Уж с вашей справлюсь.

Приятно тёплая рука легла на раненый бок. Лекарь приблизил лицо, но губы его зашевелились беззвучно. А может, это я не слышала уже ничего, всё больше погружаясь в приятно мягкую топь его магии. Теперь я даже не сомневалась, что он – маг. Гарри Поттер без волшебной палочки...

Мысли ворочались в голове всё медленнее, становились всё глупее и путанней. Пока я совсем не уснула.

Глава 4

Спалось мне не слишком-то хорошо, несмотря на то, что хитрые манипуляции лекаря уняли страшную боль в боку совсем. Всё потому что замок, оказывается, наполнял какой-то особый запах, то ли отсыревшего пепла, то ли прелой прошлогодней травы. С ощутимой такой гнильцой. Совсем слабый и, наверняка, привычный тем, кто жил здесь постоянно, меня он поначалу просто раздражал, а потом начал доводить до бешенства. И даже во сне ввинчивался в ноздри и вызывал перед внутренним взором совсем безумные картины.

Я видела чудищ, монстров, подобных тому, которого убил, говорили, сам Хилберт, когда тот гнался за мной. Как бишь его – слангер? Они не пытались меня разорвать на куски, просто стояли вокруг, опустив почти до земли свои огромные мускулистые ручищи. А я смотрела на них, медленно поворачиваясь вокруг себя – и хотелось орать, но грудь забивал этот пронимающий до самых костей запах – и даже вдохнуть было невозможно. Но больше всего пугала мысль, что эти уродцы как будто ждут от меня чего-то. Приказа?

– Мейси, проснитесь!

Меня деликатно, но настойчиво потрясли за плечо.

Я перевернулась на спину и, простонав, открыла глаза. Лаура улыбнулась и отпустила меня.

– Как вы себя чувствуете, мейси?

Я медленно опустила ладонь поверх сорочки на раненый бок. Под тканью не обнаружилось даже перевязи, а боль, хоть и осталась ещё, была такой слабой, будто от старого ушиба.

– Сегодня гораздо лучше. Который час?

Я огляделась в поисках часов на стене, но вспомнила, что здесь таких быть, наверное, не может.

Служанка, кажется, озадачилась моим вопросом.

– Уже солнце встало. Такого страшного рассвета я, признаться, никогда не видела. И красивого тоже.

Даже жаль, что я его не посмотрела. Рассветы мне всегда нравились больше закатов. То ли потому что я была жаворонком, и под вечер мне обычно уже было не до небесных красот. То ли потому что они казались мне чистыми, не отягчёнными прожитым днём с накопившимися к вечеру проблемами, мыслями и кучей обычных мелких происшествий. Встаёшь – и какое-то время голова пуста, ещё не всплыли из памяти задачи, которые надо выполнить, вопросы, которые надо решить. И солнце – такое же незамутнённое на рассвете, будто умылось где-то ночью и ещё не успело закоптиться.

– Принесите умыться, – хрипло попросила я. – И попить.

Тут же, как по волшебству, передо мной возникла кружка с водой.

– Уже всё готово. Я и завтрак принесла, – бодро отчиталась Лаура. – Замечательно, что вы чувствуете себя лучше. Потому что мениэр ван Берг-старший просил передать, чтобы вы собирались поскорей. Сегодня небольшой приём для родственников и самых близких у антреманна Феддрика ван Стина. По поводу возвращения его сестры из столицы.

Судорожно прокрутив в голове все скудные знания о том месте, где пришлось оказаться, я догадалась, что антреманн, это, наверное, некто вроде нашего мэра. Или скорее губернатора. Почти что встреча на высочайшем уровне. Не уверена, что я к ней готова. Накануне мне довелось получше рассмотреть все свои вещи, пока Лаура их перетряхивала – и вид их лично меня удручил невероятно. Когда-то, наверное, эти платья смотрелись вполне прилично, но то, насколько они были поношенными, а местами и потёртыми теперь, просто вгоняло в уныние. А этот заносчивый Маттейс и вовсе не соизволил предупредить меня о выезде, а ведь я надеялась расспросить, есть ли в этом доме хотя бы нечто вроде библиотеки. Может, там мне удалось бы

выяснить что-то о переселении душ. Или хотя бы получше познакомиться с тем миром, где оказалась. Ведь надо же с чего-то начать.

И не успела я возмутиться этой исполинских размеров свиньёй, что подложил мне будущий муж, как после короткого стука в дверь и разрешения войти в комнату появилась Дине. А за ней – служанка с ворохом тканей в руках. Девушка улыбнулась мне чуть смущённо, но так светло, что всё раздражение тут же улетучилось. И показалось даже, что мы с ней уже подруги, хоть и познакомились только вчера и пообщаться даже не успели.

– Отец сказал, что мы сегодня едем в Ривервот.

– Вы едете тоже, мейси? – От этой мысли стало гораздо легче. Хоть не придётся находиться с Маттейсом и его сыночком одной.

– Конечно. – Она прошла дальше в комнату. – Ведь завтра вы должны примерить ваше свадебное платье. У ривервотского портного. Потому мы останемся у антреманна до утра.

Вот только ещё одной примерки свадебного платья мне и не хватало. Я даже на миг задумалась, не послужит ли она катализатором для того, чтобы вернуться в своё тело? Сомнительно, конечно, но попробовать стоит...

Показалось, Дине сощурилась чуть пренебрежительно при упоминании примерки. Она махнула служанке – и та разложила на постели тот невнятный ворох, что был у неё в руках. И он чудесным образом превратился аж в целых два платья. Одно попроще, серо-зелёное с длинными рядами пуговиц на рукавах. Второе – более тонкое, синее, с ярким красным подкладом и странными широкими лентами, что ниспадали от локтей, наверное, до самого пола.

Я окинула одежду взглядом, а затем вопросительно уставилась на Дине.

– К антреманну надо ехать в приличном виде, – строго пояснила та. – Разве вы не...

– Я никогда не бывала у мениэра ван Стина. И вы правы. Мои платья вряд ли подойдут для такого случая.

– Скоро вам сошьют новые, – милостиво успокоила меня Дине.

Думая, что сегодня мне надо выбрать одно из двух платьев, я весьма удивилась, когда после завтрака и умывания Лаура нацепила на меня сразу оба. Сначала зелёное, а сверху – синее. Возмущаться и расспрашивать, конечно, не пришлось: она всё делала так, как нужно. Это я, невежа, знать не знала, как они вообще здесь одеваются и как положено ездить к антреманну. Да и погода, признаться, требовала накинуть поверх ещё и плащ.

Под пристальным надзором Дине служанка собрала мои волосы от висков, оставив распущенные, тщательно расчёсанные волны локонов струиться по спине до самого пояса. Переплела лентами мелкие косички, прихватила их под затылком украшенной, наверное, драгоценными камнями, заколкой. Я взглянула на себя в высокое тяжеловесное псише первый раз за эти дни. И просто застыла, изредка вспоминая, что надо бы дышать. Хотелось плакать. Как будто меня разобрали на части, а потом собрали так, что теперь передо мной был совсем другой человек. Я видела себя в мелких чертах, в мимике и жестах – но в остальном это была совсем незнакомая мне девушка. Она была красивой и холодной, окутанная потоками тёмных волос, за право поработать с которыми любой парикмахер, наверное, продал бы душу дьяволу. Пухлые, твёрдого изгиба губы, большие зеленовато-голубые глаза, нос с лёгкой горбинкой – в них читалась порода, закоренелая, древняя. За такой девушкой в моём мире гонялись бы лучшие мужики. А здесь с такой внешностью, похоже, никто не считался, никто не млел от неё, не терял голову. Видно, прегрешения бывшей владелицы и правда были серьёзными.

– Пора ехать, – напомнила Дине, вернувшись уже из своих покоев.

Она тоже приделась соответствующе, но более ярко: зелёное, цвета молодой травы, платье и красное, чуть приглушенного оттенка – сверху.

Я моргнула и отвернулась от зеркала. Вместе мы спустились во двор. Там нас уже ждала карета со знакомыми вензелями на дверцах. Сегодня я пригляделась лучше – и заметила, что они и правда составляли что-то вроде герба. Меч, направленный остриём вниз, делил поле на

две части: в одной виделись очертания Волнпика, в другой – фигура то ли льва, то ли животного, очень на него похожего.

– Вы никогда не видели герб ван Бергов? – так едко, что, показалось, на коже останется химический ожог, спросил Маттейс у меня над ухом.

– Не слишком интересуюсь геральдикой, – я пожала плечом и запахла ворот плаща сильнее.

Может, конечно, Паулине на самом деле слыла знатоком подобных тонкостей, но врать насчёт собственных познаний мне вовсе не хотелось.

– Девице это простительно, конечно, – йонкер усмехнулся, и его дыхание легко скользнуло по шее. – Но не аарди древнего рода. Думаю, вы лукавите. Но всё же рекомендую освежить знания о гербе той фамилии, в которую вам предстоит войти.

Я тут же уцепилась за эту возможность.

– Если бы я знала, где в этом огромном доме находится библиотека, я с удовольствием это сделала бы, – моя смиренная улыбка, похоже, нагнала на Маттейса некоторое смятение.

– Дине всё вам покажет. Как вернёмся.

Он предложил мне руку, и я вложила в неё свою, будто в гнездо со змеями сунула. Йонкер повёл меня к экипажу, но пронзительно скрипнула парадная дверь, и во двор вдруг вышел Хилберт: страшно помятый и серый, будто всю ночь не спал. Судя по одежде, достаточно простой и лёгкой, ехать с нами он не собирался. Видно, после недавнего приступа ему до сих пор было нехорошо. Его воспалённый взгляд вцепился в моё лицо, я кивнула ему, приветствуя: в горле мигом пересохло. Но он ничем не ответил, хоть и продолжил смотреть неотрывно, как будто очень крепко о чём-то задумался. Казалось, скажет что-нибудь, но он молчал.

И до того не по себе стало от его пристального, тяжёлого внимания, что даже платье к мгновенно вспотевшей спине прилипло. Могла бы побежать – скрылась бы в карете гораздо скорее. Но пришлось степенно идти с Маттейсом эти несколько шагов, которые показались мне прыжками через реки кипящей лавы. А Хилберт всё смотрел, и взгляд его словно ввинчивался мне в подкорку. Примерно то же ощущение одолевало меня, когда по требованию Алдрика я коснулась его тогда, чтобы успокоить – будто он вонзился в меня ножом.

Дине уже ждала внутри экипажа. Я села рядом с ней, с удовольствием высвободившись из хватки Маттейса. Лакей захлопнул дверцу – карета тронулась – и теперь только предвкушать осталось дивный, полный неземных удовольствий путь вниз, в долину, по той же витиеватой дороге.

За то время, что мы ехали до Ривервота, глядя в окно, за которым текли, как медленная река, неизменные тучи, я успела не раз вспомнить дом, где всё было привычным и светлым. Таким нереально светлым по сравнению с этим миром, что казалось раем. И вернуться туда захотелось ещё сильнее, хотя куда уж больше.

Маттейс всю дорогу молчал, пристально на меня посматривая, и я старалась не встречаться с ним взглядом. Дине же, напротив, была милостиво говорлива и рассказала мне много полезного о столице Южного антрекена – Ривервоте, где давным-давно стоит резиденция анремманна. И о самом Феддрике ван Стине, который в определённых кругах славился весьма либеральными взглядами, хоть открыто о том не говорили. Бывали времена, когда по юности он выступал против власти Саллийской короны над антрекеном. И даже участвовал в коротких восстаниях и стычках с гвардией короля. Но потом, кажется, образумился. Впрочем, многие подозревали, что он просто затих.

Я слушала её, одновременно борясь с сонливостью после не слишком приятной ночи и любопытством расспросить что-нибудь ещё, более насущное для меня, чем биография анремманна. И может, решила бы, надеясь на некоторую наивность юной йонкеры, но строгий взгляд Маттейса сдерживал не хуже шипастого ошейника.

Я совершенно не знала, сколько придётся ехать до Ривервота, а потому немало удивилась, когда город показался вдалеке, за гладким зеркалом обширного озера, довольно скоро. По ощущениям, через пару часов пути. Сначала замелькали мимо окон домики какой-то деревушки, которая лежала неподалёку от него, достаточно оживлённая и неожиданно аккуратная, как с открытки. За беседой с Дине я и вовсе не сразу заметила, что небо почти очистилось от туч, между ними теперь сияли широкие полосы чистого неба. Солнце, почти непривычное теперь, щедрыми потоками лило свет на луга, что раскинулись снова во все стороны, как закончилась безымянное для меня селение. Окрашивало густой бронзой густой частокос осеннего леса, отражалось сиянием в воде озера.

Надо же, я уж совсем было поверила, что здесь не бывает хорошей погоды. А оказывается, самый разгар бабьего лета. Деревья, что то и дело мелькали вдоль дороги, пожелтели пока не слишком, ещё сохранили переспелую, пыльную зелень. Но воздух не обманывал – он уже пропитался от края горизонта до края тем самым знакомым духом грусти и увядания. Когда кажется, ещё немного, и год покатится совсем под гору. А там и зима.

Дине тоже припала к окну, будто хотела напиться светом уже сейчас, не упустить ни одного луча. А вот Маттейс остался недвижимым и спокойным, только, кажется, помрачнел ещё больше, наблюдая за дочерью.

– Ты могла бы уехать в Ривервот, когда захочешь, – буркнул он наконец. – Зачем сидишь в этом Волнпике?

Сказал так уверенно, будто знал мысли Дине и этот разговор возникал между ними уже не раз.

– Потому что я должна быть рядом с тобой и Хилбертом.

– Хилберт – Страж. Он должен быть там. А тебе антреманн давно уж разрешил уехать. Хотя бы в наше имение.

Девушка только махнула рукой, одетой в тонкую перчатку, и отвернулась.

Город ударил по глазам россыпью ярких красно-оранжевых пятен домов. Поначалу одноэтажные, с малюсенькими дворами и глухими заборами, дальше они вытягивались в высоту и окрашивались во все оттенки осеннего леса. То бледные, уже выгоревшие, то почти ослепительные – только обновлённые. Оставалось только глазеть по сторонам и улыбаться неожиданно приветливому виду этого города. Пахло тёплым камнем, палой листвой и тинистой водой. Мы вывернули на главную улицу Ривервота и покатали дальше, вдоль широкого, стянутого поясами мостов, канала – судя по всему, к центру. Скоро и правда показался впереди вытянутый дом из кирпича, выкрашенный в ярко-оранжевый цвет – видно, чтобы выделялся среди остальных, которые жались к нему с обеих сторон.

Карета остановилась у кованых ворот. Услужливый лакей, который ехал на козлах с кучером, тут же открыл дверь. Первым вышел Маттейс и подал мне руку. Слуга помог выйти Дине.

– Вам лучше чаще помалкивать, – пока мы шли до крыльца, посоветовал йонкер.

Я повернула к нему голову.

– Не надо держать меня за ребёнка! Или за дурочку, которая и пары слов связать не может, – возмутилась.

Хотя, наверное, молчать и правда было в моём случае наилучшим решением. По незнанию можно ляпнуть такое, что не расхлебать. Но вот патологически не люблю, когда мне приказывают заткнуться. Антон пару раз рискнул в грубой форме – последствия были плачевные. Я молчала несколько дней, пока он первый не начал лезть на стену. Наверное, от мыслей, что я могла задумать в этой зловещей тишине.

– А вы и есть ребёнок, что по глупости однажды натворил дел, за которые теперь расплачиваемся все мы, – на удивление беззлобно ответил Маттейс.

В голосе его, приятно хриловатом, почудился оттенок назидательности. Дине глянула на него гневно, сдёргивая перчатку.

– Хватит ворошить, – попыталась вступиться. – Это было давно. Разве не все мы порой ошибаемся?

Йонкер только плечами пожал. Похоже, и сам не слишком любил поднимать эту тему. Но в его возрасте люди порой не способны менять мнение и проявлять гибкость.

Дородный дворецкий otvorил нам дверь и после должного приветствия впустил внутрь. Я огляделась в заметно тесноватом по сравнению с древним Волнпиком доме: много фресок на стенах, деревянная, чуть изогнутая лестница на второй этаж, гладкий пол, выложенный мозаикой с изображением некоего странного зверя с тремя головами: дракона, льва и быка. На миг я задумалась, кого напоминает мне это чудище – и почти сразу вспомнила химеру. Знать бы только, что означал подобный символ здесь.

Слуга проводил нас мимо лестницы в просторную гостиную, светлую, с оштукатуренными и окрашенными в приятный бледно-зелёный цвет стенами. Под потолком их украшала вязь цветочных узоров. Обставлена она была на вид не слишком удобной, но красивой и вполне себе изящной деревянной мебелью. Дворецкий ушёл с обещанием доложить о приезде антреманну.

А все, кто был сейчас в комнате, тут же обратили на нас взгляды. Внимание их быстро переметнулось со знакомых лиц Маттейса и Дине на меня. Благо гостей пока было немного: двое мужчин и одна женщина постбальзаковского возраста, похожая на куропатку. Не знаю, почему мне пришла такая ассоциация: может оттого, что по сравнению с её упитанным телом голова казалась маловатой.

Я так и оберла на мгновение, пока Дине рядом со мной не отвесила всем приветственный реверанс – пришлось быстро повторять за ней. Гости как будто этим удовлетворились – и напряжение спало.

Маттейс представил меня присутствующим. А затем назвал их имена, которые, конечно, ни о чём мне не сказали. На том, казалось бы, знакомство было исчерпано. Высокий и пузатый, как фигурный кофейник, аард Бен Мейер тут же занялся разговором с Маттейсом, позабыв обо всех остальных. А его супруга, вроу Леона, как оказалось, старшая сестра антреманна, лёгким взмахом пухловатой ручки подозвала нас с Дине к себе.

– Чудесно! – всё, что я сумела чётко расслышать из её торопливой, будто до этого она молчала год, болтовни. – Я так рада, что Маттейс наконец решил жениться снова.

Негромкое фырканье за спиной заставило обернуться. Мужчина лет двадцати пяти, которого мне представили как Тейна Мейера, смотрел на матушку с явной насмешкой и раздражением. Встретив мой взгляд, он тут же поменялся, будто взволновался – и на его плоских щеках даже зажёгся румянец. И от его вопросительно-ожидającego взора стало немного не по себе. Как будто он хотел о чём-то поговорить, но не решался при всех. И так похож он был на съеданного внутренними страстями человека: с этими трагично чёрными, до плеч, волосами и резким скулами на худощавом, но не измождённом лице, страдающей линией губ, будто бы изогнутых в презрении ко всему миру. Наверное, в чём-то к нему несправедливому.

– Что же вы, мениэр, не согласны с тем, что женитьба моего отца – это благой знак для многих? – зацепилась за произвольный звук, что он издал, Дине.

Её взгляд тут же заострился, так, что она перестала походить на ромашку и напомнила скорее чертополох. А ещё – Хилберта.

– Что вы, – приятным баритоном ответил мужчина. – Это поистине большое событие. После ссылки в Волнпик. После стольких лет прозябания в нём. После всех скандалов и разбирательств. После самоубийства матери мейси Паулине и исчезновения её сестры. Да... Это благой знак.

Сказано это было не так уж громко, но достаточно для того, чтобы размеренный разговор Маттейса и мениэра Мейера вмиг оборвался. Йонкер уставился на молодого аарда, и по губам его поползла нехорошая ухмылка. А я так и вовсе застыла, охваченная жгучим потрясением.

Вот это прямо-таки шикарный шлейф тянется за мной, а вернее за Паулине. То-то, думаю, ноги еле волоку от такой тяжести.

– Вы, кажется, слишком заотдыхались в своём тихом Восточном гарнизоне, мениэр Мейер. Обнаглели после повышения, – тихо и угрожающе пророкотал Маттейс.

Но возможной ссоре не суждено было случиться, потому как к гостям спустился худощавый и высокий мужчина весьма, на мой вкус, болезненного вида. Я бы показала его мениэру Геролфу. При ближайшем рассмотрении – хоть я и пыталась глазеть не слишком открыто – антреманн оказался хорош собой. Не такими мощными и выпуклыми чертами, как ван Берги, а некой утончённостью. Кстати, с дерзким Тейном Мейером они были даже чем-то похожи. Пожалуй, все мужчины, что успели встретиться мне в этом мире, отличались внешностью резковатой, но неуловимо притягательной. Феддрик быстро смерил меня острым взглядом. Поприветствовал сначала Маттейса, затем Дине, рассеянно ей улыбнувшись – а затем развернулся ко мне. С остальными он, видно, успел увидеться раньше.

– Так вот этот дивный алмаз, вокруг которого столько шума. – Он непринуждённо подхватил мою руку и достаточно ощутимо и протяжно сжал. – Вы хитрец, мениэр ван Берг, – показалось, что сейчас он погрозит йонкеру пальцем, как нашкодившему мальчишке, хоть был явно и значительно моложе его. – Провели её мимо аукциона, хоть из того положения, в котором оказалась её фамилия, был путь напрямик туда.

А вот с этого места хотелось бы поподробнее, но мне пришлось смолчать, переминаясь с ноги на ногу от досады.

– Думаю, её матушка, которая и без того окончила жизнь весьма печально, не простила бы мне. Не простила, если бы я оставил мейси Паулине в беде. К тому же... Разве вы хотите, чтобы она досталась абы кому, мениэр ван Стин? И уж тем более Короне? – с откровенным ехидством уточнил Маттейс. – Для Стражей она истинная находка. Ключей Воли, способных управлять порождениями Шада, не рождалось уже очень давно. Мы начинаем сдавать позиции. Слангеры и гарги уже прорываются из Пустоши. Не далее как несколько дней назад они напали на кортеж аарди, и она выжила только чудом.

– Разве они могли пробраться так далеко мимо всех Стражей? – усомнился аард Мейер старший.

– Тот сброд, что сейчас называет себя Стражами, больше не может удерживать брешь, – ядовито проговорил его сын. – Не в том ли заслуга мениэра ван Берга? И разве одна девушка может переломить ситуацию? Тут дело вовсе не в ней...

– Паулине снова разольёт огонь по крови старших Стражей рода ван Бергов. А значит, возрастет сила других Стражей, более низких рангов, – Маттейс ещё старался говорить спокойно, но всё заметнее становилось, что этот молодой человек явственно его раздражает.

– Уважаемые мениэры, – не выдержала я, – вообще-то я ещё здесь.

В самом деле, как можно обсуждать меня так хладнокровно, будто я одно из этих кресел? Хоть их разговор и был полезен для меня, а грозил перерасти в просто бестолковое метание взаимных колкостей. Если не сказать хуже. Дине хмыкнула тихо, но достаточно для того, чтобы я услышала – и от её поддержки стало немного легче. А вот мужчины в большинстве своём и взглядов в мою сторону не обратили. Только Тейн посмотрел коротко и встревоженно, будто пожалел. Антреманн выслушал Маттейса с явным интересом.

– Я искренне надеюсь, что аарди дер Энтин поможет Стражам в том, чтобы отогнать тварей вглубь Пустоши снова, – уклончиво согласился он, не выражая ясного отношения ко всему этому. – То, что они появляются в антрекене, очень тревожный знак. И кому как не вам, мениэр, заботиться о нерушимости границ. Волнпик доверили вам вовсе не случайно. Ещё и после того, какие мерзкие слухи вас окутали в своё время.

Йонкер расплылся вдруг в улыбке, но вовсе не весёлой, а скорее угрожающей. Снова его короткий взгляд прошёлся по мне раскалённым прутом.

– За мерзкие слухи, как вам известно, стоит благодарить мейси дер Энтин, – его голос будто ледяной коркой покрыл всю комнату.

А особенно – меня. Чем больше он говорили, тем яснее я понимала, что Паулине в своё время и правда обвинила его в чём-то страшном.

– Как бы то ни было, я сохранил обрывки вашей репутации... Когда вас хотели отдать под трибунал, не разбираясь, насиловали вы девушку на самом деле или нет.

– И загнали меня на самый край антрекена, в этот замок...

– Мениэры, – с капризным укором проговорила вроу Леона. – Прекратите.

Вот оно что. Я едва не прикрыла лицо рукой. Нет, в том, конечно, была не моя вина, но и мне невольно становилось стыдно.

Маттейс замолчал, покачивая головой. А остальные не стали и вмешиваться.

– Ничего, у мейси дер Энтин теперь есть все шансы загладить перед вами свою вину, – казалось бы, миролюбиво закончил пререкания антреманн. Но тут же добавил: – Если таковая была. До сих пор доподлинно никто не скажет, что случилось тогда с младшей сестрой Паулине...

Он поднял вверх ладони, когда Маттейс прищурился с угрозой в глубине серебряных глаз. Похоже, побаивался его. Да и не удивительно: тот был гораздо внушительнее Феддрика, шире в плечах и даже ростом чуть выше. Мужчины же не двинулись со своих мест, как будто всё происходящее было вполне нормальным и не несло опасности. Да и невозможным казалось, что сейчас антреманн с йонкером и правда сцепятся. Ну, не к лицу им как-то.

– И так каждый раз, – вздохнула Дине, наблюдая за ещё вполне деликатной стычкой мужчин. – Отец считает, что Феддрик загнал его к самой брешке несправедливо. А тот говорит, что в этом была его большая милость.

– А как на самом деле? – я склонилась к уху девушки, пользуясь тем, что йонкер и антреманн сейчас слышали только себя – даже не друг друга. А остальные слушали их.

Даже вроу Леона подтянулась к ним, изменив женской компании. Дине повела плечом, чуть косясь на меня.

– Жить в Волнпике трудно. Он насквозь пропитан силой Пустоши, где процветают эти... твари. Вам повезло, вы всегда жили далеко от границы с ней. Вы видели светлое Око Хельда гораздо чаще нас. И знаете о Пустоши только понаслышке. А я могу выйти на верхушку башни и увидеть её. Но только смотреть не хочется. Хилберту... ему тяжелее всех. Он...

Девушка осеклась, отводя взгляд. Похоже, чуть не проговорила.

– Она как-то на него влияет? – все же попыталась я счастья.

Дине воровато посмотрела на мужчин, но те, кажется, по-прежнему были увлечены разговором на грани вежливости. Я пыталась слушать и их тоже, но выходило плохо. Но ещё хуже я представляла себе, что такое эта Пустошь. Надо бы как-то уговорить Дине показать мне её с той башни.

– Хилберт – капитан Стражей в Волнпике. Ну, вы знаете. Он должен обладать особыми силами. Да только они... – начала было разъяснять та, но её прервало появление в гостиной ещё одной девушки.

Она вошла в комнату незаметно, но зато сразу перетянула на себя внимание сначала мужчин, вроу Леоны, а потом и Дине. Йонкеры скривилась заметно, прервав свой занимательный рассказ о Хилберте, как говорится, на самом интересном месте. Я проследила за её взглядом. Молодая белокурая барышня возраста, может, чуть старше Дине, остановилась у камина и поочерёдно улыбнулась каждому, кто на неё взглянул.

– Лето в столице явно пошло вам на пользу, моя дорогая, – тётка даже легонько приобняла её. Но не слишком пылко.

– Добрый день, мейси, – живо встретил девушку Маттейс. – Я очень рад, что вы уже вернулись. Хоть Хилберт ждал вас не раньше чем через неделю.

– Именно поэтому он не приехал? Не поверил, что я и правда здесь? – незнакомка мелодично рассмеялась.

Так сладко, что аж скулы свело.

– Нет, он остался по другой причине, – уклончиво ответил йонкер.

Девушка понимающе кивнула, и её личико вновь стало серьёзным.

– Я не смогла больше находиться в Стененстаде. Соскучилась по моему милому братцу, – она чуть ехидно взглянула на антреманна.

Тот отошёл в сторону, поворачиваясь ко мне, и указал на неё раскрытой ладонью.

– Позвольте представить вам Ренске ван Стин, мою младшую сестру, – он перевёл взгляд на девушку обратно. – А это Паулине дер Энтин. Невеста мениэра Маттейса ван Берга.

Повинуясь какому-то инстинкту вежливости, я встала с диванчика, на котором сидела с Дине, и мы с девушкой одновременно отвесили друг другу реверансы.

– Я о вас слышана. Весьма противоречивые слухи, смею заметить, – по её тонковатым губам пробежала ледяной ниточкой двусмысленная улыбка.

Я сощурилась, почуяв неведомо каким образом – соперницу. Нет, делить нам было, кажется, нечего. Но случаются в жизни такие моменты, когда ты знаешь человека едва-едва, а уже терпеть его не можешь. Думаю, что-то подобное испытывала ко мне сейчас и Ренске. Мы сцепились взглядами, как бульдоги – челюстями – ненадолго, но так остро, аж кожу пекло.

– Если позволите, я хотела бы поехать с вами в Волнпик, – заговорила девушка после короткого изучения моего лица, и обратила взор к брату.

Хотелось бы ещё знать, зачем ты туда собралась, – мелькнула в голове подозрительная мысль. Но, понятное дело, я удержала её при себе. Дине медленно вздохнула, явно пытаясь это скрыть, а стоило посмотреть на неё – картинно закатила глаза. Ох, не дружат они с Ренске – и от этого я почувствовала ещё большую связь с дочерью Маттейса.

– Может, стоило предупредить Хилберта о визите заранее, – снисходительно улыбнулся Феддрик, но вся строгость в его голосе, похоже, была напускной.

– Не смешите, мениэр ван Стин, – махнул рукой Маттейс. – Хилберт всегда рад видеть невесту. Что за излишние предосторожности.

Вот оно что. Потому-то йонкер и встретил девицу так ласково. Поэтому-то так презрительно и фыркала Дине: банальная сестринская ревность брата к невесте, которая отняла у неё львиную долю его внимания. Даже мне порой во время организации свадеб приходилось встречать такие ситуации при общении с семьями будущих супругов.

– В таком случае, вечером я соберу вещи, – Ренске одарила Маттейса ещё одним взглядом, исполненным благодарности.

Йонкер, со мной неизменно сдержанный и мрачный – даже когда улыбался – рядом с будущей невесткой прямо-таки молодец. Видно, он крайне рад был женить сына на сестре антреманна. Очень удобно в том опальном положении, в котором он пребывал, видно, до сих пор. Да и сопротивляться обаянию Ренске было очень сложно – приходилось это признать. Девушка чем-то походила на Дине: такая же юная и цветущая. Но если сестра Хилберта напоминала ромашку, то Ренске – розу. Не холодную и строгую – голландскую – а ту, что растут в домашних оранжереях или в южных садах Причерноморья. Чуть простоватая, но роскошная и пахнущая сладко-сладко. Так, что невозможно пройти мимо, чтобы не остановиться и не втянуть полной грудью этот аромат.

Но только кому-то от него становится хорошо и легко на душе, а кому-то дурно. И как я ни любила южные розы со всей их подкупающей непосредственностью, а от Ренске меня едва не мучило.

Как бы то ни было, но переставший быть сдержанным спор мужчин с появлением Ренске совсем стих. И скоро гости антреманна перешли в другой зал, где для всех оказался накрыт щедрый стол. Просторную светлую комнату наполнял аромат жареного мяса и свежих овощей –

ведь сейчас, наверное, здесь был самый сезон сбора урожая. А после обильного ужина слуги проводили всех до гостевых комнат.

Мне досталась небольшая, чуть темноватая из-за старинных фресок, изображающих одетых в нежные платья дев, но вполне уютная: со скромной по размерам, но пышно застеленной кроватью – убийство для позвоночника. Я обошла её всю от окна до стены, радуясь приятной тишине, что царила здесь: казалось, ни единого звука не доносилось снаружи.

И вдруг остановилась у круглого столика. А привлекла моё внимание аккуратно сложенная вдвое записка, прижатая тяжёлой керамической вазой с густо пахнущими красными цветами, названия которых я, конечно же, не знала, но которые напомнили герберы. Я огляделась в комнате, будто здесь вдруг мог оказаться кто-то ещё, кому предназначалось послание, а сама уже потянулась за ним. Любопытство моё явно раньше меня родилось. Только гляну одним глазком. Если письмо чужое, надо сказать об этом прислуге.

Только на миг я приостановила руку, подумав над тем, что это может оказаться подлянка от кого-то из гостей антреманна. Но тут же решила, что, похоже, Паулине была нужна здесь едва не всем подряд, а значит, избавиться от неё вряд ли кто решится. Помедлив ещё мгновение, я всё же взяла кончиками пальцев записку за уголок, приподняла, заглядывая внутрь: ровные строчки, почерк даже красивый, выверенный с твёрдым и резковатым написанием букв – мужской, судя по всему.

«Чёрт бы вас всех побрал, ей богу», – пробормотала сама себе и взяла письмо, разворачивая его полностью.

«Лине, сегодня, как все уснут, прошу вас спуститься на задний двор. Там стоит беседка у пруда. Нужно поговорить о вашей дальнейшей судьбе. И моей тоже, если на то есть ваша воля».

Внизу широким росчерком неизвестный – думается, только для меня – поклонник оставил витиеватый вензель, в котором можно было узнать букву «Т». Вот это просто замечательно! Ещё воздыхателей пылких мне не хватало для полного счастья. И так голова скоро разорвётся – так ещё и несчастно влюбленный Тейн, похоже, решил излить душу. Не зря смотрел так протяжно и умоляюще, хоть с губ его в этот миг срывались неслабые такие колкости в адрес Маттейса. Впрочем, их теперь тоже можно было объяснить – ревностью.

Я вздрогнула и прижала к груди злосчастную записку, когда в дверь постучали. Пришлось быстро сунуть послание в поясной кошель, царапая пальцы о непослушную застёжку.

– Войдите, – крикнула я по возможности невозмутимо.

Вошла служанка в педантично белом переднике и странной тонкой шапочке, похожей на детский чепчик. Присела в реверансе.

– Мейси дер Энтин, вы желаете чего-нибудь перед сном? – осведомилась она участливо, но немного устало – с явной надеждой на то, что я отправлю её восвояси без поручений.

– Да, я хотела бы пройтись перед сном. Вы можете проводить меня на задний двор?

Девушка смиренно кивнула и повела меня по узкому коридору мимо гостевых комнат куда-то вглубь дома. Повернули мы всего один раз, оказались на темноватой лестнице, а там спустились на первый этаж. Похоже, это был ход для прислуги – уж больно неприметный.

– Так короче всего, – пояснила девушка, будто мысли мои прочитала.

Она вывела меня в округлый, совсем небольшой дворик, границы которого было видно уже отсюда, и встала за спиной, ожидая.

– Если вам нетрудно, дождитесь меня. Я недолго.

Служанка снова согласно наклонила голову и осталась на месте, пока я обошла по гравийной дорожке вокруг беседки, которую было заметно издали, вокруг небольшого прудика, больше похожего на лужу – и вернулась назад.

Что ж, место обычное и понятное до мелочей. Вот только стоит ли идти сюда ещё раз по зову человека, которого я увидела сегодня впервые? Конечно, можно было легко догадаться,

что Паулине-то как раз знала его хорошо, но лично мне это не давало никакого повода доверять ему.

Но он, наверное, знал что-то важное о жизни Паулине и, возможно, хотел помочь. Или навредить? Пока служанка провожала меня обратно до комнаты, я едва не разорвалась на части от сомнений. Как только мы вернулись, попросила девушку забрать вазу с цветами: после вечерней свежести двора их запах казался и вовсе невыносимо назойливым – и снова осталась одна.

Кажется, и умылась уже, и переделалась ко сну, мало что видя вокруг себя от волнения и непрерывных метаний: идти или остаться? – и всё никак не могла успокоиться. Принималась даже перечитывать записку, будто в простых ровных строчках могла разглядеть какой-то подвох или скрытый смысл. Мог ли Тейн мне помочь, думая, что я – та Паулине, которую он знал? Или он страстный ревнивец, который пожелает просто укокошить меня со словами «так не доставайся же ты никому»? Классика.

Да что там говорить: я и спать уже легла, решив, что не стану поддаваться на провокацию. Но уснуть оказалось совершенно невозможно. Чтоб тебе гореть в аду, Тейн Мейер, или что в этом мире считается адом... Посеял ведь сомнения такие, что хоть об стену головой бейся. И даже обострившаяся осторожность уже не могла удержать меня на месте. Я поднялась, накинула поверх сорочки тёмно-синий балахон, который посчитала за нечто вроде халата, и осторожно выбралась из спальни. Прислушалась – кажется, тихо. Уже намеченным путём я двинулась в сторону лестницы, поминутно останавливаясь и прислушиваясь. Но пока ничто не вставало у меня на дороге – а потому уверенность в правильности решения росла. Человек, который почти уделал в словесной перепалке Маттейса, не может быть плохим. Хотя кто их всех тут знает...

Я почти уже дошла до лестницы и немного спустилась – но пришлось притормозить. Внизу, между пролётами, кто-то тихо разговаривал. Вот всё же не удалось дойти беспрепятственно. Ждать или уходить? Может, просто припозднившиеся слуги остановились, чтобы обменяться свежими сплетнями перед сном? Я постояла немного, но разговор затягивался. Ни туда, и ни сюда: аж пятки горели от желания уже куда-то да пойти. Наверное, это знак и надо возвращаться. Я уже повернулась было идти назад, как расслышала знакомое имя, которое резануло по ушам, как скрежет гвоздя по стеклу: Ренске. Тело сработало мигом, застыло в охотничьей стойке, а слух обострился, как у филина.

– Хилберт неспроста не приехал сегодня, – спокойный и полный достоинства голос антреманна оказался очень узнаваем.

– Я беспокоюсь за него, – жалостливый и тонкий, как пение японской поп дивы. – Как бы то ни было...

– Поэтому тебе и надо разузнать о его недомогании всё, что сможешь. Надо хоть что-то найти...

Порой я не слышала обрывки фраз. Мужчина и вовсе начал говорить так тихо, что, как угодно прислушивайся – ничего не разберёшь. Я так увлеклась охотой за информацией, что не сразу заметила, как лестница заскрипела под чьими-то шагами: мне навстречу поднимались. Пришлось едва не бегом, подобрав подол, возвращаться в коридор, пытаясь при этом не шуметь. Как бежала до своей комнаты, и не вспомнила – лишь закрыла дверь и замерла, подпирая её спиной. Нет, никаких прогулок во дворе незнакомого дома – мама ещё в детстве учила. Никаких разговоров в темноте с малознакомыми мужчинами. Когда опора под ногами и без того качается, как гнилая доска – один неверный шаг, и запросто свернёшь себе шею. На кой ляд, простите, мне такие заморочки?

Я отлипла от двери и, на ходу сдирая с себя халат, едва не с разбегу кинулась в постель. Правда, всё же встала снова, вынула из кошелька записку и сожгла её, обжигая пальцы – но дотла.

Разобраться бы с тем, что есть: с Маттейсом, замужеством и возвращением домой... А все эти побочные квесты – может, лучше без них?

С такими мыслями я всё же устроилась на упоительно мягкой перине и удивительно быстро уснула.

Наутро все, кроме Ренске, собрались в столовой на совместный завтрак. Тейн, конечно же, пытался поймать мой взгляд. Наверное, его очень беспокоило моё нежелание встретиться с ним накануне. Но уж лучше хранить загадочный вид, чем потом расхлёбывать последствия своей доверчивости и неосмотрительности. Невольно я то и дело начинала торопиться, чтобы закончить завтрак поскорей. И только когда уже собралась уходить, в комнате появилась Ренске.

– Ты не можешь упустить возможности поспать подольше, – мягко укорил её Феддрик, на что та лишь беспечно улыбнулась и махнула рукой.

Видимо, ей и правда многое прощалось. От этого она раздражала меня ещё больше.

Наконец, завершив визит вежливости, мы покинули деревенскую, как выразилась Дине, резиденцию антреманна вместе с сопровождением Стражей из Волнпика. Однако, прежде чем повернуть назад, пришлось заехать ещё и в лавку местного портного. У которого, впрочем, как любезно рассказала увязавшаяся с нами Ренске, одежду порой заказывали и люди из столицы. Я не могла сказать об этом ничего толкового, а потому ограничилась замечанием, что определённо слышала имя этого мастера раньше. Маттейс в наш разговор не вмешивался. Он смотрел то на меня, то на сестру антреманна, будто сравнивал нас. И что решал в этот миг – кто лучше? Наверное, по многим параметрам Паулине проигрывала в его глазах. Хотя мне теперь казалось, что и у Ренске под этой глянцевою, натёртой до блеска кожурой сидит нешуточная гнильца. И для чего она должна была выведать подробности недуга Хилберта – это ещё очень большой вопрос.

Мастер-портной вышел к нам как только тихо хлопнула дверь, когда мы с девушками вошли внутрь: йонкер остался дожидаться нас в карете. Лавка оказалась небольшой, но уютной из-за обилия тканей кругом, лёгкого запаха чего-то, что напоминало нафталин, и мягкого света сильно оплывших свечей.

– Я ждал вас на пару дней раньше, – сказал мастер с укоризной после короткого приветствия. – Мне нужно всё заканчивать, а вы тянете время.

– По дороге в Волнпик меня чуть не сожрал слангер, – не удалось сдержать раздражения в голосе. – Я была ранена и до сих пор не оправилась полностью. Наверное, я заслужила пару дней отсрочки.

Девушки, которые в этот миг тихо переговаривались, обсуждая платье, что стояло в дальнем углу, развешенное на стойке, мгновенно замолчали. Портной, будто в замедленной съёмке, приподнял брови, разглядывая меня так, словно я была подушечкой, в которую он сейчас начнёт втыкать иголки.

– Прошу прощения, – неожиданно выдал он и скрылся за шторой, что закрывала вход в соседнюю каморку.

Я выдохнула, сбросив долю злости и негодования от всего, что который день творилось вокруг меня. Скоро мастер вернулся, держа на вытянутых руках красное, расшитое бордовой с золотом тесьмой платье. Не сказать, что оно было в моём вкусе: такие яркие цвета я давно не носила. Да и как оценивать наряды из того времени и мира, в котором живёшь всего-то несколько дней? К тому же я с некоторых пор вообще опасалась примерять свадебные платья... Но стоило его надеть, как тут же пришло понимание, что для этого места, для этой девушки с тёмными волосами и светлой кожей, для её роста, фигуры и положения невесты знатного йонкера платье было идеальным. Другое вместо него и представить было нельзя.

И как я ни ждала каких-то особых ощущений, что предвещали бы возвращение в своё тело – глупость, конечно, но всё же – так ничего и не дождалась. Зеркало, чуть мутноватое,

отражало всё ту же незнакомую мне девушку – и до того тошно становилось, что аж воздух как будто скисал в груди, разливаясь по всему телу ядом. В какой-то миг я как будто увидела в отражении прежнюю себя: не в сумрачной лавке, а в светлом салоне Ани. В белом платье, о котором не мечтала, наверное – уж вышла из того возраста – но к которому была готова. А к этому платью я готова вовсе не была. И вряд ли когда-нибудь смогу смириться...

Мастер обошёл меня сбоку, придирчиво оглядывая и поворачивая.

– Здесь будут пуговицы, – деловито бормотал он. – Завтра привезут жемчужные из Маригола. Самые лучшие. По подолу пушу второй ряд тесьмы...

Я почти не слушала его – мне становилось жутко. Только от одной мысли, что придётся всё же выйти замуж – очень и очень скоро. Эта мысль просто разрывала голову. А хуже того было, что скрыться банально некуда. Я попросту не знаю ни одной дороги, которая могла бы привести к спасению.

– Снимите уже с меня его, – я отшвырнула резким взмахом руку портного, который всё никак не мог успокоиться и осматривал своё творение со всех сторон, казалось, уже десятый раз.

– Мейси дер Энтин... – попыталась укорить меня Дине.

– Я сказала, хватит.

Спустилась с низенькой скамеечки, едва не споткнувшись о тяжёлый подол. Портной успел придержать меня под локоть.

Видно, побоявшись связываться и уговаривать дальше, платье с меня всё же сняли с обещанием завершить его в срок и прислать в Волнпик тут же. Однако, сервис не хуже, чем у нас. И принцип один: заплати побольше и радуйся тому, как вокруг тебя скачут на задних лапках.

С девушками, которые наперебой щебетали, восхищаясь платьем – и на этот миг стали даже выглядеть подругами – мы вернулись в карету. Маттейс ни о чём не спросил, просто приказал кучеру ехать домой. Наверное, ему наряд будущей жены был глубоко безразличен. И я его, в общем-то, понимала.

Скоро остался позади Ривервот, окончательно смолкли Дине и Ренске, вновь охладев друг к другу. Пронеслась серой лентой дорога впереди, в конце которой меня не ждало ничего хорошего: только неизвестность одна.

Устав от смутных терзаний, вызванных злосчастной примеркой, я почти задремала, убаюканная размеренным покачиванием кареты. Но не прошло и получаса, как почувствовала вдруг, будто меня под рёбра ткнули. Вскинулась, прислушиваясь – ничего. Маттейс открыл глаза, тоже сбрасывая сонливость, а девушки и не пошевелились, крепко уснув и соприкасаясь головами, откинутыми на спинку сидения.

– Что случилось, мейси? – спросил йонкер с недовольством, уже вновь прикрывая веки.

– Не знаю, – я выглянула в окно, прикладывая руку к груди.

Но даже моя неуверенность в собственных ощущениях заставила мужчину насторожиться и выпрямить спину.

– Что вы чувствуете? – он взглянул в моё лицо со странным участием.

Будто мои возможные ощущения ничуть его не удивляли. Как будто он и ждал чего-то подобного всё это время.

– Что кто-то коснулся меня. Как будто. Я не понимаю...

Это и правда было трудно объяснить. То ли голос, то ли прикосновение – но что-то явно дотянулась до разума. Маттейс прищурился и уже приоткрыл рот, чтобы вывести ещё что-то, но вдруг загрохотали копыта по земле со всех сторон. Заорали Стражи сопровождения, лягнуло что-то, щёлкнуло будто хлыстом. Карета встала, покачнувшись. Проснулись Дине и Ренске. Маттейс выругался грязно и, выхватив из ножен меч, рывком открыл дверцу.

– Сидите здесь. Ни шагу отсюда, – бросил отрывисто и выскочил наружу – в самую гущу вскипевшей там схватки.

Да я, кажется, и так не могла сдвинуться с места. Словно умерла в один миг. Меня будто тоже били клинками в бока, в грудь, где застревало болезненное дыхание. Сжимали со всех сторон горячими от ярости телами. Я чувствовала тех, кто напал на нас и, скорей всего, хотел убить. Они были людьми, и в то же время разрывала их сейчас другая сущность, которую я ощущала так остро, будто видела своими глазами. Но не могла понять, что это. Я так мало знала об этом мире!

Девушки вздрагивали, теснясь друг к другу. На глазах Ренске блеснули слёзы, но Дине, хоть и была напугана не меньше, всё же хранила ещё какое-то спокойствие.

Меня вело прочь. Я слышала рваные отклики, брань и ор. И рык тихий, будто из ямы. Совершенно невозможно было находиться здесь, оставаться в этой коробке, которую того и гляди раздавит всей мощью хлынувшей из Пустоши силы. Я не понимала, откуда знаю это. Просто слушала вопль внутреннего голоса, который требовал бежать.

И я побежала – быстрее, чем сообразила, что Маттейс велел оставаться здесь. И что там, снаружи, может быть опасно. Я распахнула дверцу, вырывая руку из пальцев Дине, которая пыталась меня удержать, и выкатилась наружу, забыв о ступеньках. Грохнулась почти плашмя, встала с четверенек, поддёрнула подол и кинулась прочь. Чудом проскочила мимо мужчин, которые сцепились друг с другом, метнулась в заросли кустов, тёмные и густые. Духота и запах умирающей листвы обьяли меня, будто жадные лапищи.

Я побежала на смутный зов, будто на свет фар ночью – ослеплённая, совершенно не соображая, что делаю. Сейчас меня расплющит, поломают на множество частей от страшной силы столкновения... А мне уже всё равно. Безразлично. Я уже не управляю своим гонимым ужасом телом.

– Стойте, Паулине! – звонкий крик позади. – Куда?

Слишком далеко, уже не повернуть назад. Я споткнулась, кажется, о собственный подол, упала, закувыркалась, скатившись в какую-то яму или овраг. Мелькнула перед глазами пустыня с растресканной холодной землёй и облаками колючей пыли, что носились над ней – и я потеряла сознание.

Очнувшись от того, что в голову мне будто кол воткнули. Помотала ей, пытаясь наконец собрать себя воедино из кучи острых осколков. Не любит меня этот мир. Здесь за несколько дней я потеряла сознание больше раз, чем за всю жизнь в своём. Ровно на два раза больше, если посчитать тот случай в Анином салоне.

Опёрлась на локоть – и наконец разлепила тяжёлые веки, уже начиная осознавать, что лежу не в том овраге, куда скатилась, запутавшись в собственном двухслойном платье, а в постели, от которой исходил едва ощутимый запах лаванды. Это определённо была лаванда, хоть вероятность того, что здесь она тоже растёт, была невелика.

Обретя наконец равновесие на мягкой перине, я обхватила гудящую голову ладонями, бездумно рассматривая мелкие вышитые цветочки на одеяле, что укрывало мои колени. Нет, меня не слопала очередная непонятная тварь – это радовало. Но чувствовала я себя так, будто меня просто не доели.

– Мейси, как вы? – голос Лауры, который внезапно раздался у меня над ухом, едва не заставил подпрыгнуть, а то и выругаться.

Причём на своём языке.

Служанка поднесла мне изящную чашку с тем самым волрейном, который я уже способна была узнать по запаху. Обжигая пальцы, я с благодарностью приняла её и отпила, едва не застонав от удовольствия. Тепло так и хлынуло по озябшему даже под одеялом телу.

– Я чувствую себя ровно так, как будто упала в яму со всего размаха.

Лаура покивала сочувственно, наблюдая за мной.

– Я схожу с мениэру ван Бергу младшему. Он просил сообщить, как только вы очнётесь.

Едва удалось подавить первый порыв вскинуть руку с выкриком «нет-нет!». Меньше всего хотелось сейчас видеть перед собой это гранитное изваяние, которое давило из меня все соки одним только взглядом. Но это, похоже, не обсуждалось. Прояснить ситуацию Лаура не стала и быстро вышла из комнаты. Неведомо зачем я подскочила и помчалась к высокому психу в строгой, как гроб, раме. Схватила гребень, который лежал на столике рядом, и быстро провела им несколько раз по волосам, не расчесав толком, но хотя бы пригладив. Конечно, цвету синяков под моими глазами позавидовал бы сам Тихий океан, но мне элементарно было нечем даже припудриться. Представать в совсем уж плачевном виде перед Хилбертом не хотелось – достаточно мне было его презрения, чтобы к нему прибавилась ещё и жалость. Если он вообще способен меня пожалеть.

Быстро я вернулась к постели, захватив по дороге и нацепив тёмно-синий халат из тонкой шерсти. Всё тело так и бил озноб: то ли от пережитого потрясения то ли от того, что в комнате было всё же прохладно. И едва успела запрыгнуть на кровать, как отворилась дверь, и йонкер вошёл быстрым шагом, держа руки за спиной. Выглядел он гораздо лучше, чем после того странного приступа, что скрутил его посреди дороги. Но за пронзительным взглядом, которым он тут же меня одарил, терялось всё остальное.

– Почему вы сбежали? – обрушился на меня вопрос вместо приветствия и выражения хоть малейшей радости за то, что я пришла в себя.

Я вжалась спиной в подушки.

– Добрый день, мениэр, – проговорила холодно, не зная, какое сейчас вообще время суток. Может, утро или уже вечер? Небо снова было пасмурным, а потому не давало определённых ответов на этот счёт.

Тот остановился рядом с моей постелью – и до меня донёсся запах каких-то резких благовоний, которыми была пропитана то ли его одежда, то ли кожа. Или это был запах лекарств? Да, скорее, их.

– День нынче вовсе не добрый, – быстро пресёк он моё желание ехидничать. – Вы, конечно, ещё не знаете, но отец был тяжело ранен в той схватке с неизвестными никому из нас людьми. Ранен по вашей вине. Когда он заметил, что вы улепётываете, отвлёкся. И пропустил удар.

Я невольно вскинула ладонь к губам. Не то чтобы мне было действительно страшно за Маттейса – тут не сразу-то и осознаешь – но такого я никак не ожидала.

– Мне очень жаль, – пробормотала я, не зная, что ещё можно сказать.

– Не врите, вам не жаль, – фыркнул Хилберт. – Ни для кого из нас не секрет, что вы терпеть его не можете с того самого дня, как он появился в доме вашей матери. И вы тут же решили от него избавиться. Довольно хитрым и жестоким способом. Который, правда, вышел вам и вашей сестре боком. Но такой смекалки и расчётливости от семнадцатилетней девицы точно никто не мог ожидать. Так что не надо смотреть на меня такими влажными глазами и лепетать, что вам жаль. Вы – последняя стерва. И хотя бы передо мной можете не притворяться.

А вот тут и правда захотелось заплакать, хоть в жизни я плачу не так уж и часто. Мне не было обидно от этих слов. Скорее меня разрывало жгучее непонимание того, откуда взялась вся эта ненависть, что портила сейчас мужественное и – да что уж там – красивое лицо Хилберта. Наверное, ни одна женщина не хотела бы, чтобы такой мужчина смотрел на нее так, едва сдерживаясь, чтобы не кинуться и не придушить на месте.

– Зря вы считаете... – решила я было хоть немного оправдаться, хоть и понимала, наверное, что не смогу.

– Ваш побег даёт мне повод считать, то к нападению на карету вы имеете самое непосредственное отношение. На том клинке, которым ранили отца, был яд. Из корня биттеры.

Он убивает быстро. Достаточно одной царапины. Только способности Стража-Льва, которые в отце очень сильны, позволили ему выжить до сих пор.

– Я... Я не знаю ничего про яд. И нападение. Я сбежала не по своей воле. Меня что-то звало... Я не могла сопротивляться.

Хилберт, кажется, наконец, меня услышал. Его глаза сузились, прошибая подозрительностью до самой теменной кости.

– Слышали зов? – он подошёл ближе.

Я даже приподнялась на постели, радуясь его заинтересованности. Йонкер явно понимал, о чём я говорю, но тревога в его голосе давала повод предположить, что дела мои плохи.

– Я слышала. Будто голоса, – рассуждать о таком разумно было чертовски сложно. – Или чувствовала чью-то волю. Я не поняла. Это было так страшно...

Хилберт покачал головой, болезненно кривясь.

– Этого не может быть. Ключи Воли не слышат зов Пустоши. Только изгнанные Стражи. Или те, кто должен быть изгнан.

– Но я слышала!

– Думается, вы просто лжёте. Чтобы обелить себя.

Вот сейчас мне стало действительно страшно. Хилберт не сказал напрямую, но он фактически обвинил меня в покушении на отца. Мой растерянный вид, похоже, ни в чём не мог его убедить. Он шагнул к постели и сгрёб меня за плечи, приподнимая, поддёргивая к себе. Его лицо оказалось так близко от моего, что я видела даже поры на его коже. И его гневное дыхание окутывало меня так ощутимо, будто с ног до головы.

– Я не знаю, о чём вы говорите, мениэр, – постаралась я сказать как можно твёрже.

– Знаете или нет, всё выяснится скоро, – прошипел он так проникновенно, что я вся мигом покрылась гусиной кожей и начала стремительно слабеть. – А пока отец приказал наказать вас за трусливый побег. И послушание. Ведь он велел вам оставаться в карете. А в итоге пришлось искать вас по оврагам.

– За что наказание? Я ничего не сделала! – меня вмиг отрезвило негодование, что прокатилось ледяной волной в груди.

– Лучше молчите. Иначе будет только хуже.

Хилберт швырнул меня обратно на постель с такой силой, что я на миг почувствовала толстые доски ложа под периной, когда грохнулась в её недра. Он повернулся и пошёл прочь, раздражённо дёргая тесьму на ворота рубашки, который, наверное, хотел ослабить. Дверь с оглушительным грохотом закрылась за ним – и я закрыла глаза, удерживая слёзы.

Глава 5

Похоже, Маттейс твёрдо решил меня наказать. Хотя, признаться, я и надеялась, что он передумает, когда схлынет с него первая волна гнева и придёт понимание, что я не виновата. Но ничего подобного так и не случилось. Мне дали времени только до конца дня – прийти в себя – а потом в комнату заявила ещё незнакомая служанка, которая представилась Абией – и передала веление Хилберта следовать за ней. До последнего ведь не верилось, что это случится. Но слушать меня пока никто не захотел. Я тоскливо глянула в окно – единственный путь немедленного побега. Так ведь расшибусь в лепёшку, когда буду падать.

– Я хочу поговорить с йонкером. Немедленно, – сказала как можно более твёрдо. Может даже, надеясь испугать девушку. – Это всё какой-то абсурд!

Я едва не добавила стандартное: мол, мы живём в двадцать первом веке, а это всё дикость – но, понятное дело, двадцать первым веком тут и не пахло.

– Мениэр ван Берг приказал... – начала было оправдываться служанка, видно, всё же испугавшись моего решительного тона. – Нельзя ослушаться. Ведь...

– Таковы правила. – В комнату, распахнув чуть приоткрытую дверь, вошёл Алдрик.

Внутри так всё и оборвалось. Раз и он тут – значит, и вовсе дело плохо. Своего подручного Хилберт, похоже, просто так не гонял.

– Какие ещё правила? – Я невольно говорила всё громче. – Где они прописаны?

Так и покажут они мне документ, конечно... Мениэр сдвинул брови.

– Деланная непонятливость ни от чего вас не убережёт. Страж имеет право назначать наказание той, кого выкупил. Он вообще на многое имеет право. Но подумайте, это для вас, возможно, будет и хорошо. Вас ждёт омовение соком шадрумы. Всего лишь. А в бреду наказанные порой начинают говорить правду. Если вы невиновны...

– Знаете что? Идите в... – Я замолчала, не зная, куда здесь можно кого-то послать. Да и выражаться благородной девице явно не к лицу. – Я и так ни в чём не виновата! Я не рабыня!

– Не рабыня, верно. Но близко к тому, если вы ещё не поняли. Ваше мнение здесь мало кого волнует. Особенно в таких обстоятельствах.

Алдрик на миг выглянул наружу и махнул кому-то рукой. Через миг внутрь вошли два стражника в плотных кожаных нагрудниках. Пригляделась – броня поблескивала крупной чешуёй, будто её сделали из какого-то земноводного. А вслед за ними в комнату вдруг протолкнулась Дине. И лицо моего вечного стража вдруг поменялось: слетела с него вся непоколебимая суровость, уступив место виноватой строгости. Он зашарил взглядом по фигуре йонкери – жадно, будто насытиться захотел впрок. Я невольно дёрнула бровью, наблюдая за ним. Интересно... Похоже, юная сестра Хилберта вызывала в этом грозном мужчине вовсе не двусмысленные чувства. Как бы это не оказалось для меня полезным...

– Что здесь происходит, Алдрик? – Дине окинула всех взглядом и повернулась к нему. – Что за шум? Почему стража?

Впрочем, мениэр быстро пришёл в себя.

– Мейси дер Энтин не желает исполнять приказ мениэра ван Берга-старшего. И отказывается пройти через назначенное наказание.

Девушка сжала кулачки, на которых, как и всегда, можно было разглядеть хотя бы одно пятнышко от краски.

– Отец не в себе от боли. Он не понимает...

– Он понимает, – оборвал её Алдрик, сводя густые брови. – И он желает знать, что наказание было исполнено. И что правда о причастности или непричастности мейси дер Энтин к тому нападению открылась.

– Алдрик, – ласково произнесла Дине. Вдруг шагнула к нему и обхватила его широченные запястья пальцами. – Поговорите с отцом ещё раз. Поговорите с Хилбертом... Мейси была под воздействием зова, когда убегала. Это всё какая-то чушь! Даже Ренске ван Стин подтвердит.

Вот! Я была с ней совершенно согласна. Во всём, кроме того, что сестра антреманна пожелает за меня заступиться. Я даже руки у груди невольно сомкнула, ожидая, что этот каменный страж сдастся под напором хрупкой и маленькой рядом с ним Дине. И мужчина дрогнул. Можно было поклясться, что он поплыл от её умоляющего взгляда, как шарик мороженого. Он повернул ладони и взял руки девушки в свои. Сжал бережно – но отпустил, делая шаг назад.

– Маттейс приказал, – всё, что ещё сорвалось с его губ.

Стражники шагнули ко мне, осторожно отодвинув Дине в сторону, будто фарфоровую статуэтку. Она вперилась в меня расширенными от ужаса глазами и отмахнулась, когда Алдрик склонился к её плечу, что-то тихо говоря. По лицу мужчины пронеслась гримаса мучения. Я отшатнулась, как стражники приблизились. Выставила перед собой руку.

– Не трогайте! – выдохнула. – Сама пойду. Только дайте поговорить с мениэром ван Бергом. Если это возможно.

И подбородок вскинула, не находя больше никаких слов. Похоже, против всех этих правил даже лом не поможет. Особенно, если знаешь их не слишком хорошо. Алдрик вздохнул протяжно. Коротко посмотрел на Дине, которая всем своим видом сейчас демонстрировала обиду, и махнул рукой.

– Хорошо. Думаю, мениэр ван Берг-старший захочет с вами увидеться.

Он качнул головой в сторону двери и вышел сам, не дожидаясь, пока я, ошалевшая от такой неслыханной милости, поспею за ним. Признаться, боязно было встречаться с Маттейсом. Боязно было увидеть его ослабевшим, может даже немощным. Всё ж не железная – даже того, кто обращался со мной всё это время не очень-то ласково, будет жаль. А такие, как он, не терпят жалости. Как бы не обозлился от этого сильней.

Алдрик провёл меня в другую часть замка, по пути приветствуя кивками всех Стражей, что нам встречались. Те посматривали на меня с интересом, кто-то с осуждением, но без явной злобы. Будто они и сами не верили в то, что я могла подстроить нападение на карету. Скоро мужчина остановился у тёмной массивной двери – единственной на всю обширную полукруглую площадку, куда нас вывела крутая винтовая лестница. А покои у Главы Стражей, похоже, немаленькие... Впрочем, они, наверняка, соответствуют величине его эго.

– Подождите здесь, – Алдрик остановил меня взмахом руки и скрылся в комнате.

Как я ни прислушивалась, а ничего разобрать не могла: только смутный гул низких голосов. Но мениэр вернулся быстро и отошёл в сторону, позволяя войти внутрь.

В громадных – как и предполагалось – покоях йонкера пахло снадобьями. Не химическими таблетками и микстурами, как в моём мире, а чем-то, как сказали бы там – натуральным. Но от того этот запах не становился менее страшным. Он говорил о страданиях и мало – о надежде. Густой, почти душный.

Первым меня встретил вопросительный взгляд мениэра Геролфа Видбри. Будто он не понимал, чем я могу помочь Маттейсу, если даже он не мог. Лекарь, который легко залечил мою рану, не имел таких сил, чтобы на сей раз мигом спасти йонкера.

Я кивнула ему и прошла дальше, едва продираясь сквозь плотный воздух комнаты.

– Не думал, что вы придёте, – голос Маттейса вовсе не выдавал слабости. Разве что был чуть более хриплым.

Мужчина лежал на широкой постели и смотрел на меня через полумрак покоев, пока я шла к нему. Спокойно смотрел, без злобы и укора во взгляде. Будто на самом деле всё же предполагал, что невеста поневоле наведается к нему.

– Как вы, мениэр? – решила я начать всё же с элементарной вежливости.

Если стану скандалить с порога и кидаться с упрёками, разве этим не подтвердится не слишком добрая репутация Паулине? Да и вряд ли хамство что-то изменит. Только хуже сделает.

Я остановилась у постели Маттейса и огляделась в поисках кресла или стула, куда можно было присесть. Отчего-то мне хотелось цивилизованного разговора, а не метания грязи в оппонента. И показалось вдруг, что йонкер разделяет моё желание. Он оставался спокойным и внимательно наблюдал за мной, пока я усаживалась в предупредительно подвинутое ко мне Геролфом кресло. После лекарь кивнул Маттейсу и вышел.

– Вы поменялись, Паулине, – проговорил тот, когда я вновь повернулась к нему. – Не могу понять, как. Но что-то в вас изменилось. С тех пор, как вы приехали в Волнпик, видел каждый день что-то новое в вас.

– И что же вы думаете на этот счёт, мениэр? – я усмехнулась уголком рта.

– Это меня озадачивает, – он вздохнул глубоко, будто перевёл дух. – И настораживает.

Наверное, говорить ему было трудно. И тут только, приглядевшись, я увидела, как расползается нехорошая синева по его шее над расстёгнутым воротом рубахи. Видно, это и есть следы яда, который растекался по его крови. Стало не по себе.

– И вы верите, что я могла быть виновницей нападения на карету? Виновницей вашего ранения? – Странно, но как я ни опасалась встречи с Маттейсом, а сейчас говорила ровно и уверенно.

Наверное, потому что не чувствовала обычной враждебности от йонкера. Только любопытство и лёгкое раздражение: а уж отчего – большой вопрос.

– От вас можно ожидать чего угодно. Вы знаете, о чём я говорю...

– А если не знаю?

Маттейс вздёрнул брови.

– Будете играть в святую невинность? Хорошо. – Он сдержанно улыбнулся, и по его губам разлилась синеватая бледность. – Все эти годы я то и дело задавался вопросом: чем я тогда вам не угодил? Откуда в вас возникло такое непреодолимое желание непременно избавиться от меня? – Он смолк, глядя на меня выжидательно. Мне, ясное дело, нечего было на это ответить. Тогда он продолжил: – Я любил вашу мать. Всю жизнь любил. Но не мог жениться на ней. Потому что должен был взять в жёны девушку-Ключ. Обязанность Стража – в те времена. Так было нужно. Но и судьба сложилась так, что с Катрин мы стали вдовыми оба. Мне хотелось хоть часть жизни провести с ней. Да только дочка у неё оказалась с подвохом, – йонкер покачал головой. – Почему изнасилование? Почему не убийство? Воровство? Вы хотели унижить меня сильнее? Вы не только довели меня ссылки в Волнпик. Вы довели свой род до разорения. Мать до самоубийства. И сестру до безумия. Вы довольны? Сейчас вы довольны?

Его голос всё же стал чуть громче. А я застыла от потрясения, шаря взглядом по его бледному, блестящему от испарины лицу. Можно было легко догадаться, каким красавцем он был в молодости, какая сила хранилась в нём – до сих пор. А теперь он угасал. Я почти чувствовала, как жизнь утекает из него. И может быть, если бы не воля Паулине, всего этого не случилось бы теперь.

– Что ни случилось раньше... Я не имею к нападению на нас никакого отношения, – только и сказала. – И то наказание... Вы не можете наказать меня, не разобравшись. Не узнав правды!

– Я узнаю правду. Может быть, узнаю, потому что уверенным быть не могу. И зря вы считаете это наказанием. Вернее, кто-то может посчитать. Скорее это испытание, – Маттейс слегка прищурился. – Через него проходят все Стражи. Столкновение со своими страхами. Оценка воспоминаний и прошлого. А может быть, и признание своих ошибок. Вам нужно это. Если невиновны, это оградит вас от излишних дознаний антреманна.

– Но я не Страж.

– Вы лучше, – йонкер вдруг коротко рассмеялся. – И вы вернёте силу в род ван Бергов. Если не угодите в очередную передрагу. Похлеще той, что уже случилась.

– Как я её верну?

Разговор с Маттейсом затягивал всё сильнее. Хотелось слушать его голос, уверенный и ровный. Узнавать именно из его уст о том, что мучило меня все эти дни. Казалось, ещё немного, и он сам поймёт. Он уже понимал что-то. Его пытливый взгляд не сходил с моего лица, улавливал всё. Каждую эмоцию.

– Вы станете женой старшего из рода, разумеется. И откроете самые важные способности Стража – управление порождениями Пустоши. И тогда Глава Ордена передаст свою силу другим Стражам. Как бывало раньше. Разве я вам этого не говорил? – Йонкер откинулся на подушку сильнее. Похоже, разговор утомил его. Слова стали отрывистей, дыхание чаще. – Вам, похоже... Нравится. Раз за разом осознавать свою значимость. Маленькая коварная дрянь.

Маттейс смолк, а я вскочила с места, заметив, как напряглись мышцы его шеи. Как стиснули пальцы одеяло. Надо звать лекаря. Но я не могла не сказать ещё что-то, что рвалось из горла, будто крик во сне. Невыносимо и беззвучно.

– Я не Паулине дер Энтин, – я всё же склонилась к нему, пытаюсь достучаться. – Я только оказалась в её теле...

Взгляд Маттейса вновь переметнулся на моё лицо, непонимающий, гаснущий. А в следующий миг я просто побежала к двери – выскочила наружу и тут же попала в руки Алдрика. Лекарь тоже ещё был тут: они о чём-то разговаривали, пока не появилась я. Геролф тут же метнулся обратно в покои йонкера.

– Снова от вас одни беды, – проворчал Алдрик, уводя меня прочь.

– А то вы много знаете обо мне. Хоть вы меня не трогайте. Вам я ничем не насолила, – не хотелось молчать и выслушивать очередные обвинения.

Достали. Натурально достали меня эти альфа-самцы. Мужчина покосился на меня удивлённо.

– Думается, мениэр ван Берг не передумал насчёт своего приказа.

Я помотала головой. Но теперь мне казались справедливыми слова йонкера. Может, если я скажу правду под действием сока этой шадрумы, от меня наконец отстанут? Хотя бы в покушении на Маттейса перестанут обвинять.

– Я сделаю так, как сказал мениэр ван Берг, – нарушила я тяжкое молчание, пока мы с Алдриком возвращались к моим покоям. – И надеюсь, вы меня не угробите.

Алдрик неопределённо пожал плечами, явно желая сыграть на моих нервах. Но тут же кивнул серьёзно.

– Гробить вас себе дороже.

Служанка Абия вместе с взволнованной Лаурой ждали нашего возвращения.

– Вам лучше прибрать волосы, – бесцветно посоветовал Алдрик.

Лаура тут же подскочила и бросилась ко мне. Она заколола тяжёлые локоны и собрала их в сетку, чтобы точно не падали на спину. Всё это время она с опаской косилась на Алдрика, который так и стоял у двери в ожидании.

– Может, лучше я пойду с вами, мейси? – тихо проговорила служанка, склонившись ко мне.

– Не стоит, – громко ответил за меня Алдрик. – Мейси Абия справится лучше.

– Что же, она знает, как проходит это наказание? Вы часто его практикуете? – не удержалась я от язвительности, медленно ощупывая собранные волосы и не торопясь идти куда-то за Алдриком.

Наверное, мне просто хотелось оттянуть этот миг.

– Нет, – Страж усмехнулся. – Просто она училась у мениэра Видбри. И сумеет в случае чего вам помочь.

Да это же прямо облегчает мне участь! Я покачала головой, отворачиваясь. Ещё миг промедления...

Лаура сникла немного, но вида постаралась не подать. Только взгляд её, направленный на Абию, стал тяжелее и подозрительнее. Я как будто кожей чувствовала её тревогу, да и сама беспокоилась. Но идти надо. Сама ведь так решила. Абия кивнула мне ободряюще, стоило только к ней повернуться. Алдрик пропустил нас с девушкой вперёд. Служанка пошла первой, а я потащила следом. А Лаура так и осталась стоять у двери, провожая нас взглядом.

Даже по сторонам смотреть не хотелось, хоть мы шли теперь в ту часть замка, где бывать ещё не приходилось. Я только переставляла ноги, невольно прислушиваясь к дыханию Алдрика за спиной. Через бесконечное количество поворотов и спусков с башни мы вышли к узкому коридору, в конце которого темнела низковатая дверь, освещённая одним только факелом на стене. Шаг служанки стал быстрее – и пришлось приноровиться.

Она открыла тяжёлую толстую створку и пошла вниз по ещё одной лестнице – куда-то в неведомые недра Волнника.

Внизу было жарко. Чем ниже мы спускались с Алдриком и явно взволнованной Абией, тем плотнее становился воздух, тяжелее вливался в лёгкие. А может, это просто казалось – от страха. Я не знала, что меня ждёт, представить не могла, на что это будет похоже. Самое страшное наказание, которое со мной когда-либо случилось – это хороший удар по попе ремнём от отца, когда во втором классе после первого сентября я ушла с подружкой гулять, не сказав, куда. Мобильников тогда ещё не было и в помине, а потому родители сильно испугались. За это я и схлопотала по мягкому месту: таким злым отца больше никогда не видела. До тех самых пор, как он не ушёл от нас. Но глупо было даже надеяться, что экзекуция, которая мне грозила теперь, окажется чем-то сродни шлепка по задку. Это дикий мир, как джунгли, где какая-нибудь тварь так и норовит цапнуть тебя из-за куста. Жаль только, я не Маугли.

Как бы я себя ни приободряла, пока спускалась по крутой каменной лестнице в душные недра Волнника, а всё равно тряслась от подступающего ужаса сильнее. До того, что Алдрик, который шёл позади, это заметил.

– Возьмите себя в руки, мейси, – посоветовал строго. – Чем больше вы боитесь, тем больше увидите. Ваши страхи обнажатся и обрушатся на вас.

– А разве не в этом цель? Не за этим мениэр ван Берг отправил меня сюда? – я нервно хихикнула и тут же захотела хлопнуть себя ладонью по губам.

– Я только пытаюсь облегчить вам участь, – Страж развёл руками.

– Да ладно, – я хмыкнула, едва повернув к нему голову. – Это же не убьёт меня. Так ведь?

– Нет. Но бывало, люди сходили с ума, – серьёзно пояснил он. Меня будто когтями по спине продрало. – Редко, но бывало. Вообще это испытание не предназначено для женщин: они слишком восприимчивы. Да и Стражи проходят его всего один раз. Перед Посвящением. Но я уверен, вы справитесь. Так что дышите. Успокойтесь.

Да чтоб тебя! Лучше бы ты молчал. Так и захотелось накинуться на этого тугодума с нападками и упрёками. Разве ж можно такое говорить и считать при этом, что одного «успокойтесь» хватит, чтобы я и правда успокоилась? У мужчин в этом мире явная патологическая атрофия чувств.

– Я спокойна, – пришлось откровенно солгать.

Но странное дело – сердце и правда немного унялось – и по взмокшей спине побежал холодок, несмотря на ощутимую жару вокруг.

Наконец мы спустились в самый подвал. Или это можно было скорее назвать катакомбами. На миг я представила, как каменистый холм, где стоит Волнник, весь изрезан внутри ходами, будто муравейник. Наверное, так оно и было. И гадать только оставалось, что творилось здесь раньше, а то и продолжало твориться.

Впрочем, об этом мне пришлось догадаться достаточно скоро, когда я увидела открытые клетки с толстыми прутьями – вдалеке, скрытые теньями, которые только еле-еле разгонялись светом факела в руке Алдрика. Были тут и каменные камеры – и до того подмывало спросить, кто в них содержался, что аж в горле саднило. Но, наверное, я боялась услышать ответ.

– Раньше здесь много изучали тварей из Пустоши, – Алдрик будто угадал мои мысли. – И тех, кто нёс в себе часть их крови.

– Часть крови? – я прикинулась непонятливой, хотя, наверное, должна была что-то о том знать.

– Проклятие Стражей, – растерянно буркнул мениэр. – Разве вы не слышали?

– Я жила далеко от всего этого, – пришлось и дальше гнуть свою линию. – Могла что-то упустить.

В голове будто что-то прояснялось каждый раз, как к очередной крупице знаний о здешних порядках и особенностях добавлялась ещё одна. Любая из них могла приблизить меня к возвращению домой. И уже не так пугали меня эти мрачные, раскалённые застенки: всё внимание сосредоточилось на том, что ещё расскажет Алдрик. Напряглась и служанка, что шла передо мной. Прислушалась: наверное, чтобы после обсудить с другими женщинами, если узнает что-то любопытное.

– Вы же видели знак Стражей. Три сущности. Каждый Страж носит в себе одну. Облик. Но это не позволяет ему обращаться, только даёт определённые силы. Львы достигают высших рангов и самого большого могущества. Могут принимать самые редкие Ключи и открывать самые мощные силы, а ещё питать ими других. Буйволы – становятся хорошими сильными солдатами. А Драконы – учёными, алхимиками и лекарями. Вы должны это знать.

– Никогда не откажусь послушать ещё раз, – загадочно ответила я, хоть и не знала ни черта.

И уже почувствовала знакомую ломоту в висках от прилива новых познаний и напряжения в мозгу от осознания их. Да тут и без всяких зелий свихнуться можно. Но надо слушать и мотать на ус – кто знает, где может пригодиться. По крайней мере, роль Ключей мне открывалась всё яснее.

– Что же с проклятием? – напомнила, когда молчание начало затягиваться, будто Алдрик вдруг забыл, зачем затеял этот рассказ.

– Право, странно, что вы не знаете. – Резко захотелось стукнуть его по голове. – Редко бывает, но случается, что Страж носит в себе все три сущности. Тогда это не дар силы, а проклятие. Потому что они давят на разум и тело сильнее. Пытаются взять верх и подчинить. Сливаются вместе в страшные и причудливые формы. Такие Стражи рискуют поддаться и со временем обратиться в химеру, подобную той, которая гналась за вами в лесу.

Вот оно что. Тогда не удивительно, что их здесь изучали. Наверное, чтобы узнать, как с этим бороться. А может... Кто знает, какие знания хотел приобрести тот, кто брался за такое дело.

– Сейчас здесь пусто, – пришлось констатировать факт.

– Потому что почти всех обнаруженных Проклятых теперь выгоняют в Пустошь. Самых опасных казнят. Многие скрываются. С их поглощающим даром так и не сумели сладить. Теперь они Изгнанные.

– Да, я слышала, – видно, об этом мне и говорил Хилберт. О тех, кто слышит зов Пустоши. Кто поддается ему.

– Все слышали. И каждый родитель молится Хельду Светлому, чтобы их ребёнок, если и родится Стражем, то с одним Обликом. Иначе его ждёт страшная жизнь. И довольно короткая. Потому как ни один Ключ, какой может попасться на пути, не может избавить от этого груза. Кроме таких, как вы. Но они очень редки. Очень. И чем дальше, тем их рождается всё меньше.

– Матушка говорила мне, – снова подыграла я, чтобы не выглядеть уж совсем подозрительно.

– Конечно, – как-то не слишком уверенно поддакнул Алдрик.

Я невольно обернулась: взгляд мужчины задумчиво шарил по моему лицу. На одной щеке его дёргалась жилка – я уже замечала за ним эту особенность в карете, когда наблюдала незаметно. Так он делал, когда о чём-то крепко задумывался. Похоже, моё сиденье начинало помалу полыхать. Потому что, если подручный Хилберта заметит мою растерянность и незнание обычных вещей, он сразу тому доложит.

А вот хорошо это или плохо, остаётся только гадать. Может, и зря я проболталась Маттейсу...

Совершенно невозмутимая на протяжении всего пути служанка остановилась у одной из комнат и открыла дверь, пропуская меня внутрь. Там оказалось не так страшно, как я себе представляла. Обычная каморка, словно для прислуги. Правда, по стенам на полках стояли бутылочки с каким-то содержимым разных оттенков и консистенции. Вытянутые и круглые, глиняные и стеклянные. В каких-то жидкости едва заметно светились. Да только не время было тому поражаться – потому что мой взгляд зацепился за глубокую деревянную ванну, до половины наполненную вовсе не водой с маслами – это и дурак поймёт. Сомнительного вида жидкость имела чуть зеленоватый оттенок, а запах от неё шёл такой, что хотелось зажмуриться и попроситься к маме. В общем, ничего хорошего он не сулил, этот запах.

– Раздевайтесь, – не дав времени толком осмотреться, бросил Алдрик. – И ложитесь в ванну. Абия вам поможет. И приглядит за вами.

Но внутри будто что-то перевернулось. Теперь я абсолютно не понимала, как вообще оказалась здесь. Зачем пришла, согласилась на это безумие – в прямом и переносном смысле.

– Я в неё не лягу, – в мозгу будто замигал красным отдел, отвечающий за инстинкт самосохранения. – Скажите Хилберту. Или Маттейсу, что я отказываюсь. Должен быть другой путь!

Служанка отшатнулась от меня, сделав было шаг навстречу. Я отмахнулась от нее, почти оттолкнула от себя, и девица уставилась на меня с непониманием и опаской. С ними точно сделаешься буйнопомешанной.

– Что за выкрутасы, мейси? – в голосе Алдрика сверкнула раздражение, будто комар, которого он только что прихлопнул, вдруг ожил и снова запищал над ухом.

– Если это испытание даже Страхам назначают всего один раз в жизни, – вдруг вспомнила я все его слова. – Разве я вынесу?! Вы точно издеваетесь!

Отвратная вонь сока этой проклятой шадрумы просто с ума сводила. Я будто снова услышала тот смутный нарастающий гомон издали, который однажды заставил опрометью броситься прочь из кареты. Откуда-то из-за стен Волнника. Но сильные, словно стальные, руки вцепились мне в плечи. Встряхнули – и жутковатое наваждение тут же прошло. Я моргнула, глядя в почему-то испуганное лицо Стража. Как будто такой истерики он от меня вовсе не ожидал. А может, почувствовал что-то?

– Вы успокоились? – поинтересовался он на удивление мягко и участливо. Я кивнула. – Тогда покончим с этим скорей. Ложитесь. Я не буду смотреть.

«Ещё бы ты смотрел», – фыркнула я мысленно.

Алдрик, отпустив меня, демонстративно отвернулся и сел за стол, что стоял у дальней стены. Провёл пальцем над пламенем горящей на нём свечи, едва задевая самую верхушку. Да он так спокоен, будто на ужин пришёл. А мне-то что делать? Служанка некоторое время смотрела на меня вопросительно, а после начала распускать шнуровку на одном боку моего платья. Я оттолкнула её руки и разделась сама.

– Можно остаться в сорочке? – спросила громко, не поворачиваясь к Алдрику.

– Нет.

Я стянула и рубашку, содрогаясь не то от страха, не то от того, что тело предвкушало уже погружение в скорей всего холодную жидкость. Абия поддержала меня под локоть и подвела к ванне. Я шагнула – и брови сами вскинулись – эта непонятная жижа оказалась приятно тёплой. Но в то же время мерзко тягучей и липкой.

– Можно поскорей? – устало вздохнул Страж.

Плеснуть бы на него этой дрянью – пусть бы поплевался. Я села, а служанка слегка подтолкнула меня в плечо, чтобы погрузилась до самой шеи. Пришлось откинуться на стенку ванной. И сразу Алдрик повернулся ко мне. Не знаю, что случилось, но меня как будто назад швырнуло. Словно взгляд Стража стиснул меня твёрдыми ржавыми тисками. Саму голову – до хруста в висках.

Но это ощущение прошло, а его заменило другое – страшного жжения по всему телу. Оно нарастало и нарастало – от того, какое даёт крапива, до того, что можно было бы сравнить с одним огромным ожогом. Но я не кричала, не металась по ванной от жуткой боли – неведомым образом взгляд Алдрика просто не давал мне пошевелиться, пусть и хотелось сделать хоть что-то. Хоть немного сбросить эти невыносимые ощущения: как слизь проникает в каждую пору и выедаёт что-то внутри.

А после всё погасло. Пару мгновений я просто дышала, слыша на удивление чётко, как воздух шумит в лёгких. В каждом пузырьке альвеол. Вдох-выдох. Будто шуршание по песку неподъёмными ногами. Проносились перед внутренним, затуманенным смутными мучением взором обрывки чужой жизни – здесь. В этом мире.

Солнечный сад, то ли с сиренью вдоль дорожек, то ли другими кустами, что пахли так похоже. Светлое платье женщины, что идёт впереди, колышется при каждом шаге. И ветер трогает концы лёгкой шали на её плечах. Рядом с ней Маттейс ван Берг. Моложе на несколько лет, чем теперь. А в моей душе – только туман неприязни и ревности... Да, ревности – больше всего. Обиды – может быть. Едкий туман, отравляющий. Нарастает и нарастает, распирает всё внутри злобой и желанием вернуть всё, как было. Чтобы не было его, а был отец.

Знакомое чувство: чтобы отец был – не где-то далеко, а здесь. Или хотя бы жив...

Мои или чужие тревоги – уже неважно. Сплелись, перемешались. И глаза Маттейса, такие светлые, серебряные, смотрят приветливо, когда он оборачивается через плечо.

– Твоей старшей дочери будет самый лучший Страж, Катрин. Тот, кого сама выберет. Но самый лучший.

– Хилберт? – смеётся женщина. Приятно так. Тепло. Она счастлива, кажется. – Хилберт лучший. После тебя, конечно, Тейс.

Он пожимает её руку, качая головой с притворным укором. И солнце переливается на его пепельных волосах, делая почти золотыми. Меня передёргивает – и выбрасывает в другое воспоминание.

Через просветы между ветвей сада видно дорогу к дому, невысокому особняку из серого камня с зелёными ставнями на окнах и ползущим по стенам плющом. Солнце играет в мутноватых стёклах бликами. Бегают россыпью ярких пятен по гравийной дорожке от самых ворот до крыльца. И по ней несётся всадник, лёгкий, быстрый. Останавливается резко почти у самых ступеней и, спешившись, бросает повод подоспевшему слуге. Я наблюдаю за ним, затаив дыхание, слегка раздвигая ветви. Он бросает в мою сторону короткий рассеянный взгляд – его глаза такие же, как у его отца. Смотрят чаще всего мимо или задумчиво, потому и не поймёшь, что сейчас у него в голове. Самый перспективный Страж Ордена. Да не удивительно – ведь сын самого Маттейса ван Берга.

Я прячусь, пригнув голову, и рысцой бегу в дом через боковой вход, когда Хилберт скрывается за дверью. Знаю, куда он пойдёт: Маттейс уже дожидается его в кабинете, который раньше принадлежал отцу. Он планирует важный разговор. Держась на расстоянии, следуя за

мужчиной и успеваю поймать дверь, прежде чем та захлопывается за ним – остаётся маленькая щель.

– Зачем нужно было выдёргивать меня из гарнизона? – после приветствия ворчит Хилберт.

– В этом гарнизоне ты скоро забудешь, как выглядят нормальные женщины, – подначивает его отец. – А уже не мальчик-цветочек.

– Ты опять? – сын едва не стонет.

А многие девицы Шадоурика уже давно рыдают по ночам в свои подушки, потому как один из самых завидных женихов антрекена предпочитает службу погоне за невестами.

– Паулине, – старший ван Берг на миг задумывается. – У неё все задатки сильного Ключа. Жаль, пока неизвестно, какого именно. Её нельзя упускать... Да и смотрит на тебя сам видел, как. Думаю...

Хилберт усмехается, холодно, отстранённо, прерывая рассуждения отца.

– Эта вздорная девица выпьет мне всю кровь.

В груди подпрыгивает сердце. Я жду ещё хоть слово от него, которое дало бы понять, что у него есть в душе ко мне. Или там пусто? Только необходимость иногда встречаться и перебрасываться парой слов?

– Зато она даст тебе гораздо больше, – голос Маттейса становится твёрже.

– Ты хочешь, чтобы я жил так же, как ты? – размеренные шаги пересекают кабинет и стихают где-то в стороне окна. – В постели одна, в голове – другая?

– У тебя нет другой, – легко парирует старший. – Если ты, конечно, не имеешь в виду одну из тех местных потаскух, что иногда валяются к тебе в койку. В надежде на огромную любовь, разумеется.

– Ещё неизвестно, какой из неё Ключ. Вот исполнится восемнадцать. Прольет кровь на Око Хельда в храме – и посмотрим, – невозмутимо отпирается Хилберт.

А у меня внутри всё падает и падает куда-то, оборвавшись от разочарования. Ему плевать на меня. Плевать. Он не видит меня – единственный среди всех, кто готов заплатить любые деньги Саллийской короне, чтобы забрать мою невинность. Даже не способности Ключа, которые пока не открылись, а просто право сделать своей женой. Потому как мало попросить руки у родителей, надо показать всем, что ты можешь содержать девушку непростых, древних кровей. И достоин отомкнуть свои силы Ключом с большой силой Знака.

А Хилберт ничего этого не хочет.

Задумавшись, я перестаю слышать продолжение разговора и вздрагиваю, когда доносятся до слуха приближающиеся шаги. Отшатываюсь от двери и бегу прочь, прежде чем она распадается. За поворотом наталкиваюсь на сестру.

Она вновь вернулась сегодня под утро. Умоляла не говорить матери, что пропадала всю ночь вместе со своим Лукасом – Стражем из гарнизона, что расположен под Шадоуриком. Он красавец, конечно – но я не доверяю ему. А Эдит души в нём не чаёт. И даже отдала самое ценное ему, что выйдет ей боком, если тот не пожелает на ней жениться. Или не найдёт денег.

И вмиг мои самые страшные опасения подтверждаются. Глаза сестры припухшие от слёз, и видно: по дрожащими губам и бледному лицу, по тому, как стискивает она мои плечи ледяными пальцами – что она на грани постыдной истерики.

– Он бросил тебя, да? – невольно в голосе прорезается укор.

Дура. Сама виновата!

– Он дезертировал ночью. Из гарнизона сбежали несколько Стражей... и он....

Рыдания выплёскиваются из груди Эдит, и приходится быстро вести её в комнату. Пока не услышали мужчины.

От громкого стука двери я вздрагиваю всем телом, пытаюсь вырваться из этой отвратительной жижи обиды и ненависти. Барахтаюсь, как мошка в капле воды.

- Я люблю тебя, Паулине, – слышу проникновенный шёпот. – Я заберу тебя у Маттейса.
- Не тебе с ним тягаться, Тейн. Он уже заявил права.
- Ещё посмотрим...

Жжение становится невыносимее. Я пытаюсь сбросить его, как колючий свитер, но не выходит. Силы утекают куда-то. В голове размеренно тикает, будто готовая взорваться тонной тротила бомба. Как остановить этот кошмар?!

Домой... как же хочется домой.

И неведомая мне шадрума проявляет милость, вызывая из глубин мозга картины привычного мира. Но это не воспоминания. Что-то другое.

– Откуда ты здесь? – это мой голос, почему-то полный возмущения и страха. – Тебя не должно здесь быть!

Меня толкают обратно в глубину вязкого, тошнотворно тёплого бреда. Прогоняют. Я задыхаюсь, но выплываю. И перед глазами вертятся лица родных людей. То гаснут, то становятся ярче. Картинка проявляется, как на фотоснимке, всё чётче.

Вижу маму, которая как будто говорит с кем-то по телефону, улыбаясь – наверное, со мной. Или уже нет? После из зеленоватой мути возникает наша с женихом квартира. Антон сидит за ноутбуком, что-то сосредоточенно читая с экрана. Я вижу его как будто со стороны: на этом месте зеркальная дверца шкафа – наверное, из-за неё. Разглядываю жениха, такого знакомого до каждой мелочи и не могу понять, что чувствую. Соскучилась? Рада? К нему подходит со спины девушка со светлыми, чуть встрёпанными волосами до плеч. Ставит на стол пустую чашку и обнимает его за шею, что-то спрашивая. Он разворачивается резко, вставая – сгребает её в нетерпеливые объятия. Разворачивает лицом ко мне – меня прежнюю. Так он не обнимал меня, наверное, уже пару лет как. Задирается длинная футболка, что на мне надета – или только на моём теле, внутри которого уже другая? – обнажаются бёдра до самых ягодич. Она без белья. Видно, недавно только выбралась из постели. И с кем провела ночь, нетрудно догадаться.

Антон придавливает её к столешнице, ловит губы своими. Она лёгким жестом снимает с него очки и откладывает в сторону. Обнимает, раскинув колени, подпуская его ближе. Продолжая удерживать её одной рукой, жених резким движением стаскивает с бёдер домашние штаны и входит в неё быстрым толчком. Она откидывается на стол спиной, едва не опрокидывая дорогуший ноут. Выгибается. Я не слышу никаких звуков, но вижу по её приоткрытым губам, как срываются с них стоны при каждом его движении.

Прав был Алдрик: в этом бреду я видела свои страхи. Самые большие, что сидели занозами в душе с того мига, как она оказалась здесь, в чужом теле. Я боялась, что та, кто сбегала отсюда, украдёт мою жизнь. А может, уже украла? Сделав что-то, что я забывала делать. Исправив мои ошибки?

И сейчас закрыть бы глаза, чтобы не видеть, как мой жених имеет другую. Нет, меня, конечно – думает, что меня. Но я ведь всё понимала. Но, к счастью, всё начало расплываться. И тут я снова увидела себя. Только другую – ту, которой стала. Паулине стояла передо мной, одетая в то самое красное свадебное платье, от которого слепило глаза – до того ярким оно казалось в окружении бесцветной пыльной пустоши.

И со спины к ней приближались помалу те самые твари, похожие и на льва – гибким, покрытым короткой шерстью телами, и на дракона – тяжёлым хвостом и гребнем вдоль позвоночника. И на буйвола – рогатой головой, вытянутой мордой, наполненной, правда, острыми зубами. Они обступали её, не пытаясь напасть, не стараясь убить, а подчиняясь.

– Ты не вернёшься, – проговорила девушка. – Ты никогда не узнаешь путь. Забудь.

Я и хотела бы что-то ответить, но губы как будто слиплись. Из горла полился только хрип, от которого содрогалось что-то в голове. И лишь через несколько мгновений я поняла, что меня просто трясёт за плечи. Нещадно, пытаясь скорее привести в чувство.

Глава 6

– Мейси! – встревоженный голос прорвался сквозь глухие пробки тишины в ушах. – Она не приходит в себя! Так долго. Мениэр...

В тоне девушки слышатся подступающие слёзы и мольба. Как будто кто-то и правда может ей помочь. Кажется, она напугана. Её тревога касается меня острыми иголками, щекотно впивается в грудь, заставляя дышать чаще.

– Отойдите, – веский приказ оборвал тонкую ниточку чужой заботы, что коснулась меня. Горячие ладони обхватили лицо. – Вы хорошо её отмыли? Везде?

Даже в таком состоянии, когда я зависла в мутной неопределённости между бредом и явью, стало вдруг стыдно. Проверять будет?

– Конечно, мениэр, – снова испуг, чистый страх и повиновение.

– Паулине! – дыхание коснулось лба. – Вы меня слышите?

Я заворочалась вяло, пытаюсь вывернуться из крепких рук. Но чем дольше они держали меня, тем яснее становилось в голове. Я снова там, куда попала против воли. Обнимает душная сырость со всех сторон, будто вокруг – остывающая баня, в которую кто-то пустил сквозняк. Я затряслась крупной дрожью, одетая только в тонкую сорочку, которая неприятно раздражала слишком восприимчивую кожу.

– Принесу ещё одеяло, – растерянный женский голос отдалился.

– Паулине, – снова позвал меня мужчина.

Провёл ладонями по щекам – необычайно мягко. Склонился ближе – я ощутила тепло его кожи. И запах, тонкий, тревожащий обоняние: мягких волос, какого-то травяного питья и усталости. Осени. Хотелось ощутить его сильнее, будто только он вытягивал меня обратно в реальность. Я приподняла голову и слепо ткнулась губами, вдыхая этот запах, чувствуя подбородком колючую щетину. Натолкнулась на горячий, чуть приоткрытый рот – и дыхание моё на миг сплелось с чужим. Мужчина отшатнулся, выпуская моё лицо из рук. Я снова упала затылком в подушку и открыла глаза: Хилберт стоял, нависнув надо мной, загораживая свет, что нехотя струился от зажжённых на комодe свечей. Он озадаченно хмурился, ведя большим пальцем по нижней губе.

– Очнулись, – буркнул. – И не можете обойтись без провокаций. Как вы себя чувствуете?

Я усмехнулась коротко. Мне было плевать на его негодование. Но оказалось приятно видеть лёгкую растерянность йонкера, смятение в его глазах. И странно было осознавать, что он не злится. Скорее, вяло сердится.

– Это странно, что я очнулась, правда? – и хотелось бы, чтобы мой голос звучал твёрдо и уверенно, да сухая хрипота мешала. – И на что я могла вас спровоцировать?

Лаура встала у постели, сжимая в руках принесённое шерстяное одеяло с длинной бахромой и, видно, не могла понять, нужно оно теперь или нет.

– На очередную стычку, конечно, – Хилберт махнул на дверь, взглянув на служанку, и та, коротко вздохнув, вышла.

– Я не понимала, что делаю.

– Думается, понимали. Впрочем, ладно, – он взял с высокой тумбы у изголовья кровати вытянутый глиняный стакан и подал мне.

– Не надо постоянно переворачивать мои слова негативной стороной, – проворчала я. – И решать за меня.

Я напилась, наконец, ощущая, как оживает всё внутри всего от пары глотков поистине животворящей влаги. Последний раз я так радовалась глотку воды дома, в своём мире, когда однажды долго моталась по городу в страшной жаре без возможности заехать в магазин, а потом наконец купила вожаделенную бутылочку.

Теперь мысли окончательно прояснились, и всё, что я видела в бреду, как раз таковым и показалось. Нет, это всего лишь порождение дурмана. Разве что кроме воспоминаний Паулине, которые были очень полезны. А в остальном – Антон и мама сразу поймут, что в моём теле не я. Они должны понять! И даже любопытно стало, что в таком случае будет делать Паулине. Как выкручиваться?

Знать бы ещё, что я сама успела наговорить, лёжа в той наполненной отвратительной слизью ванне. И, судя по лицу Хилберта, ничего, что его удовлетворило бы.

– Не томите. – Я снова поставила стакан на тумбу. – Что передал вам мениэр Алдрик? Я призналась во всех своих грехах? В убийствах и трупах, которые зарыла на заднем дворе? Может, надо меня сразу казнить, а не купать в зелёной жиже?

Я и не заметила, как меня откровенно понесло: от страха, от злости на то, что никак не могла внутренне принять здешних порядков – настолько дикими они мне казались. Хоть, если подумать, как люди живут тут? В Волнпике, или вообще во всём антрекене – с постоянным опасением, что на них нападут те чудища из Пустоши. Наверное, это делает характеры и нравы крепче стали. По-другому быть не могло. В опасной ситуации приходится быть жестоким. Но всё равно проснувшееся вновь негодование, которое начисто лишало благоразумия, сейчас заставляло мысли метаться хаотично и изливаться не совсем взвешенными словами. Чёртова шадрума.

– Отец умер сегодня, – оборвал мои едкие излияния Хилберт, наслушавшись их вдоволь с удивительным для него терпением.

Я мгновенно захлопнула рот. Как ни мало испытывала приязни к Маттейсу, а не дурочка, чтобы глумиться над чьей-то смертью. И над его в том числе. И хотела бы сказать, что мне жаль, да вспомнила, как к моим словам отнёсся йонкер в прошлый раз – не поверил ни на грош. И стоило ли злить его снова?

– Я не знаю, что сказать... – проговорила честно.

– А ничего говорить и не надо, – мужчина пожал плечами. – Вы всё сказали во время наказания. Всё и ничего. Я был там. Слышал всё своими ушами.

Получается, пришёл туда, когда я уже впала в бессознательное состояние. Прекрасно. Я подняла на него вопросительный взгляд.

– Значит?..

– У меня нет веских оснований считать, что вы причастны к смерти отца. Хоть я в том до конца и не уверен. А в остальном будут разбираться дознаватели антреманна. Возможно, и короля. Всё же умер глава Стражей. При очень паршивых обстоятельствах.

– Что же я говорила? – стало на миг страшно и неловко.

– Странные вещи, – Хилберт усмехнулся с лёгким удивлением во взгляде. – Большей частью бред. Что вас не должно здесь быть. Что вы не вы. Что вы хотите домой немедленно. Хотите увидеть мать – и всё в подобном роде. Так бывает. Разум замутняется. Но из потока бессвязностей иногда проступает нужное.

Я опустила взгляд на свои руки, протяжно и тихо вздохнув. Вот так вот скажешь, казалось бы, правду, а все посчитают, что это всего лишь бред, вызванный галлюциногенным соком какого-то неизвестного мне растения. Да заяви я об этом снова сейчас – что поменяется? Алдрик уже не поверил мне один раз. И Хилберт верить не торопился.

– А если это не бред? – я снова взглянула на Хилберта. – Всё, что я говорила? Что если я не из этого мира? И это не моё тело.

Йонкер прищурился, въедливо изучая моё лицо. Показалось, в его глазах пронёсся проблеск сомнения.

– Сейчас не время для подобных вывертов, мейси. Хватит. Ещё вчера отец высказал пожелание, чтобы вы в случае его смерти присутствовали на оглашении завещания. Уж не

знаю, зачем. Душеприказчик придет после погребения. У вас ещё есть достаточно времени прийти в себя.

Он просто повернулся и вышел. Долго ещё я смотрела в дверь, за которой он скрылся, пытаясь осознать новый поворот в новой, почти не знакомой мне жизни. Только, кажется, должна была выйти замуж, хоть этого и не хотела, а прошло всего несколько дней – и мой жених мёртв. Причём с большой долей уверенности меня подозревают в причастности к его убийству, хоть сейчас Хилберт, кажется, не торопится настаивать на моей вине – что очень и очень странно для него. Признаться, я думала, что усомниться на этот счёт его не заставит никакая правда. И настолько это всё подозрительно – даже и не знаешь, что сделать в первую очередь: порадоваться или повеситься.

Но, пожалуй, и правда стоило дожидаться оглашения завещания Маттейса – не зря ведь он велел мне на нём присутствовать. Похоже, там есть распоряжение и о моей судьбе, раз уж я была почти что его собственностью – если меня не подвели все сразу органы чувств, которые вопили о том, что ко мне большинство людей относятся, как к вещи. Может быть, услышав моё спонтанное признание, Маттейс что-то осознал и решил хоть как-то меня пощадить?

Слабо верилось. Но надежда, как говорится, умирает всегда последней. Тварь живучая – она, похоже, грозилась выпить мне ещё немало кровушки.

Вновь вошла Лаура, принесла то ли обед, то ли ужин – я не поняла. Только проглотила всё, почти не чувствуя вкуса. Лишь бы набраться сил, лишь бы скорее сошли с тела эти жуткие ощущения бессилия в хватке воли Алдрика и жуткого жжения повсюду. Я даже попросила приготовить мне ещё одну ванну – захотела ополоснуться сама. Это стоило больших трудов слугам, но никто не возразил.

Кругом в замке стояла поистине скорбная тишина. Даже прислуга передвигалась почти на цыпочках, дабы не нарушить мрачности момента. Лаура доложила, что Хилберт выехал в Ривервот, чтобы распорядиться насчёт погребения отца. А Дине осталась здесь. Как и Ренске. И мне было страшно не по себе в этом огромном доме, который переваривал каждого, кто находился внутри, словно огромный кит – планктон. После ванны полегчало – а потому я решила проявить небольшую наглость и без приглашения наведаться к йонкери. Возможно, она прогонит меня, но хотя бы удастся понять, как теперь относится ко мне. Станет ли поддерживать дальше – или в виду всех слухов и последних неприятных событий встанет на сторону брата? Без друзей я и вовсе рискую потонуть во всех неприятностях, что сыпались на мою голову одна за другой.

После всего, что я увидела во время испытания-наказания, не давала покоя ещё одна мысль. Похоже, с Тейном Мейером мне встретиться тоже крайне необходимо. Но он далеко, а значит, надо подумать над способами выбраться в Ривервот по возможности. Но это стоило решить чуть позже.

Оставив Лауру в комнате, я вышла и постучала в соседнюю дверь. Сначала тихо, а затем и громче. Уже собралась было повернуться и уйти, как долетело до слуха тихое разрешение войти.

Дине в покоях не оказалось. Я оглядела их медленно, отмечая, что дочь Маттейса вовсе не стремилась создать здесь особый уют и милоту, которая приличествует молоденькой девушке. Всё выглядело достаточно строго и больно уж по-взрослому: массивная резная мебель, старое угловатое трюмо с потемневшим уже зеркалом. Либо девушка не слишком заботилась о своей внешности, либо и вовсе не любила себя разглядывать. Что странно, если учесть, что она очень даже симпатичная. И тёплая – пожалуй, больше всего теплоты исходило от неё из всех, с кем пришлось столкнуться – что делало её ещё краше. И, видно, не только в моих глазах, если вспомнить Алдрика.

– Дине! – окликнула я её, уж было подумав, что просто не замечаю среди каменных стен и тяжёлой мебели: тут и потеряться несложно.

И только потом заметила приоткрытую низкую дверь, которая вела, похоже, в какую-то смежную со спальней комнату.

– Заходите, мейси, – снова донеслось до меня приглушённо – как раз оттуда.

Я быстро прошла через покои и, пригнув голову, нырнула в каморку. Да так и встала на пороге, резко выпрямившись и едва не ударившись затылком о притолоку. Вокруг было много свечей и много картин: на полу, прислонённые к стенам, на мольбертах – законченные и ещё только начатые. Портреты и пейзажи, от которых просто мутилось перед глазами, потому как такого я не видела никогда в жизни. В своей обычной жизни среди каменных громад мегаполиса, переходов метро и километров дорог, под которые было укатано всё живое. И как ни мало живого было изображено рукой Дине на холстах, а всё это выглядело так, будто я смотрю в окно. Протянешь руку – и коснёшься. Среди своих творений стояла Дине, опустив руку с кистью и глядя на большой портрет Маттейса – почти законченный. Видно, оставалось всего несколько доработок. Девушка не шевельнулась, не повернулась ко мне – и я застыла тоже, разглядывая её в окружении прекрасных работ, которые она, похоже, предпочитала прятать ото всех. С кончика кисти, только что обмакнутой в палитру, упала тяжёлая капля и расплескалась тугой синей кляксой на полу рядом с краем подола йонкери.

– Я хотела подарить его отцу на свадьбу, – пробормотала она. – Хотя и понимаю, что для него и для вас это была просто формальность. Но я хотела сделать ему приятное.

Девушка медленно, словно боялась сделать хоть одно резкое движение, отложила палитру на столик. Взяла тряпку, всю перепачканную в краске, и вытерла руки. Я подошла неспешно и тихо, всматриваясь в черты Маттейса, которые его дочь передала так живо и ясно, что в нём начинало проступать то, что я не успела узнать о нём. Да и вряд ли знал кто-то посторонний. Дине не забыла подчеркнуть его глаза – пронзительные и строгие, очерченные тёмной радужкой и с холодными искрами в глубине их.

– Он был бы счастлив получить такой подарок, – осторожно проговорила я, поглядывая на девушку.

Та передёрнула плечами.

– Он не был счастлив последние годы. После того, как ваша матушка прогнала его. А уж тем более, когда она умерла, – Дине повернулась ко мне – и в глазах её встал упрёк. – Я стараюсь не винить вас, мейси дер Энтин. В том, что вы с вашей сестрой оклеветали отца однажды так страшно. Вы были совсем юной и, наверное, порывистой. А я – ещё ребёнком – и не помню почти ничего из того, что случилось. Но иногда... Иногда мне думается, что лучше бы он не пытался вас заполучить. Не лез в ваше проклятое фамильное гнездо. Он и так уже хлебнул там горя.

– Простите меня, мейси, – только и сумела я ответить.

Больше мне нечего было сказать. Конечно, я уже догадалась о многом, увидев обрывки прошлого Паулине. Но всё-таки не обо всём. Наверное, боялась сделать ошибочные выводы. И, несмотря на это, всё отчётливее осознавала, что неприязнь детей Маттейса, откровенная или скрытая, обоснована и не является одной лишь их прихотью.

– Я простила вас давно. Хилберт не может. – Дине снова отвернулась. – Пока не может. Кажется, вы хотели увидеть Пустошь? Если не передумали, то сейчас самое время.

– Настроение подходящее, – согласилась я.

Йонкери покивала и прошла мимо меня в спальню – а дальше – прочь из комнаты. Только за ней и поспевай. Неведомо какими ходами мы вывернули на узкую лестницу – такую, что порой плечо шоркалось о стену – а затем вышли на открытую площадку, огороженную каменным высоким парапетом со всех сторон с вырубленными в нём отверстиями наподобие окон. Бешеный ветер ударил в лицо, взметнул за спиной распущенные локоны и бросил по глазам паутинку волос. Дыхание на миг застряло в груди.

Я проморгалась и вновь пошла за Дине, которая уже остановилась у дальнего ограждения. Медленно переставляя ноги, я приблизилась, подняла взгляд, устремляя его вдаль – и просто обомлела. Если с южной стороны Волнпика и горной стены, что стискивала его, стелились цветочные луга, пусть и бледно зелёные от недостатка солнца, то с другой просто, казалось бы, не было ничего живого. Только растресканная глиняная корка с редкими пучками сухих кустов. Кое-где торчали и остовы мёртвых деревьев, выпроставших ветви из мутного полупрозрачного тумана, который клоками перетекал над землёй. Ветер, что нёсся нескончаемым потоком со стороны Пустоши, бросал в лицо мелкие крупинки и душную пыль. Дышал затхлостью, пронизанной едва ощутимыми ниточками смрада. Будто где-то здесь было ещё и старое болото. Но, насколько хватало глаз – это была пустая равнина, без следов, без дорог и людского жилья. И что самое паршивое – я уже видела её. В своём видении, пришедшем в бреду. Тут стояла Паулине – под защитой своих питомцев. Но только как она была с ними связана?

Я бездумно приблизилась к парапету и опустила на него ладони, провела по холодному, почти ледяному камню, вдыхая запах Пустоши и чувствуя нечто сродни тому зову, который и заставил меня недавно броситься прочь из кареты – прямо в заросли, не щадя кожи, которую царапали ветки, и платья, которое едва не в клочья изодралось об острые сучки. Он звучал так далеко, почти неслышно – но неведомым образом дотягивался до меня, ввинчивался в мозг. То ли они звали меня, то ли я их – неосознанно. Но ясная связь протягивалась между мной и Пустошью. И чем сильнее я это осознавала, тем страшнее становилось. Кто я такая? Кем была та, что оставила мне в наследство своё тело? Или, может, дело вовсе не во мне?

– Паулине, осторожнее! – предупредила меня йонкери.

Её голос донёсся глухо, а внутри ничего не отозвалось. Инстинкт самосохранения молчал напрочь, как у маленького ребёнка. Я только чуть повернула к ней голову – вяло, медленно. Заметила тень, что приблизилась с другого бока. Лёгкий толчок в спину – и я качнулась вперёд, почти переваливаясь через парапет. Ноги потеряли опору. Показалось на миг, что сейчас верхняя часть тела перевесит – и я полечу вниз, захлёбываясь ветром и задыхаясь в собственном подоле. Сердце остановилось, я вскрикнула звонко, но сумела вернуться назад: ступни снова ощутили прохладную твёрдость гранитной площадки.

– С ума сошли? – взвилась Дине, хватая меня за локоть и оттаскивая ещё дальше от ограждения. – Совсем дурная?!

Но её укор предназначался, похоже, не мне. Она уставилась гневно на кого-то. А ответом ей стал только беспечный и жестокий смех. Я вдохнула и выдохнула несколько раз, прежде чем смогла пошевелиться. Повернулась вслед за взглядом йонкери: Ренске смотрела на меня, усмехаясь недобро. Её грудь взволнованно вздымалась, будто она и сама испугалась того, что сделала. Мягкие округлости очерчивались чётче и опадали в стянутом шнуровкой вырезе её тёмно-синего, оттеняющего благородную бледность кожи платья. Конечно, она старалась не выдать волнения, словно это и правда была всего лишь шалость. Но чем прозрачнее становилась пелена странного морока перед глазами, тем яснее я видела в её взоре колкую решимость. Перевались я через парапет, она ничуть не пожалела бы, а то и сумела бы отговориться, что неуклюжая девица сама рухнула вниз.

– Надо быть осторожнее. Здесь сильный ветер и скользкие камни, – аарди пожала плечами, отворачиваясь от меня. – Я всего лишь вас проучила.

– Она права, – согласилась Дине. – Волнпик коварен. Как и Пустошь. Я испугалась за вас, мейси. Похоже, надо идти назад.

Я даже не стала спорить. Насмотрелась на Пустошь вдоволь: как бы на всю жизнь не хватило теперь. А глупая и опасная шутка Ренске и вовсе оставила по всему телу дрожь короткого, но глубочайшего испуга. Теперь мне не поможет волрейн. Надо бы раздобыть чего покрепче.

Вместе мы вернулись внутрь. Совершенно молча. Ренске шла позади, и её оценивающий, колкий взгляд я ощущала даже сквозь платье. Чем больше сходило с меня потрясение после

пережитого, хоть и короткого, но острого страха, тем сильнее наваливалось раздражение от беззащитного изучения аарди моей спины.

Дошло до того, что я успела перехватить её за локоть, прежде чем она повернула в одном из переходов к своей комнате. Ренске уставилась на меня недоуменно и нагло. Я никогда не была агрессивной, но тут меня проняло до самого нутра. И так захотелось вцепиться по её карамельному лицу, что аж ладонь зачесалась.

– Ещё раз попытаетесь меня проучить подобным образом, и Хилберт узнает о вас то, что знать не должен. Ясно?

В моих словах, конечно, превалировал банальнейший блеф. Ничего особо тайного и запретного на той лестнице в доме антреманна я не услышала. Но Ренске об этом знать вовсе не обязательно.

Маленькая хитрость удалась: аарди побледнела – только слегка – а на щеках её, наоборот, вспыхнул прозрачный румянец.

– Не понимаю, о чём вы, мейси.

Она вскинула голову, отчего её слегка курносая физиономия заострилась ещё больше.

– Зато я понимаю кое-что всё лучше и лучше.

Я отпустила её и отправилась догонять Дине. А ещё вдруг решила зайти к Хилберту, как вернётся из Ривервота, хоть не успела ещё «соскучиться» после последней встречи. Но сил терпеть и искать удобный случай вдруг не осталось. Я должна узнать об этом зове Пустоши больше. А кто расскажет лучше, чем потомственный Страж?

Йонкер не вернулся к ночи – что вовсе не удивительно. Но почему-то я всё равно ждала – хоть и не могла увидеть или услышать его возвращение. Полночи мне не давали покоя воспоминания об этом зове, который на сей раз не довёл до беды, но всё же напомнил о себе.

Если перебрать всё, что успела узнать о Ключах, то слова Хилберта, что ничего подобного чувствовать я не должна, казались правдивыми. Да и сегодня я слышала его гораздо слабее, как будто источник его отдалился, хоть Пустошь была ближе. Так близко, что дышала в лицо. Ворочая и ворочая в голове смутные ощущения от того случая с нападением и того, что испытала сегодня, я только устала, так и не найдя каких бы то ни было ответов. Даже подумала было в какой-то миг пойти к Дине, но вспомнила, что сейчас уже глубокая ночь, и пожалела йонкери, которой после смерти отца не хватало только моих расспросов. Да и спит, наверное. Это я ходила по комнате, как сомнамбула, то и дело возвращаясь мыслями к невольно оставленному дому и размышляя о том, что сейчас делают мама или Антон? Вот о нём думать было совсем тяжело. Тяжело было даже представлять, что он легко мог принять в моём теле новую Полину и даже не заметить разницы. Меня даже трести начинало, будто спину лизал сквозняк. Хотя в чём винить его, пусть даже он с ней и спит. Ведь не знает...

Я доходила до того, что в какой-то миг просто рухнула в постель и сразу уснула. А утром пробудилась сама, ещё на рассвете – благо, как и в моём мире, он по осени уже был не слишком ранним. Будто почувствовав, что я не сплю, скоро пришла Лаура, немало удивившись моему бодрствованию.

– Скажите, мейси, – обратилась я к ней после всего церемониала утреннего сбора на завтрак, – мениэр ван Берг ещё не возвращался?

Служанка пожала плечами. Наверное, не знает. Да и как – ещё достаточно рано, замок огромный. Тут, наверное, новости с одного его конца на другой доходят через неделю.

– Я слышала, мениэр ван Берг вернулся. Но закрылся в комнате и к завтраку не собирается.

Нет, всё же слышала что-то. Я невольно улыбнулась, неспешно разглаживая только что расчёсанные волосы. Служанку себе выбрала, что надо: везде успевает и замечает всё, что нужно. Что ни говори, а ассистенток я научилась нанимать правильных, хоть поначалу случались и ошибки.

Ну, раз йонкер приехал и не желает завтракать с сестрой и невестой – о себе уж не говорю – надо брать его тёплым, пока снова не затерялся где-то. После смерти Маттейса на него, скорей всего, навалилось много забот. Но, даже всё понимая, осознавая, что ему непросто, свои интересы я не могла отложить в долгий ящик. Того и гляди либо спячу, либо убьюсь, бросившись с башни этого треклятого каменного чудовища: сама или помогут...

Потому, решив, что выгляжу вполне презентабельно и хотя бы этим не смогу вызвать раздражение его светлейшества мениэра Хилберта ван Берга, я повернулась к Лауре.

– Будьте добры, проводите меня к нему. Вы ведь знаете, где его покой?

Девушка уставилась на меня вопросительно и немного растерянно: похоже, я всё же сказала что-то не совсем подходящее. А может быть, и вовсе неприличное? Ну, в любом случае, отступать уже некуда.

– Да, конечно, я провожу вас, мейси, – не стала спорить и обращать моё внимание на странность просьбы Лаура.

Оказалось, что идти не так уж далеко. Всего-то как будто на другой этаж огромной башни. Похоже, только она здесь предназначалась для самых важных обитателей – остальное немаленькое пространство занимали другие Стражи. Как бы то ни было, если мне вдруг снова захочется наведаться к Хилберту – что вряд ли – смогу прийти сама.

– Можете идти, – я кивнула служанке, и та, одарив меня ещё одним странным взглядом, удалилась.

Не знаю, в какой миг меня насторожила тишина кругом: когда я только шла до двери комнаты или когда занесла руку, чтобы постучать. Но она буквально впивалась в уши. Как будто сюда вовсе не доходили никакие звуки. Прислушалась: в покоях тоже тихо, ни шага случайного, ни шороха. Спит, может быть, с дороги? На мгновение я всё же засомневалась: наверное, неподходящее время для разговоров. Но тут же заставила себя вспомнить, что меня-то как раз беспокоили все кому не лень в любое время суток. Ничего, потерпит.

Я постучала не слишком громко, но и уверенно: чтобы не показаться наглой, но и заявить о решимости войти. Ожидала всего: что мне откроет какой-нибудь слуга или даже Ренске. Думала даже, Хилберт прогонит, не разбираясь. Но полнейшего молчания в ответ отчего-то не ожидала. Ушёл, что ли? Но всё же постучала снова.

– Мениэр ван Берг! – позвала, почти касаясь губами двери. – Мне очень нужно поговорить с вами. Я могу войти?

– ...дите, – послышалось приглушённо и даже сдавленно.

Входите или уходите? Чёрт бы побрал эти толстые двери и стены! Первый раз захотелось вознести хвалебную оду современному строительству в моём мире: когда заданный вопрос можно расслышать даже из соседней квартиры. Как неловко выходит. Я потопталась на месте ещё немного и всё же толкнула створку, решив, что войти можно.

– Я захожу, мениэр... – предупредила на всякий случай.

Ступила в сероватый полумрак комнаты и огляделась. Сначала в одну сторону, после в другую – и обомлела на миг. Потому как увидела первым делом блестящую от пота в отсветах огоньков свечей, тяжело вздымающуюся спину Хилберта. Он стоял, уперевшись руками на нечто вроде комода, и пальцы его почти сминали доски. Казалось вот-вот и продавят вмятины. Он медленно качал низко опущенной головой и, кажется, не видел ничего вокруг себя. Влажные растрёпанные волосы закрывали его лицо – думается, и хорошо, что так.

Я метнулась вперёд, прежде чем успела осознать. Взяла его за плечи – и ладони соскользнули по влажной горячей коже вниз.

– Я сказал, уходите! – йонкер развернулся, взмахивая рукой.

Точно ударил бы, не успею я отшатнуться вовремя. Но, в очередной раз запихнув инстинкт самосохранения куда подальше, я снова приблизилась, ощущая страшную необходимость коснуться его широкой, в тонких полосках шрамов спины.

– Позвать лекаря? – спросила, пытаясь заглянуть в его лицо. – Я позову...

– Нет, – йонкер снова постарался вывернуться, но я поймала его, как бьющуюся на берегу скользкую рыбину. – Нет. Он не поможет...

Голос мужчины стал спокойнее, будто подчиняясь моим осторожным коротким поглаживаниям. И что странно: мне не было неловко от того, что я касаюсь полуголого мужчины – так. Почти что ласково. И что этот мужчина сейчас, скорей всего, прогонит меня, как только немного очухается.

– Всё уже почти прошло, – совсем тихо сказала он, замирая. – Вы пришли немного не вовремя.

– Простите. Я подумала, что можно войти, – солгала.

И сейчас даже не смогла бы сказать: хорошо, что увидела его таким, или плохо. Могу ли теперь играть на его слабости, или он начнёт мне угрожать?

– Сам виноват. Надо запира́ть дверь, – Хилберт не торопился поворачиваться ко мне. И не торопился отстраняться от рук. – Просто забыл. Так часто бывает, когда я возвращаюсь с Волнпик.

Признание? Малая доля доверия? Откуда бы? Мысли заметались в голове судорожно, когда я попыталась решить, что сейчас делать. Огляделась в комнате и, заметив возле умывальника полотенце, быстро за ним сбегала и подала йонкеру. После – рубашку, что висела, небрежно брошенная, на спинке кровати. Пусть хоть прикроется немного, а то смотреть на него всё же малость некомфортно. Не противно, конечно, а как будто боязно и... волнительно, что ли. Пришла, называется. Инициатива наказуема – и чаще всего не угадаешь, каким именно образом.

– Зачем вы пришли? – Хилберт наконец оделся и повернулся ко мне. – Вам не кажется, что наши встречи надо бы свести к минимуму?

– Многие знают о вашем... недуге? – всё же спросила я. Рискнула, можно сказать.

Йонкер неопределённо покачал головой. Похоже, вопрос не показался ему странным.

– Знают многие, – он улыбнулся даже. – Но в чём он заключается – только близкие. И мне не хотелось бы, чтобы вы лезли в это.

«Понятное дело», – проворчала я мысленно.

А вот некоторые девицы, похоже, скоро рассчитывают стать Хилберту настолько близкими, что перед ними он точно раскроется. Не будем называть имён. И зачем им это, остаётся только гадать.

– Раз это тайна, покрытая мраком, я не стану больше ничего спрашивать, – согласилась я миролюбиво. Налила в стоящую на столике неподалёку кружку воды и подала йонкеру. Он кивнул, внимательно скользя взглядом по моему лицу. – Только если вам нужна моя помощь, может, мне стоит знать?

– Не стоит, – мужчина опасно усмехнулся. Я прямо-таки почувствовала физически этот напор, что прозвучал в двух коротких словах. – Да и ваша помощь мне не так уж нужна. Как видите, всё прошло без неё.

Ну, конечно. Я укоряюще покачала головой, но настаивать не стала. Всё же пришла сюда вовсе не за тем, чтобы справляться о его здоровье.

– Как знаете. Я только хотела поговорить. Потому что меня тоже кое-что беспокоит.

Хилберт вдруг нахмурился. Но всё же махнул рукой в сторону короткого, обитого плотной кожей диванчика, предлагая сесть. Я опустилась на твёрдое сидение рядом с ним и невольно потянула носом воздух: привлек запах, что исходил от йонкера. Нет, это не был пот, что странно, а было нечто знакомое и непривычное одновременно. И только в следующий миг вспомнила: так пахла Пустошь, когда я стояла совсем близко к ней. Таким духом она веяла в лицо. Я даже качнулась к йонкеру, чтобы убедиться. Но вовремя остановилась: подумает невеста что.

– Что же вас беспокоит настолько, что вы решили прийти ко мне? – задал он справедливый вопрос.

Наверное, сам предположить не мог, что я заявлюсь к нему вот так – буквально просить помощи.

– Я слышу Пустошь.

Хилберт озадаченно покривил губами. Как будто я говорила ему об этом первый раз. Коротка же память.

– Повторюсь, что это невозможно.

– Но я же не спятила! – в тоне невольно проскользнула лёгкая плаксивость.

Неприятно, знаете ли, что едва не каждое твоё слово воспринимают, как хитрость, уловку или обман. Трудно быть искренней, а ещё труднее, когда это не ценят.

– Не спятили, но...

Я схватила его за грудки. Не удержалась. Просто вцепилась в его рубашку и слегка трянула. Хилберт осторожно взял мои запястья и попытался оторвать меня от своей одежды.

– Я слышала её там, в карете. И вчера, когда поднималась на башню.

– Вы поднимались на башню?! – йонкер повысил голос. – Кто вас надоумил?

Его гнев показался странным. Там не стояло стражи, дверь была не заперта, а значит, запрета на то, чтобы туда ходить, ни у кого нет. Так в чём же дело?

– Сама надоумилась. Объясните, мениэр, – потребовала я выдёргивая руки из его пальцев. – Всё это скверно пахнет, не находите?

– Ключи не могут слышать Пустошь. Её зов слышат только Изгнанные или Проклятые, которые ими ещё не стали. Она тянет их за собой, потому что внутри каждого из них её часть – химера. В Ключах связи с ней вообще нет – они чистые порождения Хельды Светлого. А в обычных Стражах только один из Обликов – этого мало для сильной связи с ней, которая могла бы подавить их собственную волю, – на удивление спокойно и терпеливо разъяснил Хилберт.

Он говорил неспешно и неотрывно смотрел в моё лицо, будто при этом успевал обдумывать что-то ещё, а слова изливались из него сами, как заученный урок. И всё это наводило меня на смутное подозрение, что мой рассказ заинтересовал его гораздо сильнее, чем он хотел показать.

– Так откуда во мне могла образоваться связь с Пустошью? – сдаваться ещё явно было рано. – Я не чувствую себя в безопасности здесь. Не только из-за вашего поведения, – не преминула уколоть. – Я рискую однажды спатить и умчаться в пыльную даль. Не так ли?

Хилберт улыбнулся снисходительно, опустил взгляд на мои сложенные на коленях руки, о чём-то раздумывая.

– Пока точно ответить на ваш вопрос, мейси, я не могу. – Он встал и прошёлся чуть дальше по комнате, а затем вернулся. – Если вам так будет спокойнее, я постараюсь выяснить о ваших странных ощущениях как можно больше. А потом мы что-нибудь предпримем. В зависимости от результата.

– И как долго мне придётся ждать? – я постаралась не говорить слишком капризно.

Мало ли что. И без того удивительная благожелательность Хилберта сегодня почти что в шок вгоняла. То ли он просто ещё вялый после приступа, то ли и правда пытается успокоить. Кажется, даже излишне.

– Дайте похоронить отца и решить вопрос с наследством. Мне нужно принять многие дела.

Я опустила голову, немного, но устыдившись. Ведь и правда ему сейчас не до меня. Хотя и это дело казалось важным. Всё ж, раз купили девицу, так будьте добры за неё отвечать!

– Понимаю, извините. – Я тоже встала. – Но и прошу меня тоже понять. Всё это пугает. Я никогда не чувствовала подобное.

Хилберт заложил руки за спину и медленно отвернулся. На его рубашке даже в сумраке комнаты виднелась мокрая полоса от испарины – вдоль позвоночника. Я вмиг вспомнила о том, в каком состоянии застала его только что. И в этом мне почудилась некая связь с моими ощущениями. Только какая? Тут так легко ошибиться. Так легко ступить напрямик в пропасть. Совсем как там, на вершине башни Волнпика.

– Хорошо, мейси дер Энтин, я обязательно узнаю что-то, – нехотя ответил йонкер.

Короткое, но весомое молчание дало понять, что пора уходить. Лимит терпения Хилберта заметно подходил к концу. Да и я сказала всё, что хотела. И даже получила приемлемую реакцию на свои слова.

Я пошла было к двери, но неосторожно наступила на свой же подол – никогда не привыкну к вечно длинным платьям! – и покачнулась, неумолимо теряя равновесие. Мгновенно Хилберт оказался рядом и поддержал меня под локоть, хоть и стоял только что в отдалении.

– Надеюсь, то, что вы увидели сегодня, останется между нами, – напомнил тихо и низко.

Я подёрнула подол и, высвободившись, пошла прочь. Только приостановилась у двери, ещё чувствуя на себе взгляд йонкера. Обернулась.

– И ещё: угомоните свою невесту, мениэр. Мне кажется, она слишком много на себя берёт.

Не дожидаясь хоть какого-то ответа, я ушла.

Через день состоялось величественное погребение Маттейса ван Берга. Раньше мне, к счастью, не приходилось часто бывать на похоронах – только у бабушки в детстве. А потому весь этот размах, с которым провожали в последний путь главу Стражей, меня немало поразил. И удивил необычностью некоторых ритуалов.

Прибыло много людей из Ривервота и окрестностей, чтобы отдать дань уважения Маттейсу. Даже антреманн отложил все дела. Его и Ренске тётушка с семейством тоже прикатили – между прочим, одними из первых.

Пришлось столкнуться с ними в огромной столовой за ужином накануне церемонии. И на присутствие в Волнпике вроу Мейер мне было бы совсем плевать, если бы не приехавший с матушкой Тейн. А я только начала раздумывать над тем, как бы с ним снова увидеться – и пока что все варианты выглядели один подозрительнее другого. А тут такая удача. Не было бы счастья, что называется...

Я уселась за стол по левую руку от Хилберта, который не мог обделить вниманием важных гостей, и напротив Тейна. Под щебетание вроу Леоны, а иногда под её мученические вздохи о том, что в Волнпике «дышится как-то тяжело», я только и успевала уплетать свой ужин, особо не разглагольствуя: ведь не просят. Зато не забывала то и дело бросать осторожные взгляды на аарда Мейера-младшего, присматриваясь к нему – и тот отвечал с заметной страстью и нетерпением. Можно было только догадываться, какие вопросы сейчас крутились в его голове, и как сильно он хотел узнать, почему я не пришла тогда на встречу. И мне крайне необходимо было поддержать в нём этот пыл. Даже разжечь сильнее – а потому, делая вид, что внимательно слушаю рассказ аарда Мейера старшего о том, что король Саллийский наверняка скоро поднимет пошлины на ввоз товаров из южного Грутмодига, я медленно подвинула под стол ногу и коснулась самым носком ступни Тейна. Можно было и ошибиться, пожалуй. Совсем рядом сидел и Хилберт – вот был бы казус. Но, судя по тому, как выпрямилась спина аарда, я попала в цель. Приходилось действовать на свой страх и риск. Ведь какие отношения связывали Паулине и Тейна, я не знала наверняка. Могла только догадываться по короткому обрывку их разговора, который услышала в бреду, и делать хоть какие-то шаги ему навстречу. Слепо, по смутному наитию.

Но только он сейчас казался мне лучом света в этом вечном мраке Волнпика, к которому стоило стремиться.

Кажется, никто на лёгкое напряжение молодого аарда внимания не обратил. Мужчины были заняты разговором, женщины – слушали их. Только один раз за весь ужин довелось заметить, как протяжно и внимательно смотрит на меня Ренске. С ней, пожалуй, стоило быть осторожнее.

К сожалению, больше с Тейном увидеться не удалось до самого погребения. А там уж собралось множество людей – и вовсе шагу не ступишь без наблюдения. Все спустились из Волнпика в долину – пешком. Только тело Маттейса, завернутое в белую ткань и накрытое багровым покрывалом с гербом ван Бергов, уложили в открытую повозку, запряжённую крепким меринком. Все пошли рядом с ней, а лошадь под узду повёл Хилберт. Одет он был сегодня во всё чёрное, как и остальные мужчины. А женщины – наоборот, надели светлые одежды. Здесь белый, оказывается, считался траурным цветом.

Потому я чувствовала себя странно в белом платье на похоронах. И всё ведь понимала, но не могла избавиться от назойливых ассоциаций, которые были привиты мне с детства. Как будто я попала на очень мрачный флешмоб невест. Всю дорогу в голову лезли совсем странные мысли: что в этот самый миг я хороню не только чужого отца и своего жениха, пусть он был им совсем недолго, но и прошлую жизнь, в которой должна была выйти замуж, «как все». Не судьба. До положенного алтаря мне придётся ещё добратся и побороться за право на спокойную жизнь.

После спуска процессия повернула по боковой дороге вдоль горной стены – там, у подножия холма, оказывается, стояла огромная каменная чаша, гладко вытесанная и даже отполированная неизвестно каким образом – при здешнем-то уровне технического развития.

В этой диковинной чаше и сожгли тело Маттейса. Дым от огромного костра поднимался высоко в небо – и где-то там, под тяжёлыми тучами, между которыми, прорвавшись в прорехи, только иногда проглядывало солнце, он развеивался, подхваченный слабым ветром. Показалось, всё обширное пространство вокруг холма заполнило душное марево и запах горячей плоти. Я стояла рядом с Дине, едва удерживаясь от того, чтобы приложить ладонь к носу: до того сильно переворачивалось всё внутри. Даже пришлось пожалеть, что позавтракала – наверное, не стоило.

Полыхающую чашу окружали плотным полуколыцом Стражи Волнпика – их оказалось очень много – но в первых рядах стояли те, кто прибыл сюда с других сторон антрекена, кто знал Маттейса хорошо или хуже – но хотел попрощаться с ним. И, глядя на них, я задавалась вопросом: отчего, имея столько самых разных знакомств, он всё же оказался здесь? Неужто никто не пожелал докопаться до правды – если Паулине его действительно оболгала – никто не пожелал заступиться, а может, замараться?

Хилберт стоял совсем близко к огню – как только не обжигался? То и дело я возвращалась взглядом к нему, но ни разу не получалось наткнуться на ответный. Иногда, казалось, он шевелил губами – и в эти мгновения Дине рядом со мной всхлипывала, как будто понимала, что он говорит сам себе. Йонкер отошёл только тогда, как пламя начало опадать. Протолкнувшись мимо всех, кто хотел его остановить, чтобы высказать слова соболезнования, он просто пошёл обратно к замку.

Дине с тихим подвыванием закрыла лицо руками – и я качнулась к ней – обнять. Девушка ткнулась в моё плечо доверчиво, позволяя гладить её по спине и бормотать монотонно успокаивающие, но ничего по сути не значащие слова. И люди смотрели на нас почему-то осуждающе. Никто больше не причитал и не плакал, даже не смахивал слезу украдкой. Как будто выражать таким образом скорбь считалось здесь зазорным.

После того, как часть праха Маттейса развеяли над долиной, вся процессия двинулась назад к Волнпику. Другую часть праха должны были оставить в замке, в особом зале, где хранились останки всех глав Ордена до него – за многие сотни лет. И немного не по себе стало от мысли, что где-то под этой громадой находится ещё и своеобразное кладбище.

По пути мне удалось отделиться от Дине и понемногу приблизиться к семейству Мейеров. Тейн шёл позади неспешно поднимающихся в гору родителей и морщился от тихого ворчания матушки.

– Думаю, нам нужно встретиться сегодня, – проговорила я, не приближаясь к нему вплотную и глядя перед собой.

Сказав, слегка спрятала лицо краем платка, что укрывал мои волосы до самого пояса.

– Я рад, что вы пожелали, – тоже не глядя в мою сторону, ответил Тейн. – Сегодня во время поминального пира я отлучусь. Через некоторое время найдите способ уйти тоже. Направляйтесь в свою комнату, а я перехвачу вас по дороге.

Осталось только кивнуть и отпустить его вперёд. В груди жаром понеслось волнение, будто я собиралась увести парня у подруги. Каждый шаг – риск. Каждый день промедления – та ещё пытка. Придётся пойти на это. Нужно узнать, могу ли рассчитывать на помощь воздыхателя Паулине.

Гости, совсем уставшие от долгих, но необходимых хождений в долину и обратно, резво направились в большой зал, где уже давно расставили столы на всех – оставив при этом обширную площадку между ними. Во главе их, на небольшом возвышении стояло кресло с высокой резной спинкой, в очертаниях которой легко угадывался Волнпик. Поначалу оно пустовало, но пока люди рассаживались по своим местам, в зал вышел Хилберт и сел в него, будто уже являлся главой Стражей. Но, как я поняла, подобная привилегия полагалась ему просто как старшему рода ван Бергов. Наконец все разместились, и только тогда я поняла, что обычных скорбных поминок здесь не будет. Мало того что на столах оказалось полно еды, так ещё и заиграла музыка, когда все принялись за поминальную трапезу. Она звучала из дальнего угла комнаты, я даже вытянула шею, чтобы рассмотреть музыкантов лучше: они играли на неких длинных дудочках, на диковинных инструментах, похожих на волынки, только с более приятным и мягким звучанием. А ещё на чём-то, что напоминало лиры – их переливы гармонично дополняли вполне стройную и успокаивающую мелодию. И хорошо, что так, потому как мне уже начало казаться, будто в Волнпике слышатся лишь шаги Стражей и их голоса.

Сколько я наблюдала за гостями, никто будто бы не грустил. Они оживлённо разговаривали, смеялись даже, без стеснения закусывая напитки жареным на углях мясом и странно-ватой на вид кашей из обыкновенного и привычного мне риса с вкраплением чего-то, что по вкусу и виду напомнило горох, но было всё же не им.

Скоро слуги вынесли пироги с рыбой и овощами, а на площадке, которая всё время так и притягивала взгляд, вдруг завязались схватки Стражей между собой. На кулаках, и с оружием, очень эффектные и яростные. Слыхала я, что раньше даже в моём мире такими показательными боями воздавали почтение умершему воину. Видно, и тут люди рассуждали похоже.

Я так увлеклась наблюдением за захватывающими и, чего уж там, красивыми поединками, что едва не позабыла о главной цели, которую поставила перед собой на сегодня. Только удалось отыскать взглядом среди гостей Тейна Мейера – и он с готовностью ответил на него, подтверждая желание и дальше следовать тому плану, который мы кратко успели обозначить по дороге из долины в Волнпик.

Он встал и, что-то сказав матери и отцу, которые сидели рядом с ним, неспешно и с достоинством вышел из зала. Судя по всему, никто на его отлучку внимания не обратил. Все шумели: кто раззадоривая поединщиков на площадке, кто пытаясь в разговоре с соседом перекричать весь этот гул. Голова понемногу начинала трещать от таких буйных поминок – и уйти отсюда хотелось всё сильнее. Но часто на меня обращался взгляд Хилберта, который будто бы приказывал оставаться на месте. Следила за мной и Дине, но скорее с целью прервать возможные стычки с кем-то из гостей, некоторые из которых посматривали в мою сторону совсем не добро. Видно, находились те, кто всё же считал меня виновной в смерти Маттейса.

Оттягивать миг стало уже больше некуда. Я только дождалась, как ко мне подойдёт служанка, чтобы поставить на стол очередной кувшин с местным горячительным напитком, похожим на банальное пиво – и сильно толкнула её локтем: чтобы наверняка. Девушка вскрикнула тихо – кувшин в её руке качнулся, и прохладное пойло щедро плеснуло мне на грудь и плечо.

Я вскочила, встряхивая руками и оглядывая свое испорченное желтоватыми разводами платье. Первым в меня вцепился взгляд Хилберта, а за ним – взгляды всех, кто сидел поблизости.

– Простите! – запричитала служанка. – Не знаю, как так вышло. Я помогу...

– Нет, спасибо, – оборвала её я. – Я схожу переоденусь. И вернусь. Мне поможет моя служанка.

Сказала я это довольно громко: чтобы услышала хотя бы Дине. Йонкери мешать мне не стала, не стал вмешиваться и Хилберт – только проводил меня пытливым взглядом. А трапеза, показалось, всколыхнулась новой волной шума, проглотив всю неловкость короткого происшествия. Я выдохнула, только покинув зал. Смахивая с кожи оставшиеся капли, пошла к лестнице и наверх, гадая, где именно меня поджидает Тейн.

И как ни готовилась к этому, а всё равно вздрогнула, когда он поймал меня на втором этаже, мимо которого я уже собралась идти дальше к себе.

– Проклятье, – выдохнул он, утаскивая меня куда-то в сторону. – Вы с ума меня сведёте, Паулине. Я извёлся весь в неведении.

Мы скрылись в одной из стенных ниш, где висел огромный пыльный гобелен. Я быстро попыталась придумать, что буду говорить дальше, но закончить мне не позволили. Мужчина развернул меня к себе лицом, удерживая за плечи – и я обмерла на мгновение. Не предполагала, что когда-нибудь увижу такое, считая, будто подобные выражения только призваны нагнать романтичности – но тёмные глаза Тейна и правда будто полыхали. Конечно, в них просто отражался отсвет факела, что висел чуть дальше по коридору, слабо освещая его, но эффект был ошеломляющий. В первый миг.

– Мне очень трудно уйти из-под надзора, – туманно попыталась оправдаться я, с опаской разглядывая утончённое и озарённое жарким нетерпением лицо Тейна.

Что было между ним и Паулине? Они были любовниками? Или их отношения не успели переступить платоническую грань? Знать бы – тогда проще было бы выстроить своё поведение.

– Я понимаю, – аард серьёзно кивнул. – Я не думал, что Хилберт поедет вам навстречу по пути из Шадоурика. Поэтому моим людям пришлось уйти, не вмешиваться. Ещё и эти слангеры. Откуда они там взялись? Вы не злитесь на меня?

Его ладони скользнули вверх по плечам, по шее – и обхватили лицо. Горячие, сухие, будто Тейна сейчас мучила лихорадка. Получается, он хотел помочь Паулине бежать по дороге в Волнпик, а Хилберт и нападение тех чудищ нарушили его планы. Что-то понемногу прояснялось. Но не всё. Катастрофически мало!

– Я не злюсь, – пришлось ответить хоть что-то. – Но я всё же оказалась здесь. Теперь укрыться гораздо сложнее.

Я подыгрывала совершенно вслепую, полагаясь только на свои смутные ощущения и стараясь не говорить ничего конкретного. Мы с Тейном оба вздрогнули, когда раздались шаги на лестнице, а после застучали по коридору, в котором как раз и прятались. Аард быстро развернул меня и укрыл собой, вжимая в нишу глубже. Его тёмная одежда была явно незаметнее в тени, чем моё белое платье. Его твёрдая грудь часто вздымалась, а волосы касались шеи. А через мгновение губы скользнули по скуле вниз и прижались к моим. Что делать? – рваная мысль опалила мозг. Позволяла ли Паулине ему такое раньше? Или стоит оттолкнуть? Я стиснула его сюртук пальцами где-то в районе живота и чуть надавила, давая понять, что надо бы отстраниться. Но шаги всё приближались, а мужчина всё целовал меня, бесстыдно пользуясь

моментом. И руки его сминали талию, а бёдра прижимались к моим так тесно, что я чувствовала жар его паха даже через платье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.